ДРЕВНОСТИ КАЗАХСТАНА

АЛМА-АТА • 1975

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

ДРЕВНОСТИ КАЗАХСТАНА

Издательство «НАУКА» Казахской ССР
АЛМА-АТА · 1975

Древности Казахстана. Алма-Ата, «Наука» КазССР, 1975.
168 с. с илл.

В книге обобщены материалы раскопок Отрара, памятников одноименного оазиса и Каратауского региона. В нее включены также статьи и публикации, отражающие результаты археологических исследований и в других районах Казахстана. Собранный материал пополнит наши знания о генезисе древних культур на территории Казахстана, а также о нумизматике и палеозоологии. Находки последних лет помогут решить и некоторые вопросы позднесредневековой истории и палеоэтнографии Казахстана.

Книга рассчитана на археологов, этнографов, нумизматов, историков и всех, интересующихся древностями Казахстана.

Ответственный редактор
К. А. АКИШЕВ

Д $\frac{10602\text{-}133}{407(07)\text{—}75}$ 85—75

© Издательство «Наука» Казахской ССР. 1975 г.

ОТРАР XVI—XVIII ВЕКОВ ПО ИТОГАМ РАСКОПОК 1971—1973 ГОДОВ

К. А. АКИШЕВ, К. М. БАЙПАКОВ, Л. Б. ЕРЗАКОВИЧ

Городище Отрар находится на правом берегу р. Сырдарьи, в 10 *км* западнее ст. Тимур (Чимкентская обл., Кзылкумский район). В топографии развалин различается центральная часть в виде пятиугольного в плане бугра высотой 15—18 *м* и площадью около 20 *га*. К нему примыкает территория со следами застройки, окруженная двойным рядом стен, причем внешний ряд прослеживается лишь местами [1].

Раскопки, проведенные в 1971—1973 гг. Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедицией АН КазССР, вскрыли территорию около 3,5 *га*.

Раскоп I площадью 15 000 $м^2$ (150×100 *м*) заложен в северной части городища, между воротами Дарваза и-Суфи [2] и северной стеной, раскоп II площадью 2500 $м^2$ (50×50 *м*) — рядом с воротами в южной стене и третий площадью 15 000 $м^2$ (150×100 *м*) — в северо-западной части городища, между воротами Дарваза и-Суфи и северо-западной стеной.

Методика раскопок следующая: вся площадь центрального бугра поделена на квадраты со стороной 50 *м*. Они пронумерованы и в описании каждый фигурирует как отдельный объект. Внутри квадраты-объекты разбиты на более мелкие (10×10 и 2×2 *м*), что сделано для фиксации материала верхних слоев, который затем по мере расчистки строительных конструкций фиксировался по помещениям. Каждое из них, а также улицы, тупики, дворы и площади, расположенные внутри раскопа, получили свой номер. После составления генерального плана всего раскопа нумерация была упорядочена.

[1] *К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, стр. 43.

[2] Там же, стр. 48.

В результате работ выявлена планировка верхнего слоя Отрара на уровне 0,3 — 1,5 *м* в зависимости от профиля объекта. В нескольких местах раскопов прослежены остатки стен, вымостки полов, тандыры и ташнау, относящиеся к строительному горизонту, не имеющему самостоятельного значения. Это следы повторного обживания некоторых участков города или перепланировки после запустения, отмеченного либо натечно-надувными прослойками, либо следами сильного пожара[3].

Постройки основного строительного горизонта XVI—XVII вв. сохранились удовлетворительно. Его планировка выяснена. Северо-западная часть городища — это сплошные массивы с плотной застройкой вдоль магистральных улиц, параллельных основной артерии города — дороге, пересекающей городище с севера на юг. На них выходят перпендикулярные внутриквартальные улицы-дворы, соединенные узкими переулками, связующими кварталы, минуя магистральные улицы.

Остатки сооружений трех раскопов сгруппированы по нескольким жилым кварталам, которые попали в раскопы полностью или частично. Далее мы дадим описание восьми кварталов, выявленных полностью, начнем с раскопа I (рис. 1).

РАСКОП I

Квартал А (рис. 2). В нем вычленено шесть комплексов домов, сгруппированных в два массива и расположенных по сторонам улицы. Фасады квартала глухие. В плане квартал представляет собой неправильный четырехугольник, ориентированный углами по странам света. Он занимает площадь около 1000 $м^2$. С магистральной улицей, которая прослеживается на всем участке раскопа, квартал соединяется переулком. В его юго-западной части отмечены три жилых комплекса.

Дом 1 (помещения 1, 2, 3) в центральной комнате (2) площадью 18,8 $м^2$ находились две печи-тандыра диаметром 60 и 40 *см* (рис. 3). Два других помещения (1 и 3) расположены анфиладой, размер первого — 16,8 $м^2$ и второго — около 32,5 $м^2$. Площадь дома 68,1 $м^2$.

Дом 2 состоит из помещений 4 и 5. В первом помещении размером 13,5 $м^2$ был тандыр диаметром 0,66 *м*.

Второе помещение — кладовая, размером 5 $м^2$. Половина кладовой занята отсеком для хранения зерна или муки, во второй обнаружено ташнау — сливное устройство. Вход в дом со стороны двора шел через айван (помещение 8), общий для дома 2 и 3. Размер айвана 3×5,5 *м*. Площадь дома 35 $м^2$.

Дом 3—многокомнатный, в нем четыре помещения 6, 7, 9, 10 и общий с домом 2 айван. Центральное помещение (6) размером

[3] *К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.* Раскопки в северо-восточной части Отрара. В кн.: «В глубь веков». Алма-Ата, 1974, стр. 143—157.

Рис. 1. План раскопа I.

5,7×5,7 *м* с тандыром-печью диаметром 0,7 *м*. Помещение 7 размером 2,5×5,7 *м* расположено с центральным на одной оси. Северная часть его занята тремя закромами. Еще один сегментовидный закром устроен в южном углу. Помещения 9 и 10 соответственно размером

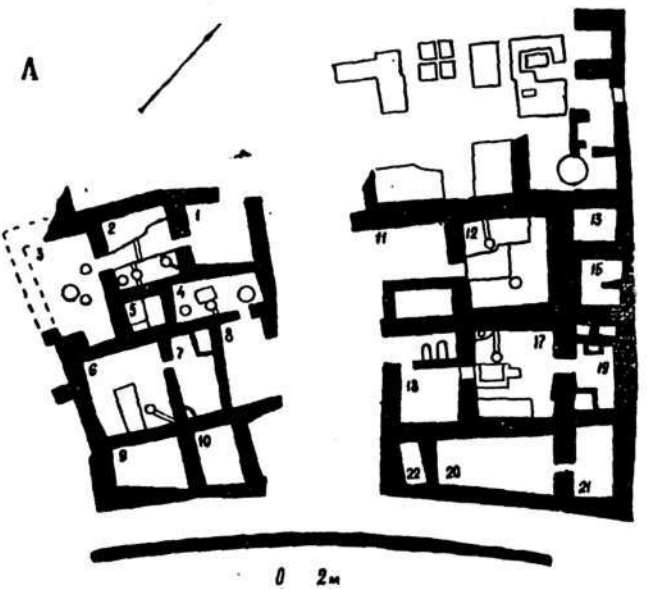

Рис. 2. План квартала А.

4,5×3,2 и 2,3×4 *м*. Видимо, за помещением 10 находился еще один айван, однако конструкция его не сохранилась. Площадь дома 69,6 $м^2$.

Дом 4. Его центральное помещение (12) размером 5,2×6 *м* имеет тандыр диаметром 0,5 *м*. К центральному помещению с обеих сторон пристроены айван (4,7×6) *м* и две кладовые (13, 15). Южная половина его отгорожена стеной. Видимо, здесь хранили продукты. Кладовые размером 3,2×2,2 и 2,7×3,4 *м* разделены стеной. Площадь дома с айваном 74,6 $м^2$.

Дом 5. В доме насчитывается три помещения: центральное (17), айван (18) и кладовая (19).

Центральное помещение размером 5,2×6 *м* с очагом, расположенным ближе к западному углу. Размер айвана 3,8×6 *м*. В северной части айвана обнаружено два овальных в плане очага, обложенных по краям сырцовым кирпичом. Кладовая, примыкающая к центральному помещению с северо-востока, размером 3×5,7 *м*. В кладовой имеется несколько разделенных стенками отделений (ларей): два — в западной части, полукруглый отсек — возле перегородки и в южном

Рис. 3. Квартал А, дом 1, помещение 2.

углу — подчетырехугольный, площадь основания которого равна 1,5 $м^2$. Площадь жилого комплекса 71,1 $м^2$.

В южной части квартала находятся три расположенных по оси помещения, которые составляют единый жилой массив — дом 6. Как и в доме 5, в нем имеются центральное помещение (20) и кладовые (21, 22). В центральной комнате размером 8×3,7 *м* очаг-тандыр не обнаружен. Видимо, его разрушили еще в древности. Размер кладовых — 2,7×5 и 1,5×3 *м*. Площадь комплекса 44,6 $м^2$.

В этом квартале жилые комплексы равнозначны. Лишь площадь дома 2 значительно меньше, чем других домов. Все дома, кроме второго, трех- и четырехкомнатные. Планировка домов стандартная, для нее характерно осевое расположение комнат.

Квартал Б (рис. 4). Состоит из двух жилых массивов, расположенных друг против друга через улицу. В плане квартал прямоугольный, ориентированный углами по странам света. Его площадь около 1700 $м^2$.

В квартале достаточно четко выделяется несколько жилых комплексов.

Дом 1. В нем четыре помещения 1а, 2, 21, 22. Центральное (21) из них с очагом-тандыром имеет площадь 20,9 $м^2$. В западном и восточном углах его находились две печи-тандыра диаметром по 0,5 *м*. Вход в комплекс прослежен со стороны тупика, ограничивающего квартал с западной стороны.

Центральное помещение соединялось с узкой и длинной комна-

той (кладовой) размером 8,85×2,5 *м*. Еще одно помещение типа кладовой пристроено к центральному с западной стороны. Площадь его 20,7 *м*^{2}.

Видимо, к этому дому следует отнести еще две пристройки, которые расположены южнее. Помещение 1а узкое и длинное, размером 6,05×1,9 *м*, помещение 2 размером 4×2 *м*. В них имеется отсек и лари.

Таким образом, площадь этого дома равна 69,7 *м*^{2}.

Дом 2. Он примыкает к дому 1 с восточной стороны. В нем два помещения (14, 15). Центральное (15) размером 5,5×5 *м* имеет печь-тандыр. Она находится ближе к западному углу, диаметр ее 0,6 *м*. С западной стороны к центральной комнате пристроен айван размером 6,2×2,2 *м*. Вход в дом прослежен со стороны улицы.

Дом 3. Он состоит из трех помещений (1, 30, 56), расположенных друг за другом. Вход внутрь со стороны улочки. Комната с очагом (1) площадью 22,6 *м*^{2}.

Среднее помещение (30) прямоугольное в плане размером 2,85×3,5 *м* и, наконец, третье помещение типа айвана размером 6×2,6 *м*. Площадь дома 47, 2 *м*^{2}.

В южной части квартала расчищен комплекс, насчитывающий семь помещений, из них два (8 и 9), вероятно, являются центрами двух жилых комплексов. Однако очаги в комнатах отсутствуют, видимо, не сохранились. Возможно и то, что со временем эти жилые помещения были превращены в кладовые.

Дом 4. Имеет три помещения (5, 8, 10). Площадь центральной комнаты равна 28,6 *м*^{2}, двух других — соответственно 12,5 и 6 *м*^{2}. В помещении 5 находится отсек площадью 5 *м*^{2}, отгороженный южной стенкой, и сливное устройство — ташнау. Площадь дома 47,1 *м*^{2}.

Дом 5. В нем четыре помещения (9, 11, 12, 13), центральное помещение 9 размером 5,7×5 *м*, помещение 12 — 4×4 *м*, помещение 11—3,8×3 *м*, помещение 12—3,2×3,8 *м* и помещение 13—3×3 *м*. Вся площадь дома 61 *м*^{2}.

Дом 6. Он состоит из помещений 31, 32, 50, 51 и 55. Центральным в доме является помещение 51 с очагом-тандыром. Его размер 5,3×3,5 *м*. Диаметр тандыра 0,5 *м*.

Вход в дом находился с улицы-двора через помещение 31. Помещение 31 размером 5×2,75 *м*, помещение 50 — 5,8×2,45 *м*. В последнем в восточном углу расчищен закром размером 1,4×0,6 *м*. Хотя проходов в помещении 32 и 55 не обнаружено, эти комнаты, безусловно, относятся к данному комплексу.

Помещение 32 имеет площадь 9,4 *м*^{2}, помещение 55—21,7 *м*^{2}. В последнем у южной стены устроено три закрома, они образованы с помощью глиняных перегородок. Их площадь 4 *м*^{2}. Вся площадь дома 77,5 *м*^{2}.

Дом 7. В нем обнаружено шесть связанных между собой помещений (25, 26, 34, 35, 36, 37), центральное из них помещение 37, оно

самое большое. Его размер 6,7×6,7 *м*. В комнате обнаружен парный тандыр, диаметр первого — 0,5 *м*, второго — 0,55 *м*. С восточной стороны центральной комнаты расположены две хозяйственные пристройки, соединенные проходами с центральным и между собой. Размер первой пристройки — 2,85×3,7 *м*, второй — 3,05×4,85 *м*. В углах помещения устроены два закрома площадью около 6 $м^2$.

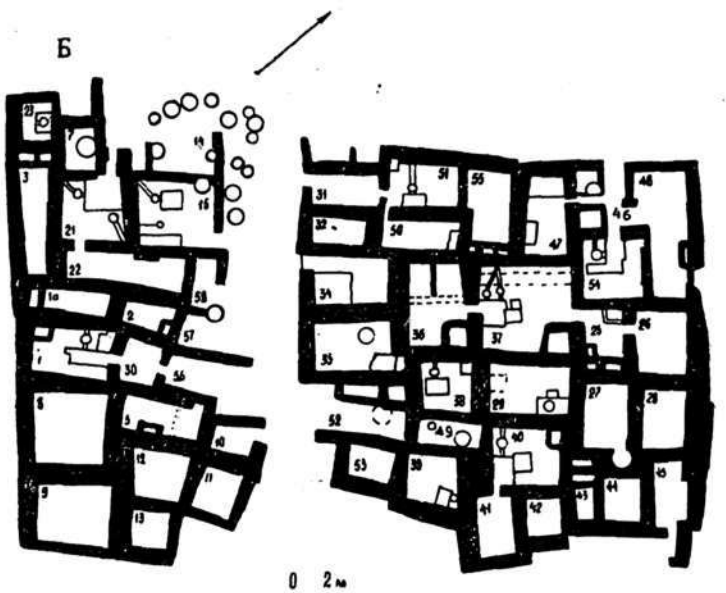

Рис. 4. План квартала Б.

С западной стороны к комнате 37 примыкают три помещения. Наиболее крупное из них площадью 29,15 $м^2$, причем 13 $м^2$ занимает закром. В помещении зафиксировано также ташнау.

Проходы в помещениях 34 и 35 не прослежены, однако лишь через них дом мог сообщаться с улицей. Размер помещения 34 — 5,2×4 *м*, помещения 35 — 6×3,7 *м*. Вся площадь дома с двумя тандырами 142 $м^2$.

Дом 8. Он насчитывал четыре помещения (29, 38, 49 и 52). Центральное из них 38 размером 3,9×4 *м*, помещение 49 — 4,7×2 *м*, помещение 52—6,7×3,5 *м*, помещение 29—6,2×4 *м*. Последнее — айван, открытый на запад. Через него шел вход в дом. В нем же обнаружены два закрома. Площадь дома 73,2 $м^2$.

Дом 9 состоит из двух небольших помещений (39, 53). В одном размером 4×4 *м* находился тандыр диаметром 0,5 *м*. Помещение 53 — кладовая размером 8,1 $м^2$. Вся площадь дома 24,1 $м^2$.

Дом 10. Он трехкомнатный (40, 41, 42). Центральное помещение дома (40) размером 5,2×4,5 *м*. В нем у западной стены имеется тандыр диаметром 0,6 *м*. Эта комната соединяется с помещением 41 размером 3×5 *м* и небольшой пристройкой размером 2,6×3 *м*. Вход в комплекс, видимо, находился со стороны магистральной улицы. Площадь дома 46,2 $м^2$.

Дом 11. В него входили со стороны магистральной улицы. В доме пять помещений (27, 28, 43, 44, 45). Тандыр сделан в помещении 28 размером 3×5,2 *м*. Оно соединялось с помещением 27 размером 3,5×5,2 *м* и с помещением 45 размером 5×2,2 *м*. Помещения 43 и 44 — небольшие пристройки. Размер первой — 1,7×2,5 *м* и второй — 3,2×3 *м*. Здесь же расчищены два небольших закрома площадью около 3,5 $м^2$. Площадь дома 52,2 $м^2$.

Дом 12 имеет четыре помещения (46, 47, 48, 54) и выход в тупичок с западной стороны квартала. Площадь центрального помещения (54) с тандыром 22 $м^2$. Оно соединяется проходами с тремя другими комнатами, расположенными в ряд. Помещение 47 размером 3,9×4,5 *м*. В нем расчищены два закрома площадью 5,5 $м^2$. Восточнее расположено небольшое помещение площадью 8,4 $м^2$ и еще одно помещение этого дома размером 3,2×6,1 *м*. Площадь дома 76 $м^2$.

Здесь, как и в квартале А, жилые комплексы стандартны и равнозначны. Исключение составляет дом 7, в котором насчитывается шесть комнат. Его площадь около 150 $м^2$. Интересно, что и центральная комната дома с двумя тандырами также значительно больше аналогичных помещений в других домах.

В квартале Б два дома из 12 имели в центральном помещении парный тандыр. Каждый находился в одной из половин квартала, почти напротив друг друга.

Входы большинства жилых комплексов устроены со стороны общего двора, площадь которого равна 120 $м^2$. Через двор проложены дорожки, вымощенные обломками жженого кирпича, — это своеобразная деталь квартала.

Квартал В (рис. 5). Он делился на две части улицей, на которую сделаны выходы большинства домов. Квартал в плане трапециевидной формы и занимает около 1200 $м^2$. Юго-западной стороной он примыкает к кварталу Б, с восточной ограничен улицей, а с северной — тупиком.

Дом 1. В нем три комнаты (26, 27, 28). Главное помещение размером 5,1×4,5 *м* имеет парный тандыр. Один диаметром 0,5 *м*, другой — 0,4 *м*. В комплексе тандыра и ташнау есть очажной столик, обложенный жженым кирпичом, и погреб.

В узком помещении 28 размером 2,2×4,6 *м* расчищено три закрома площадью около 3 $м^2$. Вход в дом прослежен со стороны магистральной улицы. Он проходит через прихожую размером 3,5×4,1 *м*. Площадь дома 47 $м^2$.

Дом 3 состоит из трех помещений (29, 29а, 32). Помещение 29

размером 4,8×7,15 *м* с тандыром. Площадь айвана 29а — 28 *м*² и небольшого хозяйственного помещения 32—10,5 *м*². Площадь дома 72,8 *м*².

Дом 4. В нем два помещения (20, 20а). Размер первого — 4,75×4,1 *м*. В западном углу комнаты имеется два закрома площадью около 3 *м*². Это помещение соединяется с айваном, открытым на восток,

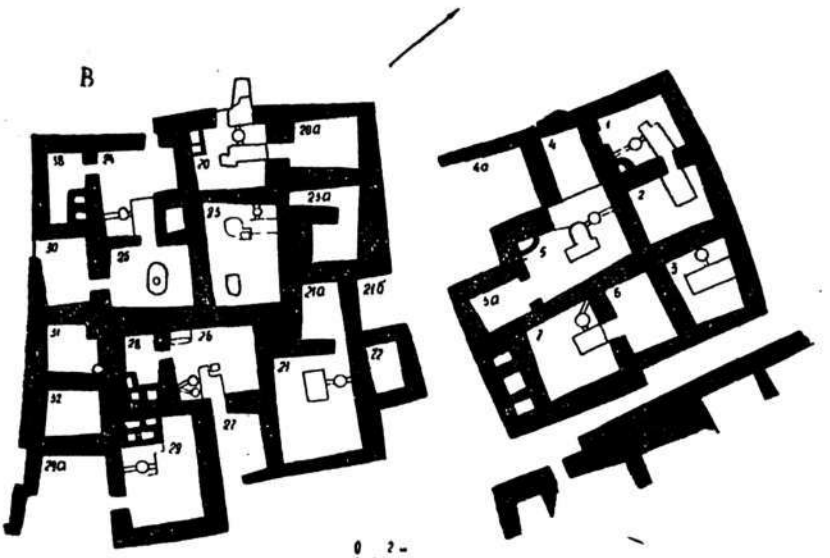

Рис. 5. План квартала В.

точные контуры которого, однако, выявить не удалось. Его приблизительный размер 6×2,5 *м*. Восточная часть айвана занята ларем площадью 6 *м*². Площадь дома 34,3 *м*².

Дом 5 (рис. 6) имеет также два помещения (23, 23а). Одно из них (23) размером 4,5×6,7 *м* с тандыром. В нем расчищено сливное устройство — ташнау. Второе помещение, видимо, кладовая, размером 3,6×3,6 *м*. Площадь дома 43 *м*².

Дом 6. Он состоит из комнаты с очагом, двух небольших помещений и айвана (21, 21а, 21б, 22). Размер центрального помещения с очагом 5×6,8 *м*, айвана с выходом во двор — 3×3,2 *м*, двух других помещений — 2,7×3,7 и 2,2×3,2 *м*. Площадь дома 40,9 *м*².

Вторая половина квартала В насчитывает четыре жилых комплекса, выходы из которых сделаны во двор и на магистральную улицу.

Дом 7 включает центральное помещение, две небольшие кладовые и айван (4, 4а, 5, 5а). Помещение (5) размером 6×4 *м* с тандыром диаметром 0,7 *м*. В западном углу комнаты расчищен сегментовидный закром. Помещение 5 — кладовая размером 2,9×2,4 *м*, помещение 4 размером 2,5×4 *м*. Айван размером 4×4,5 *м*. Площадь дома 52 *м*².

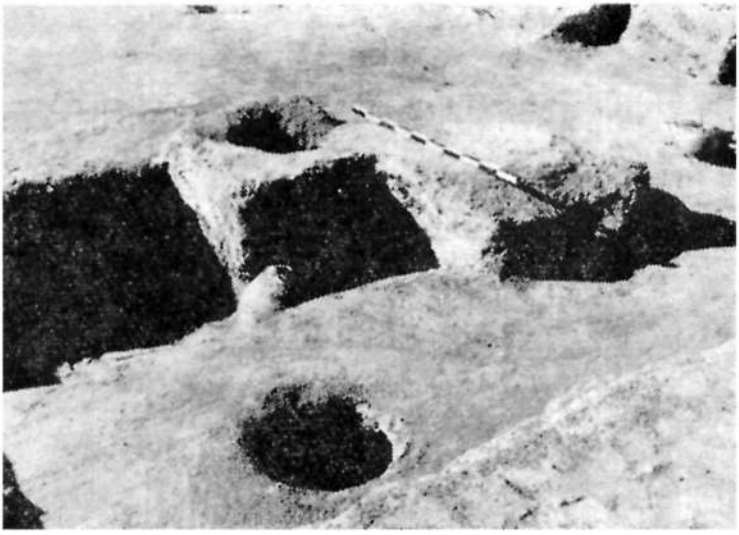

Рис. 6. Квартал В, помещение 23. Тумбовидный очаг и печь-тандыр.

Дом 8 двухкомнатный (6, 7). Помещение с тандыром площадью 22,5 $м^2$. Другое помещение равно 14 $м^2$. В южной части дома расположена еще кладовая с тремя закромами. Дом, по-видимому, имел самостоятельный выход на магистральную улицу. Площадь дома 36,5 $м^2$.

Дом 9 состоит из помещений 1 и 2. Одно центральное помещение размером 4×4 *м* с очагом и второе смежное — площадью 16,6 $м^2$. Площадь дома 32,6 $м^2$.

Дом 10. Расчищена одна комната (3) площадью около 18 $м^2$.

В квартале, таким образом, десять жилых комплексов, в основном объединенных внутриквартальной улицей. Все дома, кроме одного, двух-, трех- и четырехкомнатные. Площадь большинства из них свыше 40 $м^2$. Парный тандыр встречен в одном доме, который в отличие от комплексов с парными тандырами квартала А небольшого размера. В квартале нет пятикомнатных домов, преобладают двухкомнатные, они составляют половину всех жилищ.

Квартал Г. Массив домов, образующих квартал Г, в плане подпрямоугольной формы и занимает площадь 1800 $м^2$.

С юго-восточной и северо-западной сторон квартал имеет глухой фасад из стен домов, на северо-восточной стороне его прослеживаются проемы входов, юго-западный фасад сохранился плохо, здесь конструкции сползли по склону впадины, примыкающей к городским воротам.

В квартале Г выявлено восемь домов (рис. 7).

Дом 1 насчитывает три помещения (6, 7, 8). Вход вел через узкий проход в помещение 6 площадью 18 $м^2$ с тандыром в западном углу. Рядом с тандыром обнаружен хум. Через эту комнату попадали в помещение 7, площадь которго около 6 $м^2$, а затем в помещение 8 размером 3,5×3,2 *м*. В нем также имелся тандыр. Площадь дома 35 $м^2$.

Дом 2. Вход в этот двухкомнатный комплекс проходил через узкий коридор, который упирался в небольшую комнатку (2а) размером 2,5×3,6 *м*. В ней обнаружен тандыр. Комната соединялась проходом с помещением 3 размером 4,7×4 *м*. Площадь дома 27, 8 $м^2$.

Дом 3 однокомнатный (на плане помещение 1). Площадь его 23 $м^2$. Вход в виде узкого прохода.

Дом 4 также состоит из одного помещения 13 размером 5,7×3,2 *м*. Рядом с тандыром расчищены два ларя и погребок.

Дом 5 имеет одну трапециевидную в плане комнату 12 площадью 12,8 $м^2$. Внутри отмечено два тандыра.

Дом 6 состоит из жилого помещения 14 размером 4×3,5 *м*. Тандыр устроен в южном углу.

Рис. 7. План квартала Г.

Дом 7. В нем выявлено три расположенных в одну линию помещения и айван (9, 10, 11 и 17). Размер помещения 10 с тандыром 2,9×3,9 *м*, помещения 9 и 11 — соответственно 3,2×4 и 6×3,7 *м*. Площадь айвана 13,6 $м^2$. Площадь всего дома 49,9 $м^2$.

Дом 8 двухкомнатный (16 и 16а). Одно помещение с парным тандыром размером 3×5 *м* и второе с закромами и ташнау размером 4,7×5 *м*. Площадь дома 38,5 $м^2$.

Дом 9 (18, 18а) сохранился плохо. Расчищен парный тандыр с общим дымоходом и остатки помещений, в том числе хозяйственных с закромами. Площадь дома около 60 $м^2$.

Дом 10 состоит из двух комнат (15, 15а). Одно помещение (15) размером 9,1 $м^2$ с тандыром, другое — размером 3,2×2,5 *м*. Площадь дома 17 $м^2$.

Дом 11 также имеет два помещения 19 и 19а. Одно с тандыром

площадью 15,1 $м^2$, другое — 21 $м^2$. В первом расчищен погреб размером 1,5×1,5 *м*. Площадь всего дома 36 $м^2$.

Дома 12 и 13 сохранились плохо. Трудно определить, какому из них принадлежал длинный узкий амбар с ларями. Предположительно площадь двух домов составляет 105 $м^2$, по 52,5 $м^2$ каждый.

В квартале Г выявлено три дома с двумя тандырами в каждом. Из 13 домов четыре было однокомнатных, три — двухкомнатных, два — трехкомнатных и один — четырехкомнатный. Площадь домов в квартале Г меньше, чем в других. Для данного квартала характерны помещения неправильной формы с непрямыми углами, грубая кладка стен. Здесь раскопано длинное узкое помещение с ларями и ташнау — это, вероятно, амбар.

Социальная атрибуция квартала пока не определена, однако ясно, что здесь проживало менее обеспеченное население.

РАСКОП II

Квартал Д (рис. 8). Так условно назван объект, расположенный вблизи южных ворот Отрара. До раскопок это был оплывший бугор, ограниченный со всех сторон ложбинами улиц. Раскопки вскрыли прямоугольный в плане жилой массив площадью 1500—1600 $м^2$. Западный и восточный фасады его глухие. С магистральной улицей квартал соединялся улочками, устроенными в северном и южном фасадах. На площади квартала зафиксировано 26 помещений, они образуют девять жилых комплексов.

Дом 1 состоит из пяти помещений (1, 2, 3, 10 и 11). Планировка дома крестовидная. Центральное помещение с тандыром размером 4,5×5,1 *м*. В западном углу помещения расчищен погреб, а в северном углу — подчетырехугольный закром.

Помещения 2, 3 и 11 расположены в ряд и соединены проходами, с центральным они сообщались через комнату два. Площадь помещения 2—13,5 $м^2$, помещения 3—8,4 $м^2$, помещения 10—14,8 $м^2$, помещения 11—15 $м^2$. Площадь дома 74,6 $м^2$.

Дом 2 трехкомнатный (4, 5, 13). Центральное помещение с парным тандыром размером 4,9×5,4 *м*. Помещения 4 и 13 расположены по диагонали друг к другу. Размер первого 3,7×4,7 *м* и второго — 4,2×4,3 *м*. Площадь дома 56,5 $м^2$.

Дом 3 также трехкомнатный (14, 16, 17). Все помещения расположены в одну линию. Центральное помещение размером 5,3×4,7 *м* с тандыром-печью.

Помещение 17 среднее в комплексе, размером 4,8×3,9 *м*. На полу обнаружено сливное устройство — ташнау.

Помещение 16 типа кладовой, размером 3,7×3 *м*. Площадь дома 54,7 $м^2$.

Дом 4 трехкомнатный. Он состоит из помещений 12, 15 и 18. Помещение 12 размером 4×5,3 *м* с тандыром, помещение 18 размером

4,2×3 *м*. Между комнатами 12 и 18 расчищен длинный узкий закром площадью 6 *м*². Помещение 15 размером 6,5×2,5 *м*. В его западной части выявлено пять небольших закромов и яма, обложенная по краю кирпичом (рис. 9). Площадь дома 50 *м*².

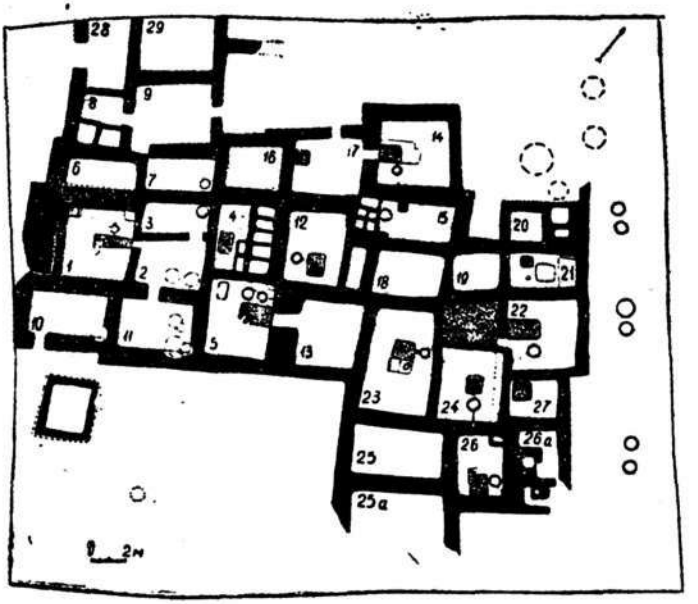

Рис. 8. План квартала Д.

Дом 5 состоит из трех вытянутых в линию помещений (23, 25 и 25а). Помещение 23 размером 4,2×7,2 *м* с тандыром. Два других одинакового размера 5,8×3,2 *м*. Один из них айван. Площадь дома 68 *м*².

Дом 6. В нем две большие комнаты, еще одна с остатками производственного комплекса и два закрома (19, 20, 21, 22, 22а). Вход в дом с северной стороны. Центральное помещение площадью 25,9 *м*² с тандыром. Помещение 22а, которое соединяется с помещением 22 проходом, имеет площадь 10,5 *м*². Пол его вымощен обломками жженого кирпича.

Помещение 21 размером 4,2×2,6 *м*. В нем обнаружены небольшая восьмиугольная печь из кирпича, ташнау и два закрома площадью около 6 *м*². Помещение 19 — кладовая, размером 3,3×2,6 *м*. Помещение 20 размером 4,5×2,2 *м*. В нем отмечено два закрома площадью 4,5 *м*². Площадь дома 65,9 *м*².

Дом 7 состоит из центрального помещения с тандыром и кладовой (24, 27). Размер помещения 24 — 4×5 *м*, кладовой — 3,2×2,9 *м*. Площадь дома 29,2 *м*².

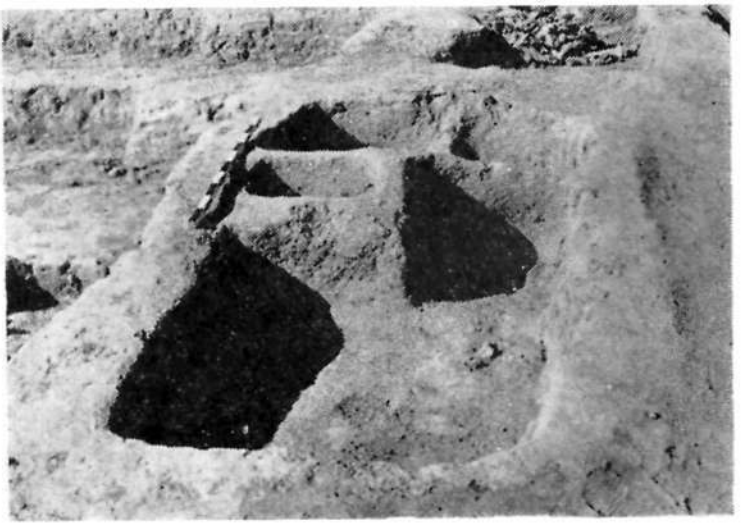

Рис. 9. Квартал Д, дом 4, закром в помещении 15.

Дом 8 также двухкомнатный (26, 26а). Помещение 26 размером 3×4 *м*. Кладовая, примыкающая к дому, сохранилась плохо. Предположительно ее размер 2,2×5,5 *м*. Площадь дома 24 *м*^{2}.

Дом 9. В западной части квартала вскрыт комплекс помещений, объединенный в единый планировочный комплекс, имеющий крестовидную композицию. Он состоит из четырех помещений с выходом на север.

Наиболее крупное помещение 9 размером 5,2×4,2 *м*. Тандыр в в нем разрушен. Куски его, а также обломки жженого кирпича встречены в заполнении комнаты. Помещение 8 с двумя закромами размером 2,7×3,5 *м*.

Помещения 6 и 7, видимо, кладовые, размером 4,5×2,2 *м*. С этим же комплексом связан и айван площадью 22,8 *м*^{2}. Площадь дома 73,8 *м*^{2}.

В квартале насчитывается девять домов, из них один с парным тандыром. Большинство домов двух- и трехкомнатные, но есть четырех- и пятикомнатные. Площадь жилых комплексов и помещений с очагами, за исключением двух домов, одинаковая.

РАСКОП III

В верхнем строительном горизонте раскопа III обнаружено около четырехсот помещений, которые объединены в несколько кварталов. Дадим краткую характеристику домов трех кварталов, планировка которых выявлена полностью (рис. 10).

Рис. 10. Общий вид раскопа III.

Квартал Е (рис. 11) состоит из двух частей, располагающихся по обеим сторонам улицы. На юге она ограничена магистральной улицей, а на севере— небольшой площадью или двором, окруженным внутриквартальными постройками. Все дома связаны дверными проемами с внутриквартальной улицей и площадью-двором. Площадь квартала около 2100 *м*^{2}.

В западной половине квартала Е находится девять многокомнатных жилых комплексов, для которых характерно осевое расположение комнат в глубь жилого массива, за исключением двух домов, один из которых спланирован линейно по фасаду квартала, а другой — крестообразно. Жилой массив в плане подпрямоугольный, площадь застройки 1000 *м*^{2}.

Дом 1 (рис. 13, 2) очерчивает северную границу квартала, создавая впечатление его изолированности от застройки у крепостной стены. Он состоит из четырех комнат (108, 109, 110, 111), связанных между собой проходами, расположенными на одной оси. Вход в дом со стороны двора ведет в переднюю комнату 109 (4,10×3,50 *м*), которая с западной стороны проходом соединена с подсобным помещением 108 (4,2×4,6 *м*), а с восточной — с центральным помещением 110 (5×4,6 *м*), имеющим парную печь-тандыр диаметром 0,60 и 0,75 *м* в юго-западном углу суфы. Рядом с печами устроены ташнау и угловая глинобитная очажная площадка. Завершает комплекс кладовая 111 размером 3,75×3,25 *м* с тремя отсеками закромов у северной стены. Площадь дома 60,4 *м*^{2}.

Дом 2 состоит из трех помещений (119, 120, 220 А). Помещение 120 размером 4,25×3 *м*, видимо, айван с короткой передней стен-

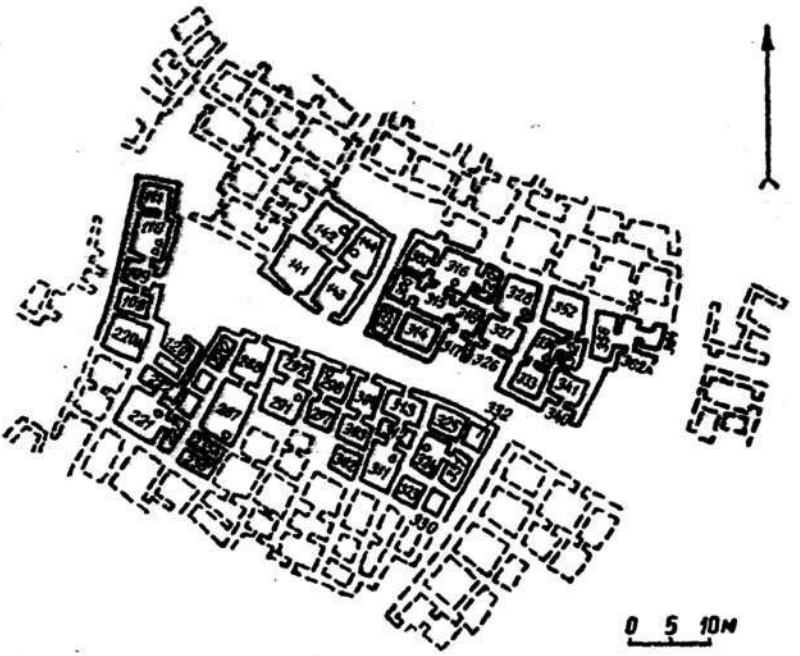

Рис. 11. План квартала Е (пунктиром обозначены постройки соседних кварталов).

кой. Основное помещение 220 А, в котором мог быть тандыр, не докопано, его размер 5,45×4,70 *м*. За айваном обнаружено крохотное помещение 119 — кладовая, размером 3,10×1 *м*. Площадь дома 41,4 *м*^{2}.

Вдоль глухого южного фасада дома 2 сделан короткий узкий переулок, он связывает внутриквартальный двор-площадь с домом 3, расположенным в глубине западной части жилого массива.

Дом 3 — крупный жилой комплекс, насчитывающий шесть помещений (219, 220, 221, 222, 227, 227 А). Первые две комнаты лишь предположительно отнесены к этому дому (их размер 4,75×2,90 *м* и 4,70×4,50 *м*), ибо связующие проходы не найдены. Центральное жилое помещение 221 размером 6×4,90 *м* имеет в юго-восточном углу печь-тандыр диаметром 0,70 *м*. С южной стороны помещения обнаружена кладовая 227 (4,90×1,50 *м*) с двумя глинобитными и двумя внутристенными закромами. Передняя (или прихожая) комната 222 размером 5,9×2,5 *м*. С южной стороны ее находится еще одно небольшое помещение 227 А (2,80×2,30 *м*), которое первоначально не было самостоятельным, но затем благодаря устройству печи-тандыра и традиционного ташнау оно стало жилым. Площадь дома 92,7 *м*^{2}.

Дом 4 четырехкомнатный (235, 235 А, 287, 288), две из них расположены в глубине дома — это кладовые с закромами размером

4,70×1,95 и 4,7×1,6 *м* и третья, примыкающая к фасаду, — передняя размером 5,25×3,85 *м*. Центральное помещение 287 размером 6,70×4,60 *м* с тандыром-печью диаметром 0,60 *м* в юго-западном углу. У северной и южной стен имеются закрома с двумя и тремя отсеками, а в северо-западном углу — глинобитный закром. Площадь дома 67,7 $м^2$.

Дом 5 двухкомнатный площадью 35,6 $м^2$. Он состоит из центрального жилого помещения 291 размером 5,25×4,20 *м* с суфой и вмазанной в нее печью диаметром 0,60 *м* в юго-восточном углу и передней комнаты 292 размером 4,70×2,90 *м*. В центральном помещении в северо-западном углу устроен закром.

Дом 6 также двухкомнатный. Первое помещение 297 площадью 14,2 $м^2$ — хозяйственное, с тремя закромами у южной стены, а второе — жилое площадью 16 $м^2$ с печью диаметром 0,50 *м* в северо-восточном углу. Площадь дома 30,2 $м^2$.

Дом 7 трехкомнатный (302, 303, 304), хотя проход между помещениями 302 и 303 не найден. До уровня первоначального пола раскопаны помещение 303 площадью 12,7 $м^2$, в котором вдоль западной стены расположены три закрома, и помещение 304 площадью 17 $м^2$, которое также с закромом в северо-западном углу. Эти комнаты соединены проходом. В помещении 302 размером 3,50×3,25 *м* на уровне верхнего пола выявлено ташнау, окруженное четырехсторонней суфой. Первоначальная планировка помещения не выяснена. Площадь дома 41,1 $м^2$. Каких-либо признаков печи в доме не обнаружено. Возможно, он испсльзовался как склад.

Дом 8 (рис. 12). Центральное помещение 311 размером 5,25×4,10 *м* находится в глубине квартала. В помещении имеется печь диаметром 0,70 *м* и угловой закром, рядом с которым на уровне суфы врыт хум. Две других комнаты дома хозяйственного назначения. В помещении 312 (4,90×2,35 *м*) имеется по два закрома у торцовых стен, между ними оставлен узкий проход в третью комнату 313 (5,15×3,20 *м*). Площадь дома 49,5 $м^2$.

В западной части юго-восточного участка квартала Е отмечено шесть помещений (323, 324, 325, 330, 331, 332), образующих дом 9. Выяснить, каким образом они были связаны, не удалось. Помещения расположены по оси в два ряда, проход обнаружен лишь между помещениями 324 и 331. В первом из них выявлены остатки сильно разрушенной печи диаметром 0,75 *м* и вертикального дымохода в северной стене. Несомненно, помещение 324 было центральным в комплексе и самым большим (4,50×3,60 *м*). Помещение 323 размером 3×2,90 *м*; 324—4,50×3,60 *м*; 325—4,40×3 *м*; 330—2,90×1,75 *м*; 331—4,75×2,70 *м*. Площадь дома 63,5 $м^2$.

Восточная половина квартала Е несколько смещена к югу по отношению к западной. Она состоит из шести многокомнатных жилых комплексов, спланированных однотипно: комнаты расположены по оси в глубь жилого массива. Все дома открываются дверными проемами на внутриквартальную улицу и площадь. Центральная часть внут-

Рис. 12. Квартал Е, дом 8, помещения 311 и 312.

риквартального фасада оформлена в виде айвана с выходящими на него проходами из двух соседних домов. Жилой массив в плане подпрямоугольной формы, площадь застройки около 800 *м*^{2}.

Дом 10 двухкомнатный, имеет огромную прихожую 141 размером 5,85×5,80 *м* и жилое помещение 142 размером 5,50×5,05 *м*. Печь-тандыр диаметром 0,75 *м* находится в юго-восточном углу помещения в комплексе с ташнау и глинобитной очажной тумбой. Комнаты расположены по оси. Площадь дома 61,7 *м*^{2}.

Дом 11 подобен соседнему, но меньше по площади — 47,4 *м*^{2}. Он также двухкомнатный (143, 144); одна — передняя (143) размером 5,45×4,40 *м*, другая — жилая размером 6×3,9 *м*. В ней выявлены остатки ташнау. Печь, которая была, видимо, у северной стены, не сохранилась.

Дом 12 состоит из восьми комнат и айвана, открывающегося на внутриквартальную улицу. Центральное жилое помещение 316 наиболее крупное, размером 5×4,5 *м*. Оно расположено в глубине дома. В юго-западной части комнаты обнаружена печь диаметром 0,75 *м*, вмазанная в суфу. Проходами в торцовых стенах комната связана с двумя боковыми, из которых одно помещение 307 площадью 11,5 *м*^{2}, а другое помещение 320 площадью 9,4 *м*^{2}. У его восточной стены имеется парный закром, а у западной — закром из четырех мелких отсеков.

Проход, сделанный в центральной части западной стены помещения 316, ведет в помещение 315 (4×3,60 *м*), которое боковыми про-

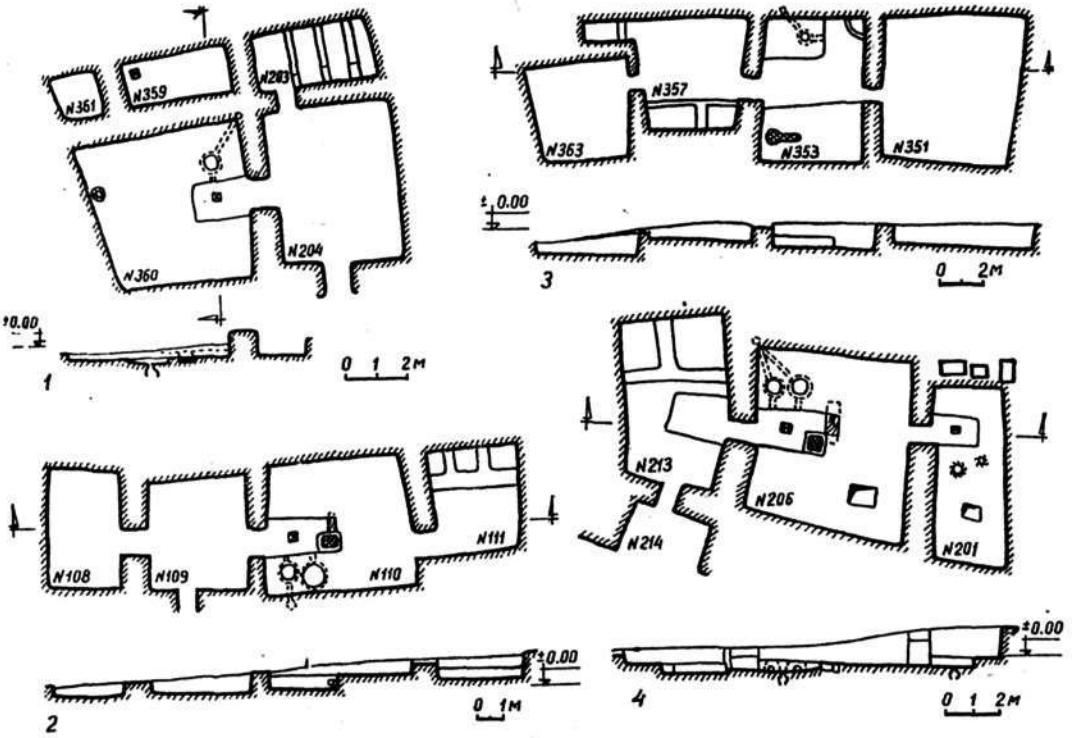

Рис. 13. Планы и разрезы домов раскопа III: *1* — квартал Ж, дом 8; *2* — квартал Е, дом 1; *3* — квартал Ж, дом 6; *4* — квартал И, дом 4.

ходами связано с помещениями 306 (3,40×2,75 *м*) и 318 (4,10×3,55 *м*). В последнем у восточной стены на всю длину устроен закром, разделенный перегородкой на два отсека. Из помещения 318 проход ведет на айван 317 размером 4,75×3,80 *м*, который находится в юго-западном углу дома 5.

Северо-западную часть дома занимает помещение 305 (3,75×2,65 *м*) и 314 (4,70×4 *м*), проходы в которые проследить не удалось, но эти комнаты, несомненно, входили в данный комплекс. Возможно, в них попадали через проход в северной стене айвана. Таким образом, площадь дома 5 равна 128,3 $м^2$.

К югу от дома 5 расположен дом 13, несколько меньший по размеру. Он состоит из двух комнат (327, 328) и айвана (326), общего с домом 5 и разделенного лишь тонкой перегородкой. Жилое помещение 328 размером 5,35×4,70 *м* имело парные печи диаметром 0,40 и 0,65 *м* в юго-западном углу суфы. В комплексе с печами и ташнау устроена глинобитная очажная тумба. У южной стены сделан небольшой глинобитный ларь. Проход в западной стене помещения 328 ведет в переднюю 327 размером 5,20×3,60 *м*, а оттуда в айван 326 размером 5,30×3,50 *м*. Площадь дома 62,3 $м^2$.

Дом 14. В нем имеется пять комнат и угловой айван. Центральное помещение 334 площадью 15,2 $м^2$ с печью диаметром 0,65 *м* отнюдь не самое крупное в комплексе. Два боковых прохода ведут в смежные комнаты 333 (4,25×3,70 *м*) и 342 (3,60×2,90 *м*), в котором на уровне пола вкопано два хума. Помещение 342 осевыми проходами соединено с помещением 352 амбарного типа (5,75×4,60 *м*), в нем устроены угловые закрома и врыт хум, и с передней 341 размером 4,20×3,60 *м*. Комплекс завершает небольшой айван площадью 10,2 $м^2$, полностью открытый на внутриквартальную улицу. Площадь дома 93 $м^2$.

Дом 15 завершает застройку восточной части квартала Е. Не исключено, что это более поздняя застройка и дом явно не жилой, ибо в нем нет печи. Возможно, это складское помещение или лавка. Дверной проем со стороны обширной площади ведет в маленькое помещение 362 размером 3,75×2 *м*, которое проходами в боковых стенах соединено с помещением 356 амбарного типа размером 6,80×2,80 *м* и комнатой 364 размером 5,40×2,50 *м*. Примечательно, что в последней имеется пять закромов, занимающих всю восточную часть помещения. Площадь дома 40 $м^2$. Дом 15 открывался на площадь айваном (362 А), точные контуры которого выявить не удалось.

Таким образом, квартал Е насчитывает 15 домостроений. Благодаря спрямленным контурам фасадов домов он производит целостное впечатление. Планировка домов стандартная: осевое расположение комнат в глубь жилого массива. Дома в основном двух- и трехкомнатные, лишь в двух комплексах — в 12 и 14 — их больше. Парная печь-тандыр выявлена только в одном доме.

Квартал Ж (рис. 14) расположен к востоку от описанного и имеет весьма схожую с ним планировку. Он состоит из двух частей, распола-

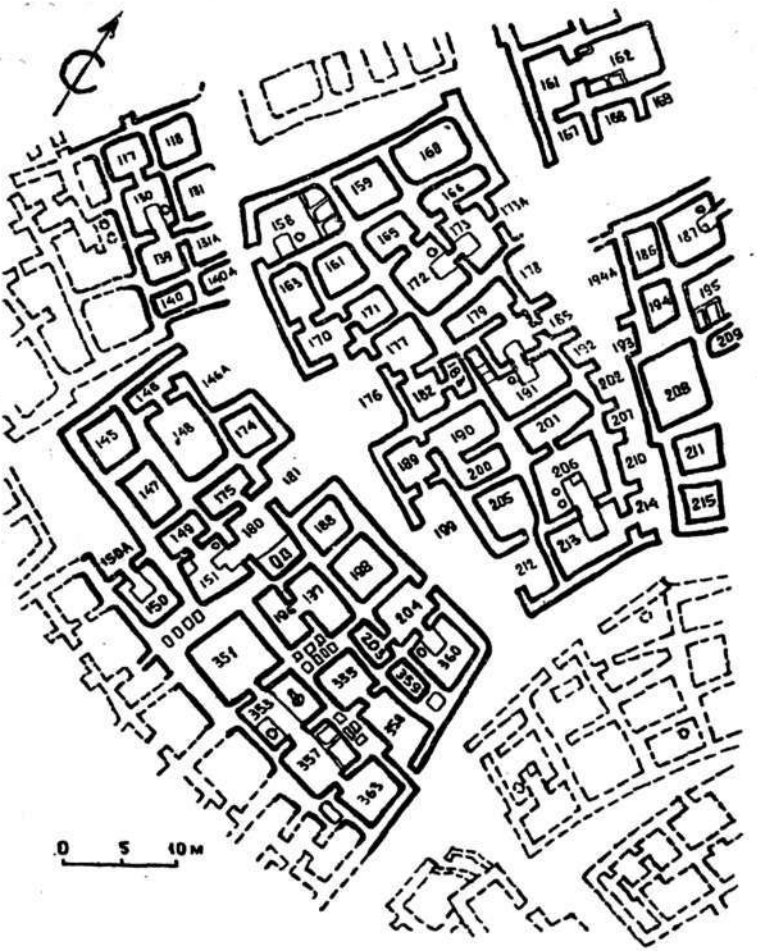

Рис. 14. Планы кварталов Ж, И (пунктиром обозначены постройки соседних кварталов).

гающихся по обе стороны улицы, и узкого переулка-связки, который соединял кварталы Е и Ж, минуя магистральную улицу. Внутриквартальная улица с восточной стороны выходит на магистральную улицу, а с запада продолжается в соседнем квартале. Северной и южной границей квартала служат глухие стены. На востоке и западе фасады выходят на магистральную улицу и переулок. Общая площадь квартала Ж вместе с внутриквартальной улицей и переулком около 2000 $м^2$.

Южная часть квартала — крупный жилой комплекс из восьми домов, в каждом от одного до семи помещений. Большинство из них с выходами на внутриквартальную улицу. Один однокомнатный дом с самостоятельным выходом во двор, который переулком связан с улицей квартала, два других дома проходами открываются на магистральную улицу. Планировка домов подчинена осевому и крестообразному расположению комнат. Площадь застройки 1025 $м^2$.

Дом 1 (рис. 15, *2*) состоит из восьми комнат (117, 118, 130, 131, 131 А, 139, 140, 140 А), спланированных длинной осью в два ряда вдоль внутреннего фасада квартала. Два помещения — это айваны, один из них (131) размером 4,65×3,50 *м*, по-видимому, не входит в комплекс, ибо не связан с ним проходом, а второй — угловой айван (131 А) размером 3,60×2,50 *м* — обрамляет дверной проем в дом и является его составной частью. Проход из айвана ведет в переднюю комнату 139 размером 3,75×3,60 *м*, у западной стенки которой за тонкой глинобитной перегородкой сделана суфа с двумя закромами и земляная печь. С южной стороны к передней примыкают две крохотные кладовые 140 и 140 А; в северной стене имеется дверной проем в центральное помещение комплекса 130 размером 4,65×4,25 *м*. В юго-восточном углу помещения устроена печь диаметром 0,65 *м* в комплексе с ташнау и угловой глинобитной очажной площадкой. В северной части дома находятся еще два подсобных помещения — 118 (3,35×3,20 *м*) и 117 (3,55×3,15 *м*), в котором устроен парный закром. Площадь дома 88,3 $м^2$.

Дом 2 насчитывает пять комнат (145, 146, 147, 148, 174) и еще угловой айван (146А). Три помещения (145, 147, 174) предположительно включены в состав дома, так как проходы в них не выявлены, но планировка этих помещений вписывается в общие контуры дома.

Центральное жилое помещение (148) размером 7,20×4,60 *м*. Тандыр в нем не обнаружен, но его присутствие угадывается по обломкам, участку с обожженной поверхностью в северо-западном углу помещения и остаткам вертикального дымохода в том же углу. По-видимому, печь была разрушена в древности. Помещение 148 проходом связано с узкой передней комнатой 146 размером 4,90×1,75 *м*, через которую попадали в айван (146 А) размером 5,60×3,50 *м*. Размер трех других помещений дома: 145—4,15×4,50 *м*; 147—5×3,7 *м*, 174—3,85××3,40 *м*. Помещение 145 в последний период жизни дома, судя по четырем мусорным ямам, использовалось как место свалки. Площадь дома 111,6 $м^2$.

Дом 3 однокомнатный (150) с айваном (150 А), открытым в сторону небольшого дворика. Площадь дома с айваном 32 $м^2$. В помещении размером 4,65×3,50 *м* две печи, вмазанные в северо-восточный и южный участок суфы (диаметр одной 0,50 и другой 0,65 *м*). У южной стены выявлено четыре небольших закрома.

Дом 4 многокомнатный, в нем четыре помещения (149, 151, 175, 180) и айван (181). Площадь дома 91,1 $м^2$. Центральное жилое по-

мещение 151 размером 5,20×4,70 *м* с парной печью-тандыром диаметром 0,60 и 0,50 *м* в северо-восточной части суфы. В северо-западном углу помещения имеется закром. С северной стороны помещение связано проходом с кладовой 149 (3,85×1,75 *м*), в которой по обеим сторонам торцовых стен устроены парные закрома, с восточной — проход в подсобное помещение 180 (6,70×3,80 *м*). В его южной части обнаружена суфа с парной земляной печью размером 1,3×0,5 и 1,2×0,45 *м*. В северной стене помещения сделан проход в амбар размером 4,90×2,60 *м* с четырьмя отсеками закромов и дополнительным ташнау, а в северо-восточном углу — проход в айван размером 4,85×4,50 *м*, открытый в сторону внутриквартальной улицы.

Дом 5 состоит из трех комнат (196, 197, 198), вытянутых по оси в глубь жилого массива. Выход на улицу не выявлен, но он, несомненно, был в помещении 198. Центральное помещение 198 размером 4,75×4,55 *м*. Оно не докопано до уровня первоначального пола, однако выяснено, что в последний период жизни дома, судя по многочисленным ямам, помещение использовалось для сброса мусора. О присутствии тандыра свидетельствуют остатки колодца вертикального дымохода в северной стене. Остальные комнаты (196, 197) дома подсобного характера и соответственно размером 5,25×2,50 и 6×3,05 *м*. В помещении 196 у торцовых стен устроены закрома. Площадь дома 53 $м^2$.

Четыре помещения (351, 353, 357, 363) дома 6 (рис. 13, *3*) также расположены по оси в глубь жилого массива, но выход из дома, по-видимому, был на магистральную улицу через помещение 363.

Интерьер центрального помещения 353 размером 4,70×4 *м* отличается от традиционного. Одна суфа с печью-тандыром диаметром 0,45 *м* сложена в северо-западном углу комнаты. Северо-восточная ее часть занята другой суфой, в ней устроена земляная печь. Комната-амбар 357 размером 5,10×5 *м*. Здесь выявлены пара закромов у восточной стены и один — в юго-западном углу (помещение не докопано до уровня пола). Из амбара проход пробит в комнату — переднюю 363 размером 4,40×4,40 *м*. Назначение помещения 351 (7×6,3 *м*) не ясно. Площадь дома 73 $м^2$.

Соседний двухкомнатный (помещения 355, 358) дом 7 также имеет выход на магистральную улицу. По-видимому, он не жилой, так как в нем отсутствует печь. Большая часть помещения 355 (3,55×3,50 *м*) занята закромами, которых четыре, в юго-восточном углу устроено ташнау. Смежное помещение 358 (6,15×3,75 *м*) с крохотной прихожей в юго-западном углу, через которую попадали на магистральную улицу. Площадь дома 35,5 $м^2$.

Юго-восточный участок южной половины квартала Ж занимает пятикомнатный (203, 204, 359, 360, 361) дом 8 (рис. 13, *1*) площадью 59,3 $м^2$. Центральное помещение (360) с печью-тандыром диаметром 0,55 *м* в северо-западном углу размером 4,95×4,80 *м*. Помещение-передняя 204, расположенное с центральным на одной оси, размером 5,10×4 *м*. В восточной стене его устроен дверной проем на внутриквар-

тальную улицу, в западной—проход в амбар 203 размером (3,90×2 *м*) с тремя параллельными отсеками закромов. Рядом кладовая 359 размером 3,40×1,55 *м* с ташнау в юго-западном углу и кладовая 361 размером 1,45×1,40 *м*.

В северной части квартала Ж площадью около 970 $м^2$ имеется пять домов. Благодаря тому, что эта часть квартала значительно у́же южной, в ней преобладает крестообразная и линейная планировка, при которой длинная ось вытянута вдоль фасада внутриквартальной улицы. Центральный участок фасада оформлен большим айваном, на него открываются дверными проемами два соседних дома. У всех домов дверные проемы сделаны в сторону внутриквартальной улицы.

Дом 9 однокомнатный (158) площадью 31,3 $м^2$, отапливался печью, поставленной у южной стены. Печь большая, правда, сильно разрушена. Судя по остаткам, диаметр устья был не менее 0,75 *м*. Участок у восточной стены занят тремя закромами размером 1,20×1,20; 1,25×1,25; 1,35×1 *м*. У северной стены обнаружен небольшой секторальный в плане закром.

Дом 10 состоит из четырех небольших комнат (163, 164, 170, 171) и айвана (176) площадью 41 $м^2$, общего с соседним домом, расположенным с восточной стороны. Помещения дома не докопаны до уровня первоначального пола, но все же центральное помещение (171) угадывается по колодцу вертикального отрезка дымохода в южной стене. Его размер 4,10×3,60 *м*. Остальные комнаты (163, 164 и 170) расположены по периметру внешних стен дома, их размер — соответственно 4,45×3,30; 3,55×3,40; 4,25×2,75 *м*. Последнее помещение проходом в южной стене связано с айваном. Площадь дома 73,8 $м^2$.

Дом 11 трехкомнатный (177, 182, 183) с айваном, общим с описанным комплексом. Дом также не докопан до уровня первоначального пола. Судя по остаткам вертикального дымохода в северной стене комнаты, центральным жилым помещением следует считать помещение 177. Размер его (4,50×4 *м*) также подчеркивает, что оно основное в комплексе. Два других меньше: помещение 182—3,25×2,75 *м* и 183—3,05×1,75 *м*. С айваном дом связан проходом из помещения 177. Площадь комплекса 52,7 $м^2$.

Дом 12 многокомнатный, в нем четыре помещения (189, 190, 199, 200), одно из них айван (199). Судя по планировке, дом жилой, однако никаких признаков отопления в нем не обнаружено. Размер комнат комплекса: помещения 189—3,35×3,25 *м*; 190—5,75×3,10 *м*; 199—3,50×2,75 *м*; 200—4,90×2,10 *м*. Площадь дома 48,6 $м^2$.

Дом 13 состоит из одной комнаты (205) размером 5,25×4,40 *м* и айвана (212) размером 4,20×3,50 *м* с неполной передней стенкой, открытого в сторону внутриквартальной улицы. В помещении имеется печь-тандыр диаметром 0,75 *м*, вмазанная в южный участок суфы. Площадь дома 37,8 $м^2$.

Такова в общих чертах характеристика квартала Ж, в который входит 13 домостроений с числом комнат от одной-двух (вместе с

айваном) до восьми. Комплекс из восьми помещений — единственный в квартале и отнюдь не самый крупный по площади. Более характерны для квартала четырехкомнатные дома традиционной планировки и одно-двухкомнатные, в последних функции второго помещения выполняет, как правило, айван. В западной части квартала есть шестикомнатный дом (4) с парными печами-тандырами. Этот дом не самый большой по площади (91,1 $м^2$), но производит впечатление законченного благодаря правильным линиям контуров стен и четкости пропорций.

Планировка *квартала И* (рис. 14) мало чем отличается от застройки описанных жилых районов Отрара. Он подпрямоугольный в плане, площадью около 1200 $м^2$. Квартал И внутриквартальной улочкой, которая в средней части значительно расширяется, делится на северный и южный массив. В квартал входит также двор, примыкающий на юге к улице. Глухие фасады выходят на магистральную (с восточной стороны) и межквартальную (с запада) улицы и проходят внутри жилого массива на южной стороне. Северная граница квартала — край раскопа — условна, несомненно, эта часть квартала была значительно больше по площади. Все дома открываются дверными проемами на внутриквартальную улицу и двор. Планировка домов осевая и крестообразная.

Южная часть квартала насчитывает четыре многокомнатных дома-комплекса, занимающих площадь 430 $м^2$.

Дом 1 находится в северной части квартала и предположительно состоит из помещения 159 (4,90×4,15 *м*) и 160 (5,90×4,25 *м*). Комнаты дома не докопаны и проходы между ними и на внутриквартальную улицу не обнаружены. Печь-тандыр, судя по остаткам вертикального дымохода в северо-восточном углу, была в помещении 160. Площадь дома 45,4 $м^2$.

Дом 2 состоит из четырех помещений (165, 166, 172, 173) и айвана (173 А), восточный участок которого плохо сохранился. Центральное помещение дома (172) с печью диаметром 0,50 *м* самое большое, размером 5,60×4,75 *м*. В помещении сделаны угловой закром, ташнау, очажная глинобитная тумба. В северной стене имелся проход в амбар 165 размером 4,50×2,60 *м* с парным закромом. Передняя комната 173 размером 5,90×3,75 *м* с проходом в еще одно помещение 166 амбарного типа размером 6,25×1,65 *м* и в айван размером 5,50×2 *м*. Площадь дома вместе с айваном 81,7 $м^2$.

Дом 3 (рис. 15, *1*) трехкомнатный (179, 191, 194) с крохотным айваном (185). Центральное жилое помещение 191 размером 6,65×3,30 *м* с печью-тандыром диаметром 0,45 *м* и тремя отсеками закромов в южном участке суфы. Два других помещения — 184 и 179 — размером 4,75×3,15 и 6,9×2 *м*. Юго-западную часть дома занимает узкий амбар с двумя отсеками закромов, в него попадали через помещение 191. Площадь дома 68,8 $м^2$.

Дом 4 (рис. 13, *4*) состоит из трех комнат (201, 206, 213) и небольшого углового айвана 214 размером 2,90×1,75 *м*, который связан

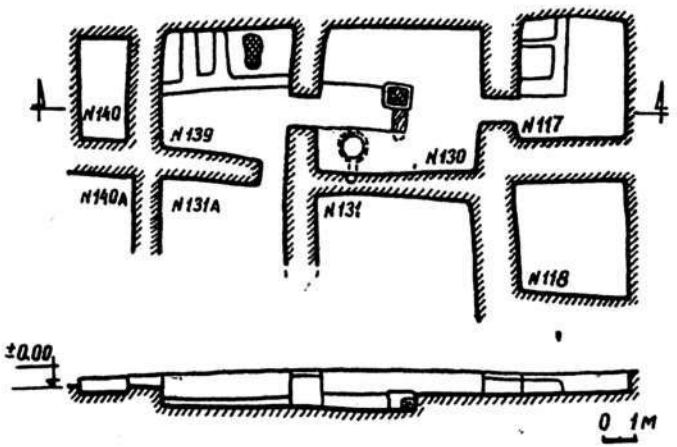

Рис. 15. План и разрез дома 1, квартал Ж.

с помещением 213 (5,90×3,60 *м*). У его западной стены устроен парный закром. В центральном помещении 206 (6,25×5,50 *м*) расположена парная печь-тандыр диаметром 0,60 и 0,50 *м* в комплексе с ташнау и глинобитной очажной тумбой. В северо-восточной части помещения имеется небольшой погреб, стенки которого выложены жженым кирпичом. Третье помещение (201) хозяйственное размером 6,35×2,50 *м*, в нем выявлены два хума, ташнау и еще один погребок. Площадь дома 76,6 $м^2$ (рис. 16).

Характеристика северной части квартала И затруднительна, так как она раскопана не полностью. Выяснена планировка лишь двух домов, расположенных по сторонам большого двора, выходящего на внутриквартальную улицу. По-видимому, в квартал входили еще два дома, в котором были помещения (208, 211, 215), примыкающие к внутриквартальной улице. Площадь застройки около 500 $м^2$.

Дом 5 имел две комнаты (161, 162) и айван (167), открытый в сторону двора. Размер айвана 3,65×3 *м*, передней комнаты — 5,50×4 *м* и центрального помещения — 7,10×4,30 *м*. Сохранность дома очень плохая, особенно помещения 162, в котором печь не обнаружена, но на ее присутствие указывает сильно прокаленный участок в северо-восточном углу помещения. Площадь дома 63,4 $м^2$.

Дом 6 состоял, вероятно, из шести помещений, два из них оказались за пределами раскопа. К дому относится также айван (194 А), хотя проход через него в дом не найден. Не исключено, что вход в дом был со стороны двора. Центральное помещение (187) размером 5,10×4,90 *м*, в северо-восточном его углу расположены печь-тандыр диаметром 0,45 *м* и угловая глинобитная площадка. К айвану примыкает помещение 186 размером 5,10×2,60 *м* с парными закромами у южной

Рис. 16. Квартал И, помещение 201.

стены и помещение 194 размером 3,70×2,50 *м*. Размер помещения 195 с парными закромами в юго-западном углу предположительно 5,50 (?)×3,35 *м*. Таким образом, площадь дома свыше 65 $м^2$.

В целом в квартале И находилось восемь домов, из которых в раскоп вошло только шесть. Все дома по площади мало отличаются друг от друга, в том числе и дом с парными печами. Характерной особенностью квартала являются крохотные, открытые помещения (168, 169, 192, 193, 202, 207, 210), обрамляющие фасады домов вдоль внутриквартальной улицы и двора. Они примыкают к многокомнатным домам, но не связаны с ними проходами. Возможно, это небольшие торговые лавки.

Таким образом, раскопками установлено, что основным застроечным компонентом позднесредневекового Отрара является квартал, который представляет собой подпрямоугольные в плане жилые массивы, пристроенные друг к другу и составляющие вместе плотную городскую застройку. Дома, как правило, имеют индивидуальные выходы не на магистральные улицы, а на внутреннюю площадь — двор или улочку квартала, которые, видимо, сверху были перекрыты навесами выходящих сюда айванов. Со стороны проезжих или магистральных улиц кварталы ограничены глухими стенами, внутриквартальные улочки в случае нужды, возможно, закрывались воротами. Но некоторые дома, расположенные в глубине квартала, сообщались своими проходами с магистральной улицей.

В археологической литературе единого определения понятия «квартал средневекового города» нет. Обычно под кварталом понимается массив застройки, границы которого, как правило, фиксируются топографией развалин или же площадью раскопов. В большинстве слу-

чаев очень трудно расчленить застройку на отдельные жилые комплексы или домовладения, что объясняется незначительной площадью раскопов. В Ургенче, например, частью квартала названа группа построек, примыкающая к городской стене[4]. Там же выявлены остатки 54 помещений, расположенных вдоль магистральной улицы на протяжении 60 *м* двумя полосами шириной 10—15 *м*. Постройки отнесены к двум кварталам[5]. Но поскольку ни один из них не раскопан полностью, то, возможно, их было и больше. Имеются и другие примеры. Однако материал из районов исследования, где вскрыты большие участки города, зачастую не подтверждает традиционных представлений.

В Пенджикенте, согласно А. М. Беленицкому, кварталы представляют собой жилые массивы, ограниченные улицами, сеть которых в городе регулярная и прямоугольная[6]. Иное определение квартала раннесредневекового города дает В. Л. Воронина: «Группа дворов, населенных родственниками, образовала самостоятельный квартал с собственной улочкой, отделенной от городской улицы воротами, которые запирались на ночь»[7]. Аналогичное мнение высказывает В. А. Лавров[8].

Квартал позднесредневекового города описан довольно обстоятельно и, пожалуй, лучше всего Бухары. Улицы ее жилых кварталов резко отличались от базарных. В них жилые дома обращены внутрь и выходят на улицу дверными проемами. Кварталы изолированы друг от друга глухими стенами и воротами. Со временем эта замкнутость была утрачена[9].

Бухара разделена на кварталы (гузары), которые представляют собой отдельные замкнутые участки разного размера и очертаний. Ворота к концу XIX в. сохранились лишь в двух кварталах[10]. При сопоставлении планировки кварталов Отрара и позднесредневековой Бухары выясняется общее в городской планировке — деление территории города на замкнутые кварталы. Однако многонаселенный столичный город, каким была Бухара, а также разрыв во времени между двумя сравниваемыми городами обусловили значительные отличия. Они вы-

[4] *А. Г. Тургенев-Амитиров.* Раскопки комплекса южных ворот и крепостной стены Таш-Калы. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (далее: Труды ХАЭЭ), т. II. М., 1958, стр. 495—504.

[5] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Раскопки торгово-ремесленного квартала XV—XVII вв. на городище Таш-кала в Ургенче. Труды ХАЭЭ, т. II. М., 1958, стр. 505—528.

[6] *А. М. Беленицкий.* Из итогов последних лет раскопок древнего Пенджикента. СА, 1965, № 3, стр. 195.

[7] *В. Л. Воронина.* Раннесредневековый город Средней Азии. СА, 1959, № 1, стр. 84 и сл.

[8] *В. А. Лавров.* Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, стр. 93.

[9] *Л. И. Ремпель.* Из истории градостроительства на Востоке (Материалы по планировке Старой Бухары). «Искусство зодчих Узбекистана». Вып. 1. Ташкент, 1962, стр. 234—237.

[10] *О. А. Сухарева.* Бухара XIX — начала XX в. (Позднесредневековый город и его население). М., 1966, стр. 86.

разились прежде всего в размере кварталов. В Бухаре квартал насчитывает в среднем 36,6 дворов [11].

Интересны результаты сопоставления кварталов Отрара и позднесредневекового Херсонеса, в котором вскрыто несколько жилых кварталов XII—XIV вв. в различных частях города [12]. Кварталы Херсонеса в плане прямоугольные площадью 1400—1800 $м^2$ состоят из 9—10 жилых усадеб. Помещения выходят на улицу глухим фасадом. С улицы входов в жилища не было, они устроены со стороны небольшой внутриквартальной площади. В северо-западной части города, где проживало менее зажиточное население, кварталы имели три-четыре дома. Усадьбы занимали всю площадь квартала, поэтому свободной территории внутри не осталось [13].

Аналогичная картина наблюдалась при раскопках позднесредневековых слоев Ани. Здесь один из кварталов площадью 1800 $м^2$ застроен девятью жилыми комплексами, состоящими из 35 помещений. Выход на улицу был общим для двух-трех домов [14]. Нетрудно заметить, что сходство кварталов Херсонеса и Ани с застройкой Отрара удивительно близкое и по площади, занимаемой одним из кварталов, и по количеству домовладений, и по расположению квартала в городской застройке.

На данном основании можно предположить, что в послемонгольское время складываются общие для обширных территорий принципы градостроительства. Для них характерно членение города на кварталы, замкнутые глухими стенами домов с внутриквартальной улочкой или площадью или же с общим для группы домов тупиком, в котором устроен выход на магистральную улицу. Кварталы изолированы от улиц воротами.

Вопрос о социальной разнозначности кварталов может быть решен с помощью анализа планировки, застройки квартала, а также находок. Сейчас уже выявлены социальные различия раскопанных кварталов Отрара. Для кварталов А, Б, В, Д, Е, И общими чертами являются размер домов и центральных помещений в них, количество помещений в доме, находки. Все это отличает их от квартала Г, в котором преобладают одно- и двухкомнатные дома с небрежно сложенными стенами. Все вместе позволяет считать население квартала Г, стоящим на более низкой ступени социальной лестницы, чем население других кварталов. Можно предположить и профессиональную принадлежность населения данного квартала Г. Здесь, видимо, жили хлебопе-

---

[11] *Н. Ф. Ситняковский.* Попытки к исчислению народонаселения в г. Бухаре. «Протоколы Туркестанского отдела РГО от 28. II. 1898 г.». Ташкент, 1898, стр. 79—85; *О. А. Сухарева.* Бухара XIX — начала XX в., стр. 106—112.

[12] *А. Л. Якобсон.* Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА, № 17, 1950, стр. 36.

[13] *А. Л. Якобсон.* Средневековый Херсонес, стр. 86—95; *его же.* Жилые кварталы позднесредневекового Херсонеса. КСИИМК, вып. V, 1940, стр. 31—38.

[14] *Н. Я. Марр.* Раскопки в Ани. «Известия Археологической комиссии», 1906, вып. 18, стр. 72—94.

ки, судя по обилию домов с парной печью-тандыром. Подтверждением наличия такого квартала в Отраре могут быть сведения о хлебопеках и хлебопекарнях в позднесредневековой Бухаре. Выпечкой хлеба в Бухаре занималось немало людей [15].

Вопрос о степени развития городской жизни в тот или иной период — это прежде всего вопрос о численности городского населения. Раскопки на широких площадях Отрара облегчают подсчет численности его населения в XVI—XVIII вв.

Количество населения Отрара середины XVIII в., последнего периода жизни города, известно. П. И. Рычков, сведения которого относятся к 1762 г., насчитывал в Отраре 40 семей[16]. Средняя численность семьи в Средней Азии и Казахстане в период развитого феодализма определяется в 5—7 человек [17]. Исходя из этого в Отраре проживало 200—280 человек. Сведения П. И. Рычкова заслуживают доверия, поскольку подтверждаются и косвенными данными. В Туркестане, писал П. И. Рычков, зафиксировано 1000 семей[18]. Согласно переписи 1867 г., в Туркестане проживало 5000 человек [19]. Количество населения Отрара XVI—XVII вв. определялось следующим путем: сначала выяснялось число домовладений в квартале и численность жителей одного квартала, а затем количество кварталов в городе и количество всех жителей. Такой принцип установления численности населения предложил для Варахши в свое время В. А. Шишкин.

Площадь жилого квартала в Отраре достигает 1000—2100 *м*^{2}, или в среднем около 1500 *м*^{2}. Территория Отрара XVI—XVII вв. исчисляется 20 *га*, или 200 000 *м*^{2}. Если учесть, что часть ее занимали здания общественного пользования (мечети, бани и т. д.), улицы, площади, базары и отвести на все это четвертую часть города, как принял В. А. Шишкин для Варахши, то площадь жилых кварталов составит 15 *га*, или 150 000 *м*^{2}. Таким образом, в позднесредневековом Отраре было 100 жилых кварталов. Мы уже выяснили, что в каждом из них насчитывалось от 6 до 14 домов. Домовладение принадлежало индивидуальной семье, состоящей из 5—7 человек, следовательно, в квартале проживало 30—42 или 70—98 человек, в среднем 50—70 человек. Зная количество населения в одном квартале и число жилых кварталов, все население города Отрара XVI—XVII вв. можно предварительно определить в 5000—7000 человек.

Проанализировав жилую архитектуру этого позднесредневекового города, мы выделяли единый тип жилища, который можно считать

---

[15] *О. А. Сухарева.* Позднефеодальный город Бухара. Ташкент, 1962, стр. 121.

[16] *П. И. Рычков.* Топография Оренбургской губернии. Сочинения П. И. Рычкова 1762 г. Оренбург, 1887, стр. 18—20.

[17] *Н. А. Кисляков.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969, стр. 38; *О. А. Сухарева.* Бухара XIX — начала XX в. (Позднесредневековый город и его население). М., 1966, стр. 103.

[18] *П. И. Рычков.* Топография Оренбургской губернии, стр. 38.

[19] *В. В. Бартольд.* Туркестан. Соч., т. III. М., 1965, стр. 520.

традиционным. Основная жилая ячейка — комната с айваном или с передней комнатой. В многокомнатных домах жилая ячейка с ее составными неоднократно повторяется. Вместе с тем композиция планировки жилых домов двухвариантная: либо линейная (одно- или двухрядная), когда проходные помещения вытянуты по оси и соединены фасадами, либо крестообразная.

Функциональное разделение комнат развито слабо. Все функции жилого дома выполняет одна комната с печью-тандыром. Эта комната служила и спальней, и столовой, и кухней. Центральные жилые помещения очень похожи друг на друга, хотя площадь их различна: от 8—10 до 45 $м^2$, но в любом случае помещение с печью самое большое в комплексе и интерьер его стереотипен. Дверной проем, как правило, расположен в средней части фасадной стены, рядом с ним внутри помещения имеется небольшая прямоугольная площадка, вымощенная жженым кирпичом. Она занимает около $^1/_8$ площади комнаты. Остальное пространство занято суфой высотой 0,40—0,50 *м*. Борта суфы обложены жженым кирпичом. Вымощенная поверхность пола перед дверью слегка наклонена к водосливу—ташнау. Оно устроено традиционно: широкогорлый сосуд типа хума с выбитым дном вкопан на уровне с полом и перекрыт сверху кирпичом с отверстием, к нему подведены канавки. Если не было сосуда, то стенки ташнау обкладывались кирпичом. Один, а иногда и два, ташнау — непременная принадлежность жилых комнат и подсобных помещений.

Справа или слева от входа в суфе располагали печь. Все печи специального изготовления. Диаметр устья 45—60 *см*. Дно печи выкладывалось обломками жженого кирпича или мелкими камнями. Закраина печи находилась на одном уровне с суфой. Канал топки выведен на борт суфы в уровень с полом. Напротив топочного отверстия или сбоку от него в стенке печи имеется отверстие для дымохода. Дымоход шириной 10—15 *см* прокладывался в суфе до ближайшего угла или стены помещения и далее проходил внутри стены. Стенки дымохода, как правило, обкладывались кирпичом, им же он перекрывался и сверху. Дымоходы обычно одноканальные, иногда, если печь устраивали рядом со стеной помещения, делали два коротких параллельных канала, видимо, для усиления тяги.

Печи в жилых помещениях Отрара универсальные. В них можно варить пищу в казане, печь лепешки. Об этом говорят характерные для тандыров нарезки на бортах. При выпечке печное отверстие закрывалось сверху массивной плоской крышкой. Печи использовали и для обогрева помещения, в них имелась система горизонтальных дымоходов типа канов.

Из деталей интерьера жилых помещений следует отметить очажные глинобитные тумбы, которые пристроены к борту суфы. В этих очагах, видимо, хранились жаровые угли.

Суфа использовалась и для хозяйственных целей: в углах устраивались закрома, а под ней ямы и погреба.

Как отмечалось, жизнь обитателей дома проходила главным образом в комнате с суфой и печью. Остальные помещения были подсобными, в основном это кладовые или амбары. В некоторых передних комнатах имелись специальные очажные отделения с земляными печками. По-видимому, они использовались летом, когда жилое помещение не отапливалось.

Постройки позднесредневекового Отрара возведены из сырцового кирпича прямоугольной формы различного размера: 32×25, 27×18, 25×15, 35×20 *см* при толщине 8—10 *см*. Жженый кирпич квадратный, со стороной 25—26 *см*.

Система кладки также разнообразная. Кирпичи уложены плашмя с чередованием коротких и длинных сторон, на ребро с наклоном и с прокладкой из двух рядов горизонтально лежавших кирпичей, встречается и кладка «в елочку». Отмечены также стены глинобитные и из дернового кирпича. Они неоднократно обмазывались глиносаманной штукатуркой. Жженым кирпичом вымощен пол и оконтурены борта суфы. Зафиксированы и каркасные конструкции в виде одно- или двухрядной опалубки.

Кровля была, по-видимому, плоская. В некоторых помещениях на полах обнаружены деревянные балки перекрытий, а также пласты камыша, обмазанного глиной. Кровля опиралась на центральный столб, опорные базы сохранились почти во всех помещениях. Это деревянные плахи, концы которых вмазаны в борта суфы.

Тип жилища позднесредневекового Отрара в Южном Казахстане широко распространен, что подтвержает материал XVI—XVIII вв. городища Куль-тобе на северных склонах Каратау [20]. Планировка, интерьер жилищ Отрара и безымянного городища в ущелье Карагур полностью совпадают. Правда, на периферии в качестве строительного материала применяли в основном плитняк, которого очень много в горном районе.

Очень близки отрарским жилища позднесредневекового Ургенча [21]. Различия имеются лишь в деталях: в Ургенче встречаются горизонтальные дымоходы вдоль стен, отмечен несколько иной формат жженого кирпича (22×22×5 *см*), из которого выложен фундамент и полы, перед печами в полу сделаны углубления для золы.

Любопытные результаты дает сравнение позднесредневековых жилищ Отрара и оседлого жилища казахов.

Основная жилая ячейка отрарского жилища — комната с передней или кладовой, а также многокомнатные линейно спланированные дома аналогичны оседлым жилищам казахов. Судя по этнографиче-

[20] Исследования верхнего слоя городища в 1971—1973 гг. проводил палеоэтнографический отряд Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции АН КазССР.

[21] *Н. Н. Вактурская.* Раскопки городища Ургенч в 1952 г. Труды ХАЭЭ, т. II. М., 1958; *Г. А. Федоров-Давыдов.* Раскопки торгово-ремесленного квартала XV—XVII вв. на городище Таш-кала в Ургенче. Там же; *А. Г. Тургенев-Амитиров.* Раскопки комплекса южных ворот и крепостной стены Таш-калы. Там же.

ским материалам, у казахов были распространены одно- или двухкамерные дома с хозяйственными пристройками, расположенными под одной крышей с домом. Иногда наличествовала промежуточная третья комната, используемая как кухня. В жилой половине по периметру стен устраивались суфы или дощатые нары шириной до 2 *м*. Эти сведения в основном о жилище северной части Казахстана[22]. О южноказахстанском жилище известно очень мало. Согласно недавним этнографическим обследованиям, в Южном Казахстане дом состоит из двух комнат. Часть пола занимает глинобитное возвышение — көтерме[23].

Весьма важным является способ отопления жилища. По этнографическим данным, для жилища казахов характерны печи универсального назначения — казандык — с прямым дымоходом или проложенным в стене-перегородке, разделяющей жилище на две половины: жилую и хозяйственную. Эти печи служили для приготовления пищи, в них же пекли лепешки, а благодаря перегородке-дымоходу обогревали помещение. Функциональное назначение отрарских и казахских казандыков совпадает. Конструкция печей также аналогична, они различаются лишь устройством дымоходов. У современных казахов он был прямой, либо отводной в стенке перегородки. В этом случае казандык сооружается посреди комнаты, напротив входа; от него перпендикулярно к торцовой стене или параллельно ей делается дымоход-обогреватель в виде не доходящей до потолка стенки высотой 1,2—1,5 *м* (позднее стенки-перегородки строили до потолка). Благодаря печке-стенке в помещении дольше сохраняется тепло. Стенка-обогреватель естественно делит комнату на две-три камеры (в зависимости от расположения перегородки): на кухню — ауыз уй, куда казандык выходит топкой, чистое отделение — тор уй, конак уй и прохожую — орта уй[24].

Обогреваемые дымоходами стенки-перегородки были широко распространены в прошлом у казахов, употребляются они в быту и до сих пор. Происхождение таких обогревателей еще не выяснено. Возможно, печки-стенки генетически связаны с позднесредневековыми канами.

Дымоходы в стене-перегородке появляются в связи с обособлением и самостоятельным функционированием в доме кухонного отделения. Напомним, что в жилищах позднесредневекового Отрара такого

---

[22] *С. Руденко.* Очерки быта казахов бассейна рек Уила и Сагыза. Сб. «Казаки» (Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик, вып. 3). Л., 1927; *С. Ф. Баронов.* Опыт медико-санитарного обследования среди казаков. Там же; *А. Н. Глухов.* Зимнее жилище актюбинских и адаевских казаков. Там же, вып. 11; *М. Мендикулов.* Некоторые данные об исторической архитектуре Казахстана. «Известия АН КазССР, серия архитектурная», 1950, вып. 2; *В. В. Востров.* К истории развития оседлого жилища у казахов. «Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана». М. — Л., 1961.

[23] *Н. Сабитов.* Этнографическая экспедиция в Меркенский район Джамбулской области. «СЭ», 1953, № 3.

[24] *В. В. Востров.* К истории развития оседлого жилища у казахов, стр. 186—187.

разделения еще не было или намечалось, но очень слабо. Нельзя не заметить также полное совпадение в устройстве длинных земляных очагов Отрара и казахских земляных очагов — жирошак[25].

Отмеченные параллели весьма важны, так как этим подтверждается преемственность оседлого казахского жилища, его глубокие корни, уходящие в традиции оседлости на территории Южного Казахстана.

Массовым материалом из раскопов является керамика. Коллекция ее достигает нескольких тысяч. Это целые, археологически целые сосуды и обломки. Вся керамика делится на две группы: неполивную и поливную.

Неполивная керамика нижнего строительного горизонта. Она представлена кухонной посудой (горшки, сделанные из грубого рыхлого теста, крышки от горшков и тандыров, кувшинчики), посудой для хранения пищи и жидкостей (хумы, хумчи), посудой для транспортировки (двуручные горшки, кувшины), столовой посудой (горшки, чаши, тарелки, чайники и кувшины) и, наконец, посудой специального назначения (тагора).

Горшки. Они изготовлены из рыхлого древяного теста серого цвета, грушевидной формы, с двумя плоскими в сечении ручками, соединяющими горло и тулово.

Крышки для тандыров. Сделаны из теста с примесью песка. которое при обжиге приобрело желтый цвет. Они имеют дисковидную форму, диаметром 30—55 *см* и с ручкой-навершием в центре. Толщина крышек 2,5—4 *см* у края и 4—5 *см* в центре. Поверхность крышек гладкая или с вдавленными линиями. Обычно украшали борта крышек. Их покрывали вмятинами, защипами, насечками. Сугубо индивидуальной деталью крышки является навершие. По форме оно весьма многообразно. Наиболее часто встречается округлое навершие с вмятиной в центре. Обнаружены навершия, уплощенные сверху, а также разделенные вдавленной линией на четыре сектора и с манжетовидным налепом. У основания навершия в месте прикрепления к ручке прочерчены радиальные линии. Интересны экземпляры, в которых имеются сквозные узкие отверстия для выхода пара.

Крышки для хумов выполнены более тщательно, толщина стенок у них одинаковая. Крышки украшены оттисками штампов, резными и прочерченными линиями. Навершия их округлые грибообразные.

Кувшинчики — сосуды с грушевидным туловом и двумя налепными ручками, имеющими дырочку-прокол. Стенки их закопчены. Видимо, в кувшинчиках кипятили жидкость.

Хумы. Для них характерно овальное тулово, высотой 0,5—0,8 *м*, покрытое косыми насечками или гладкое. Обжиг желтого цвета. Венчик у хумов нескольких типов. Обычно утолщенные, скошенные наружу с плоской округлой площадкой, иногда с фигурным профилем.

---

[25] *А. Н. Глухов.* Зимнее жилище актюбинских и адаевских казаков. Сб. «Казаки», вып. 11. Л., 1927, стр. 118.

На венчиках и туловах хумов встречаются потеки бурой и красной краской. У одного хума на стенке была вертикальная строчка из завитков.

Аналогии хумам из Отрара есть в Хорезме, в материалах городищ XV—XVII вв.[26] Хумы с насечками на тулове отмечены в Мерве, в слоях XV—XVI вв.[27]

Хумчи отличаются от хумов размером. Их часто вторично использовали в комплексе ташнау. В этом случае хумчу переворачивали вверх дном и делали в ней отверстие.

Двуручные горшки — самый многочисленный и разнообразный тип неполивной посуды, которую употребляли для переноса жидкостей

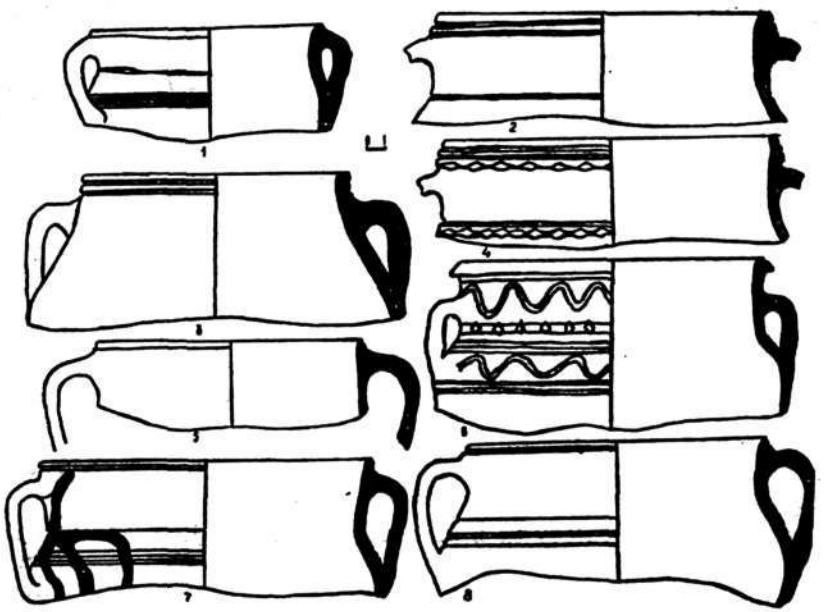

Рис. 17. Двуручные горшки XVI—XVII вв.: 1—8 — фрагменты.

и продуктов. Тулово у горшков в плечиках раздутое, горло прямое, две ручки, плоские в сечении, соединяют горло и плечики. Венчики у сосудов очень разнообразные. В большинстве случаев они округленной в разрезе формы и отогнуты наружу под большим или меньшим углом. Встречены венчики, уплощенные сверху, а также фигурные, с уступом для крышки (рис. 17).

[26] *Н. Н. Вактурская.* Классификация средневековой керамики из Хорезма. Труды ХАЭЭ, т. IV. М., 1959, стр. 330.

[27] *В. М. Массон.* Хумы Нисы. Труды Южно-Туркменистанской археологической экспедиции (далее: Труды ЮТАКЭ), т. II. М., 1953, стр. 416.

Сосуды орнаментированы двумя способами. Первый — это роспись минеральными красками по ангобу розового, кремового или желтого цвета. Она нанесена в виде потеков и пятен на венчики и тулово.

Второй способ украшения — прорезная линия, волнистая, зубчатая или прямая, одна или в различных комбинациях. Распространена и глубокая резьба в виде каннелюр, а также налепы полосок, иногда с вмятинами, защипами и насечками.

Горшки из Отрара находят параллели в керамике Хорезма XV — XVII вв.[28]

Кувшины имеют овальное с покатыми плечиками тулово, невысокое горло. Тулово соединено с плечиками пластинчатой ручкой. Снаружи кувшины покрыты белым, розовым или желтым ангобом. Стенки их иногда украшены полосками темно-коричневой краски или линейно-волнистым орнаментом.

Чаши сделаны из глины желтого цвета. Сверху нанесен розовый или желтый ангоб. Поддон у них кольцевой, кольцевой с выступом, очень редко дисковидный. Стенки плавно отходят от дна, их профилировка различная. Венчики прямые или слегка отогнуты наружу.

Тарелки имеют широкое дно и отогнутые под прямым углом прямые стенки или с характерным перегибом.

Чайники с округлым туловом и горизонтальным носиком, прикрепленным к середине стенки. Носик к верху сужается. Обычно в месте соединения носика и тулова бывает орнамент в виде лучевидных прочерченных линий.

Кушины столового назначения имеют горло, переходящее в округлое тулово. Пластинчатая ручка соединяет горло и плечики. Внутри на стенках горла прослеживаются каннелюры. Для кувшинов описываемого периода характерны покатые плечики. Они сделаны из теста, принявшего при обжиге желтый или розовый цвет, и сверху отделаны светлым или розовым ангобом.

Тагора. Этот вид посуды в виде таза, иногда диаметром до 50 *см* и высотой стенок до 20 *см.* Стенки почти вертикальные, венчики отогнуты наружу. Тагора покрыты изнутри и снаружи розовым, желтым, а в одном случае — красным ангобом.

Тагора — широко распространенная форма посуды. Близкие ей формы выявлены в Хорезме в материалах XV—XVII вв.[29]

Туваки представляют собой высокие цилиндрические сосуды с отогнутым под прямым углом широким венчиком. Сверху нанесен белый или розовый ангоб. Аналогичные формы встречены в Хорезме[30].

Поливная керамика основного строительного горизонта. Это чаши различного размера (типа современных пиалы и кесы), тарелки и

---

[28] *Н. Н. Вактурская.* Классификация средневековой керамики из Хорезма, стр. 334.

[29] Там же, стр. 329, рис. 38, *6*.

[30] Там же, стр. 334, рис. 43, *43*.

блюда, тагора, двуручные горшковидные сосуды, миниатюрные сосуды и хум, облицованный изнутри толстым слоем шероховатой, синего цвета поливой.

Посуда изготовлена из светло-желтого или розового теста, черепок плотный и звонкий. Кашина в нем нет. Профили венчиков, чаш и поддона различные. Для керамики основного горизонта характерны поддоны кольцевые, кольцевые с выступом, фигурные, а также дисковидные.

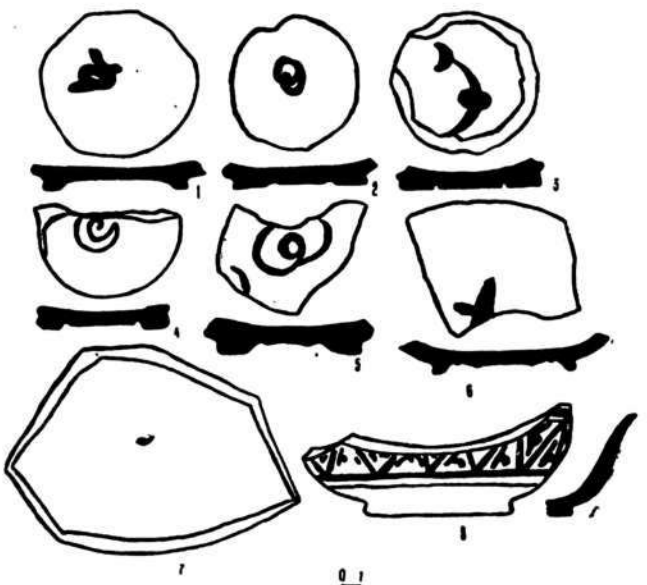

Рис. 18. Чаши с тамгообразными знаками: 1—8 — фрагменты.

Спектр росписи состоит из черного, голубого, синего, зеленого, коричневого и красного цвета. В росписи в простых и сложных сочетаниях использованы растительные и геометрические элементы.

По основным признакам (цвет поливы, спектр росписи, орнамент) поливная посуда комбинируется по группам и типам.

Керамика с бесцветной поливой.

Она может быть разделена на несколько типов:

1. Керамика с белой поливой и одноцветной росписью внутри и двухцветной снаружи. Эта подгруппа объединяет чаши с диаметром устья до 15 *см* и диаметром дна 6—10 *см*. Для такой керамики характерен тамгообразный знак в центре дна чаши. Он имеет вид запятой, креста, завитка, восьмерки (рис. 18) и нанесен марганцевой краской различных оттенков. Снаружи чаши, как удалось установить по облом-

кам, расписаны стилизованными растительными и геометрическими мотивами, выполненными голубой и марганцевой красками.

2. Керамика с бесцветной поливой и одноцветной росписью синей краской с различными оттенками: от темно-синего до почти черного, светло-синего или голубого. Роспись двухсторонняя. Преобладают чаши средних размеров, встречаются и горшкообразные сосуды. Большинство чаш сделано из плотного теста, принявшего при обжиге светло-желтый цвет. Поддоны кольцевые с выступом. В росписи преобладают растительные мотивы. Ее основными элементами являются стилизованная виноградная гроздь, листья, побеги, ветви. Интересна чаша, на дне которой в медальоне расположена розетка, а по остальному полю — крупные зубчатые листья и побеги. Края чаш окаймлены горизонтальными геометрическими полосами.

Горшкообразные сосуды украшены снаружи растительным орнаментом. В комплексе керамики имеется фрагмент сосуда, на котором в горизонтальных поясах расписаны виноградные листья и побеги.

Эта керамика, подражающая китайскому фарфору типа «кобальт», появилась в Средней Азии в XV в. и получила наибольшее распространение в XV—XVII вв.[31] В Ургенче она встречена в основном в слоях XVII в.[32]

3. Керамика с бесцветной поливой и двух-трехцветной росписью. Она представлена главным образом чашами из плотного теста желтого и светло-желтого обжига. У них кольцевой поддон с выступом или без него. К этому же типу керамики относится тагора. Данный тип на основании композиционной постройки орнамента поделен нами на подтипы.

Первый подтип (рис. 19) характеризуется наличием в центре чаш голубого или синего круглого пятна, обведенного по контуру темно-фиолетовым кольцом с завитками. Стилизация их различная: от хорошо видимых закругленных усиков до расположенных по кругу скобчатых линий.

В ряде случаев голубое пятно — центр композиции — в медальоне, свободное пространство которого заполнено стилизованными листьями и побегами. На обломке дна одной из чаш виден синий круг, обведенный темно-серой каймой с расходящимися листьями. Встречена чаша, у которой роспись дополнена гравировкой.

В коллекции керамики есть несколько фрагментов чаш, на дне которых изображен цветочный куст. Его ветви и листья темно-марганцевого цвета, а бутон голубой.

В коллекции керамики Отрара имеются обломки чаш, их наружная сторона расписана шестиугольниками в виде сот, заполненных

---

[31] *М. Е. Массон.* Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция 1946 г. Труды ЮТАКЭ, т. I. М., 1949, стр. 93; *Г. А. Пугаченкова.* Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв. Там же, стр. 413—416.

[32] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Раскопки торгово-ремесленного квартала XV—XVII вв. на городище Ташкала в Ургенче. Труды ХАЭЭ, т. II. М., 1958, стр. 511.

Рис. 19. Поливная керамика XVI—XVII вв. 1—17 — фрагменты.

точками. Геометрическим орнаментом украшены также горшковидные сосуды с ручками.

Керамика этого типа выявлена в Хорезме. Аналогичные чаши с двухцветной росписью пятнами и растительными мотивами отмечены в верхнем слое Ургенча[33]. Очень похожая керамика обнаружена при раскопках Ташкента в слоях XV — XVI вв. Здесь она самый распространенный тип керамических изделий[34]. Аналогичные типы чаш и тагора зафиксированы в шурфах на городище Сузак в слое XV — XVI вв.[35]

4. Посуда с бесцветной поливой и двух-, трехцветной росписью, в которой преобладают геометрические мотивы. Основным элементом

[33] *Н. Н. Вактурская.* Классификация средневековой керамики из Хорезма. Труды ХАЭЭ, т. IV. М., 1959, стр. 334—335, рис. 40, *2;* 42, *2.*

[34] *Д. Вархотова.* Художественная керамика XV — начала XVI в. из Ташкента. «Общественные науки в Узбекистане», 1969, № 8—9, стр. 86—87, рис. 3.

[35] *Л. Б. Ерзакович.* Поливная керамика городища Сузак XIII—XVIII в. «Вестник АН КазССР», 1966, № 5, стр. 80—81, рис. 1.

орнамента является сетка, ее ячейки могут быть пустыми, а также заполненными точками или растительными завитками. Кроме сетки, встречаются стилизованные буквы.

Керамика с геометрической росписью зафиксирована в Ургенче, в слое XVII в.[36] Изделия с «сотовым» орнаментом имеются в сборах керамики с городища Ахсикет[37].

5. Посуда с бесцветной поливой и растительными композициями внутри чаш. На них изображены ветки с листьями, в одной, двух или трех красках (рис. 20, *1, 2*). Рисунок выполнен темно-синей краской, ветка заключена в медальон и по контуру оплетена растительными побегами.

Интерес представляют чаши с изображением розы в двух цветах — синем и марганцевым (рис. 20, *5*). Если на одной чаше роза передана очень реалистично, то на другой значительно стилизована (рис. 20, *6*).

Привлекает внимание чаша с изображением пышного куста растения (рис. 20, *3*), имеются также чаши, у которых пучки разбросаны по внутренней плоскости.

Очень хороша тонкостенная изящная чаша, на дне которой в медальоне нарисована коричневой краской ветка с мелкими листочками. Снаружи она покрыта поливой, ниже середины изображены пушистые метелки каких-то растений.

Керамика с растительными композициями или, как ее называют с «ботаническими мотивами», широко бытовала на Востоке в XVI — XVIII вв. Чаши украшены гвоздикой, ирисом, цветами шиповника[38]. Прекрасные образцы таких чаш встречены в Нисе[39], Ургенче, Ахсикете[40]. Две опубликованных Н. Н. Вактурской чаши из Ургенча напоминают отрарские[41]. Одна чаша с изображением растения с пышными султанами листьев, другая с изображением растения с пушистыми метелками.

Анализируя стилизацию изображений цветов и растений, нельзя не обратить внимание на их каноническую трактовку. Чувствуется, что художник копировал растения с каких-то устоявшихся образцов.

6. Посуда с бесцветной поливой и брызгами краски внутри. Снаружи такая керамика обычно покрыта двухцветной росписью. Верхнюю часть одной из чаш украшал фриз из колец, выполненных марганцевой краской. Кроме того, по фризу, частично захватывая пло-

[36] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Раскопки торгово-ремесленного квартала XV—XVI вв. на городище Ташкала в Ургенче. Труды ХАЭЭ, т. II. М., 1958, стр. 516.

[37] *И. Ахраров.* Новые археологические материалы с городища Ахсикет XIV—XVI вв. «Общественные науки в Узбекистане», 1969, № 8—9, рис. 1.

[38] *Э. К. Кверфельдт.* Керамика Ближнего Востока. Л., 1947, стр. 99.

[39] *Г. А. Пугаченкова.* Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв. Труды ЮТАКЭ, т. I. М., 1949, рис. 5; *Н. Н. Вактурская.* Раскопки городища Ургенч в 1952 г. Труды ХАЭЭ, т. II. М., 1958, рис. 7.

[40] *И. Ахраров.* Новые археологические материалы с городища Ахсикет XIV—XVI вв., рис. 1.

[41] *Н. Н. Вактурская.* Раскопки горидища Ургенч в 1952 г., рис. 7.

щадь колец, проходила широкая голубая полоса. На внутренней стороне чаши бессистемно по белому фону были разбросаны пятна синего и марганцевого цвета.

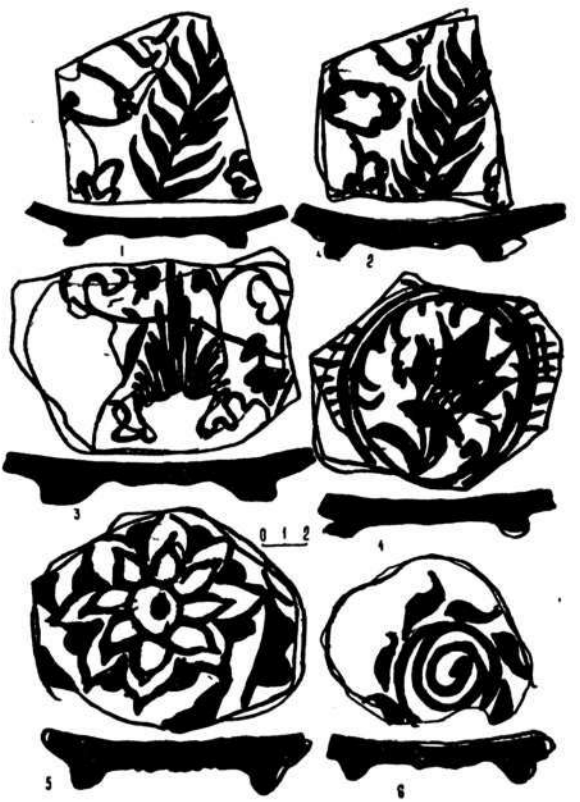

Рис. 20. Чаши XVI—XVII вв. с растительным орнаментом: 1—6 — фрагменты.

7. Керамика со стилизованным эпиграфическим орнаментом. Она представлена обломками чаш и тагора. Роспись нанесена синей, голубой и марганцевой красками. Обычно по кругу внутри сосудов отдельно и в сочетании располагались знаки арабского алфавита.

Керамика с окрашенными поливами.

Она делится на несколько типов:

1. Посуда, покрытая двухсторонней темно-зеленой поливой. Это главным образом чаши и блюда. Полива положена на белый ангоб.

Керамика с одноцветной зеленой поливой отмечена в Ургенче в слоях XVII в.[42]

2. Посуда, покрытая голубой поливой различных оттенков. Росписи нет. Полива нанесена снаружи на половину или одну треть сосуда.

Большинство чаш изготовлено из плотного теста, приобретшего в результате обжига светло-желтый цвет. Поддоны чаш дисковидные или кольцевые с выступом. У некоторых из них край волнистый или зубчатый.

Имеется целая чаша с зубчатым краем. В местах перехода дна в стенки и на изгибах стенок, где слой поливы толще, она темнее, что создает впечатление раскрашенности концентрическими кругами. Снаружи у чаши роспись отсутствует.

Посуда описанного типа имеет аналогии в керамике Ургенча[43].

3. Керамика с тамгообразными знаками. Она представлена чашами, на дне которых изнутри на голубом фоне в центре нанесены знаки или круглое пятно. Роспись выполнена марганцевой или синей краской. Знаки в виде креста, креста и завитка, схематической птички.

4. Посуда с росписью сложными растительными мотивами. В основном это цветочные бутоны в окружении листьев, вязь растительных побегов, виноградные кусты и гроздья винограда.

Имеется несколько обломков керамики, центральным орнаментальным мотивом которой является цветок или цветочная розетка. В одном случае это небольшая чаша с венчиком диаметром 12 *см*. Изнутри она покрыта голубой поливой. В центре нарисован цветок лилии. Снаружи чаша расписана по двум концентрическим поясам: в верхнем помещены завитки, в нижнем — растительные побеги.

Найден также обломок чаши с синей поливой и росписью марганцем. В центре дна расположен медальон, разделенный на четыре поля, внутри которых находятся изогнутые цветочные побеги.

В коллекции керамики имеется чашечка с изображением цветов и перистых листьев.

Неполивная керамика верхнего строительного горизонта ничем не отличается от посуды основного строительного периода.

Поливная керамика верхнего строительного горизонта. В ней наметились по сравнению с керамикой основного строительного горизонта изменения в профилировке поддонов, цветовой гамме и главным образом в элементах орнаментальной росписи.

Посуда представлена чашами, тарелками, блюдами на дисковидном поддоне, двуручными горшковидными сосудами и тагора. Она также может быть разделена на группу с бесцветной поливой и с окрашенной поливой. Посуды первой группы в количественном отношении больше. Мы разделили ее на три типа.

---

[42] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Раскопки торгово-ремесленного квартала XV—XVII вв. на городище Ташкала в Ургенче, стр. 516.

[43] *Н. Н. Вактурская.* Классификация средневековой керамики из Хорезма. Труды ХАЭЭ, т. IV. М., 1959, стр. 336.

1. Керамика с бесцветной поливой и росписью марганцем. Ведущим элементом ее орнамента являются завиток и спираль. В центре дна выполнен медальон из закрученных линий, имеются завитки, окаймленные спиралью и по-разному стилизованные. Можно различить нераспустившийся бутон розы, вихревую розетку или виток спирали. Иногда завиток и спираль вокруг него вписаны в медальон, оконтуренный одной или двумя линиями. Встречены фрагменты чаш, у которых линии медальона нанесены двумя красками — марганцевой и голубой.

Края чаш изнутри расписаны спиральными линиями в рамке из горизонтальных полос. Обычно для орнамента использовали две краски — марганцевую и голубую, но различных оттенков.

Рис. 21. Чаша XVII—XVIII вв.

К этому типу относятся две целые чаши. Они имеют дисковидный поддон. У первой в центре дна расположен медальон, оконтуренный светло-голубой линией, которая заключает завиток, окруженный спиралью. Две горизонтальные полосы, разделенные линией голубого цвета, заполнены вертикальными линиями. Снаружи полива покрывает треть чаши, росписи нет.

У второй чаши орнамент помещен в горизонтальных поясах, разделенных полосами грязно-коричневого цвета. В центре дна нарисован медальон со стилизованной розой внутри. Венчик цветка голубого цвета, а лепесток в виде спирали. Медальон опоясан частыми наклонными линиями, по ним проходят три голубые полосы. Следующий, внешний пояс содержит солнцевидное изображение, разделенное листьями (рис. 21). Снаружи полива занимает треть стенок чаши. Росписи нет.

Этот тип посуды включает и тагора, представленные целыми экземплярами и обломками. Основными элементами орнамента являются спираль и завиток.

В коллекции керамики имеется целая тагора. В центре дна в медальоне находится стилизованное изображение цветка. Сам медальон опоясан несколькими темно-коричневыми и голубыми полосами и спиралями.

К этому типу можно отнести двуручные и безручные горшковидные сосуды, украшенные завитками и спиралями.

Встречаются чаши, в медальоне которых скомпоновано несколько

завитков — четыре, пять, восемь. Они почти всегда одного размера, иногда центральный больше или меньше других. Роспись одноцветная или же двухцветная, в первом случае выполнена марганцевой краской, во втором — марганцевой и голубой.

В коллекции имеется целая чаша на кольцевом поддоне. Диаметр ее венчика 30 *см*. В центре чаши на дне нанесен медальон диаметром 15 *см*, обведенный двойной линией марганцевого цвета и одной толстой голубого. Внутри медальона находится пять завитков. Они расположены звездообразно, в центре сделан завиток меньшего размера.

Следующий пояс, оконтуренный голубыми полосами, занят сеткой из пересекающихся линий марганцевого цвета.

Фрагментов такого типа чаш в керамике верхнего строительного горизонта много.

Керамика, покрытая бесцветной глазурью и росписью марганцем, главным элементом которой являются завиток и спираль, обнаружена в Сузаке, в слое XVII — XVIII вв.[44]

2. Керамика с неокрашенной поливой представлена обломками чаш. Их основной орнаментальный элемент солнцевидный знак с лучами. Знаки нанесены на белый фон марганцевой или голубой красками и скомпонованы в различных вариантах.

По мнению некоторых исследователей, такие знаки появляются на посуде в XVII — XVIII вв. Керамика с солнцевидными знаками известна в Сузаке, Бухаре и Самарканде[45].

3. Чаши с двухцветной росписью марганцевой и голубой красками. Для них характерен геометрический орнамент из сочетаний треугольников. У чаш, к сожалению, не сохранилось дно, роспись сделана в круговых поясах. В верхнем поясе, окаймленном голубыми и коричневыми полосами, расположено два ряда треугольников, обращенных вершинами друг к другу (рис. 22). Иногда треугольники даны в сочетании с растительными завитками.

Группа керамики с окрашенной голубой поливой представлена чашами, блюдами, тагора, горшковидными сосудами с ручками. Эта посуда снаружи покрыта бесцветной поливой. Ее можно разделить на три типа.

1. Керамика, украшенная солнцевидными знаками. Обычно они располагались двумя круговыми полосами на внутренней поверхности чаш, центр которых занят медальоном. В верхнем поясе знаки расположены в один ряд, в нижнем сгруппированы по четыре. Есть чаши и с другим расположением знаков орнамента.

2. К данному типу посуды относятся тагора, внутренняя поверхность которых покрыта темно-синей поливой и черной росписью в виде стилизованных надписей арабским шрифтом.

---

[44] *Л. Б. Ерзакович.* Поливная керамика городища Сузак XIII—XVIII вв. «Вестник АН КазССР», 1966, № 5, стр. 81, рис. 2.

[45] *Там же, стр. 81.* (Здесь приведены списки аналогичной посуды из фондов Бухары, Самарканда и Ленинграда).

3. Керамика этого типа состоит из горшковидных сосудов с ручками и без них. На поверхность нанесена голубая глазурь, а сверху она расписана спиралями, завитками, пересекающимися линиями.

Охарактеризуем некоторые находки, выявленные на Отраре за три полевых сезона. Обнаружено немало каменных орудий. Это жернова и обломки жерновов из кварцитового песчаника, зачастую весьма искусно орнаментированные, песты различного размера и точила. Собрано значительное количество бус, разнообразных по материалу и форме. Имеются бусы из сердолика, бирюзы, агальматолита, причем различной формы — круглой, овальной, с гранями. Бусы из стекловидной массы обычно голубого цвета.

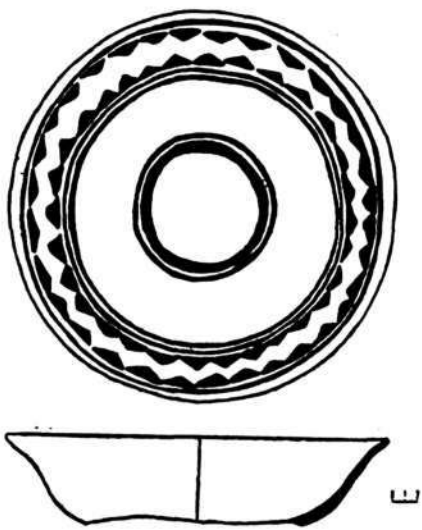

Рис. 22. Чаша XVII—XVIII вв.

Уникальным украшением является ромбовидный кулон из зеленого уральского серпентинита.

Интересны также стеклянная подвеска на бронзовой дужке, глиняная головка веретена, поделки из дерева: «пспек» — инструмент для сбивания масла, фрагменты каких-то поделок, окрашенных в красный цвет и орнаментированных резьбой. Очень привлекателен серебряный перстень, на печатке которого выгравирована сцена борьбы человека с драконом.

Верхний слой Отрара датируется на основе анализа многих предметов. Несомненно, что в целом керамика верхнего слоя относится к XVI — XVIII вв. В коллекции почти нет образцов, характерных для XV в., и посуды первой половины XIX в., столь распространенной в материалах Сузака, Джамбула, Туркестана.

За три полевых сезона найдено несколько сот монет. Основное их количество — это медные монеты XVI — XVIII вв., которые чеканились без имени правителя и даты. Из всей коллекции датируются лишь 23 медные монеты XVI в., собранные главным образом в помещениях основного строительного горизонта. Для датировки и хронологического разграничения основного и верхнего строительного горизонта верхнего слоя Отрара очень важны клады монет. Один из первых кладов обнаружен в 1972 г. (раскоп I, объект 2) в помещении, у юго-восточного профиля раскопа. Это серебряные монеты (12 экз.) чекана джанидов Имам Кули-хана (1611—1642) и Надир Мухаммад-хана

(1642—1645)[46]. Еще один клад из 48 серебряных монет, чеканенных в Бухаре и Балхе, происходит из помещения 14 квартала Д. В нем имеются теньги Иман Кули-хана (13 экз.), Надир Мухаммад-хана (9 экз.), монеты Абдулазиз-хана (1645—1680, 14 экз.) и Шах-Джахана (1627—1658, 4 экз.). На некоторых монетах есть дата выпуска: наиболее ранняя из них — 1634 год, поздняя — 1649 год[47]. В 1973 г. в одном из помещений основного строительного горизонта (раскоп III, объект 1) обнаружен клад анонимных медных монет (993 экз.), чеканенных в Самарканде (?), Ташкенте, Ясах, по-видимому, в XVII—XVIII вв. Клады позволяют уточнить время военных потрясений в жизни Отрара XVII в. (в датированных кладах нет монет позднее середины XVII в.). Они зарыты, безусловно, накануне или во время военного разгрома города, следы которого в виде пожаров и разрушений зафиксированы на всех раскопах.

Все отрарские клады происходят из помещений основного строительного горизонта. Условия залегания кладов позволяют считать хронологическим рубежом двух строительных горизонтов верхнего слоя Отрара время не ранее середины XVII в. Учитывая даты керамических комплексов, можно предположить следующую хронологическую колонку: основной строительный горизонт — XVI — первая половина XVII в., верхний — вторая половина XVII — XVIII в.

---

[46] *Р. З. Бурнашева.* Монетный материал с городища Отрар-тобе за 1971—1972 годы. В кн.: «В глубь веков». Алма-Ата, 1974, стр. 159—163.

[47] Определение Р. З. Бурнашевой.

К ВОПРОСУ О ЗНАКАХ НА КЕРАМИКЕ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ОТРАРА

С. М. АХИНЖАНОВ

Среди фрагментов глиняной посуды, собранных за три года в позднесредневековых слоях (XVI—XVIII вв.) городища Отрартобе, изредка можно встретить керамику со знаками. Чаще всего они встречаются на донцах сосудов как с внешней, так и с внутренней стороны. На неполивной посуде — хумах, горшках, чашах — знаки нанесены, как правило, с внешней стороны каким-либо тонким острым предметом. Это довольно глубокие и отчетливо различимые процарапанные линии разнообразных комбинаций, различного размера — от маленьких отметинок, поставленных в центре донца сосуда, до больших, покрывающих все дно. Иногда они бывают и на тулове ближе к основанию, но только с внешней стороны. Изредка метили поперечными линиями и края кольцевых поддонов (рис. 1).

На поливной посуде знаки выполнены всегда краской на донце сосуда, главным образом с внутренней стороны еще до покрытия поливой. Как показали исследования, таким путем метили лишь пиалы и чаши. Обычно они среднего размера, с высоким полусферическим туловом и кольцевым выступом на поддоне. Диаметр дна чаш — от 6 до 10 *см*, а устья — 15 *см*. Посуда изготовлялась из хорошо отмученной глины светло-желтого цвета, черепок у нее плотный и звонкий. Вся внутренняя поверхность чаш покрыта бесцветной или голубой, или белой поливой. Снаружи они расписаны растительным и геометрическим орнаментом, выполненным голубой или марганцевой краской. Такой же краской с внутренней стороны поставлен знак в центре поддона. В отличие от процарапанных знаков он всегда небольшого размера и сделан весьма аккуратно (рис. 2, 3).

Описываемые знаки, помимо техники исполнения на посуде, по нашему мнению, можно разделить еще на две подгруппы по мотивам рисунка.

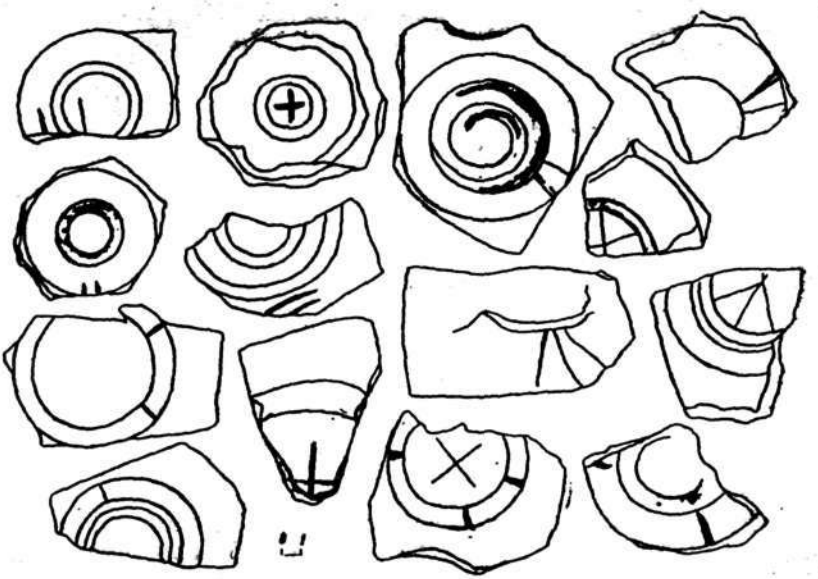

Рис. 1. Прочерченные тамгообразные знаки на неполивной керамике из Отрара.

Небольшая группа знаков, нанесенных краской на внутреннюю поверхность поддона чаш в виде большой запятой или буквы «вав» арабского алфавита с сильно протянутым хвостиком, в виде завитков, узлов, восьмерок и т. д. (рис. 2), не является, вероятно, знаками как таковыми. Возможно, это элемент недоконченного орнаментального мотива какого-то рисунка в виде медальона из закрученных линий, завитков, окаймленных спиралью, или вихревой розетки, столь типичных для керамики XVI — XVII вв.[1]

Такое предположение будет убедительнее, если сравнить приведенные знаки с тамгами. При выборе тамг мы исходили из двух основных требований: их начертания и различия. Еще Н. Аристов отмечал, что таким условиям удовлетворяли только простые знаки: «прямая черта и круг, а также их удвоения и сочетания, но отнюдь не слишком сложные, потому что при выжигании на коже животного и на ограниченном пространстве сложные начертания должны сливаться и делаться неясными»[2].

Именно таким критериям отвечает вторая, более многочисленная

---

[1] *К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, стр. 118, рис. 76; стр. 120, рис. 79, 80.

[2] *Н. А. Аристов.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и родовых тамгах. «Живая старина», 1895, вып. III—IV. СПб., стр. 411.

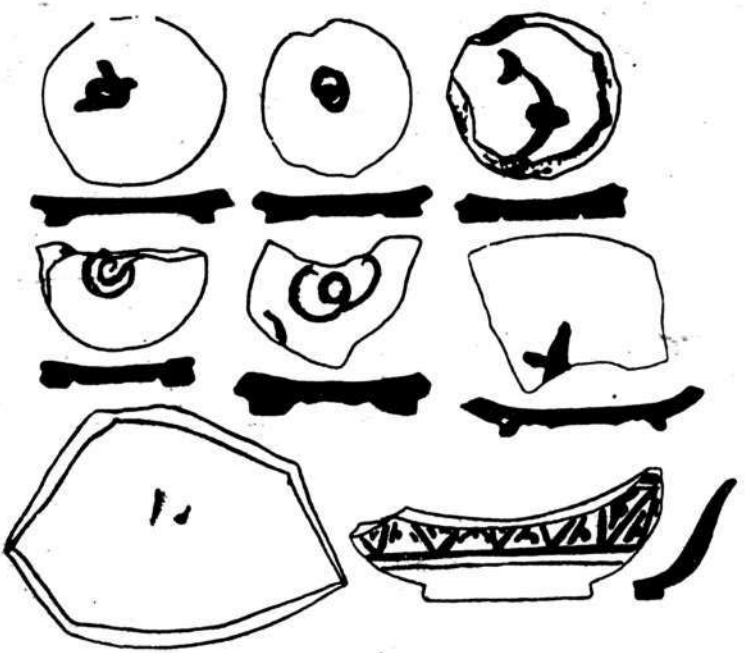

Рис. 2. Орнаментированные знаки на донцах поливной посуды из Отрара.

группа знаков, встречаемая на отрарской керамике. Они состоят из прямых линий в различных сочетаниях и кругов. Например, знаки в виде одной прямой линии | или удвоенной линии ||, в виде косого× или прямого креста + с равными прямыми концами или слегка искривленными, в виде сочетаний двух или трех прямых соединенных под углом ∨, ⋁. Нередки также знаки в виде круга ○, его удвоения ◎, круга, перечеркнутого крестом ⊕, круга, разделенного пополам прямой линией ⌀ (рис. 3, *1—8*).

Кроме Отрара, подобные знаки на керамике были зафиксированы в позднесредневековых слоях городища Сузак и Культобе на северных склонах хребта Каратау, а также северо-западнее их в районе Сауран, на поселении Жалгыстам[3]. Таким образом, возможно предположить, что керамика, помеченная определенными знаками, распрост-

[3] *Л. Б. Ерзакович.* О позднесредневековом городище Сузак. «Известия АН КазССР, серия общественная», 1966, № 3, стр. 69; *его же.* Поливная керамика городища Сузак XIII—XVIII вв. «Вестник АН КазССР», 1966, № 5, стр. 80; *С. Жолдасбаев.* Раскопки поселения Жалгыстам. В кн.: «В глубь веков». Алма-Ата, 1974, стр. 183.

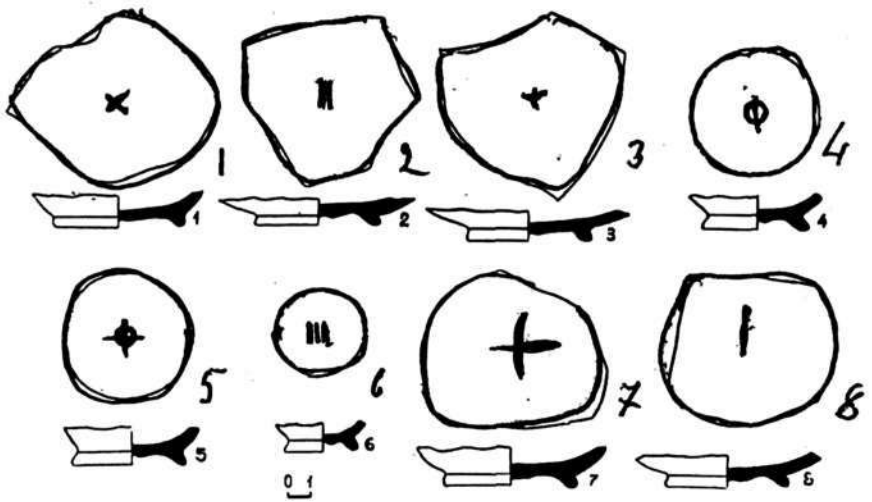

Рис. 3. Тамгообразные знаки на донцах поливных чаш из Отрара (*1, 3, 7* — тамга племени керей из Среднего жуза и племени сргалы Старшего жуза; *2, 6,* — общепринятая тамга племени кипчак; *4, 5* — тамга племени дулат Старшего жуза; *8* — тамга племени канглы Старшего жуза).

ранилась от северных склонов Каратау до правобережья Сырдарьи. Но следует отметить, что тамгообразные знаки на поливной посуде не встречаются ранее XVI в. ни в данном регионе, ни в других районах Средней Азии и Казахстана.

Знаки, выявленные на фрагментах керамики с Отрара и из других мест, имеют аналогии с тамгами некоторых казахских родов и племен. Так, прямая линия | (косеу) является тамгой племени канглы и родов ысты и тлик Старшего жуза[4]. Другой знак — удвоенная прямая линия || (кос-алип — по названию первой арабской буквы «алип») — общепринятая тамга племени кипчак и рода тама Младшего жуза [5]. Косой крест × или прямой + был общеплеменной тамгой кереев Среднего жуза, племени сргалы Большого жуза[6] и племени толеу Младшего жуза[7]. Редко встречаемые на керамике изображения в виде двух или трех прямых, соединенных под острым углом ∨, ⋎, являются тамгами некоторых родов найманского племени Среднего жуза, например, рода баганалы[8]. Знаки на донцах сосудов в виде кругов

[4] *С. Аманжолов.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959, стр. 12.

[5] *Н. И. Гродеков.* Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области. Ташкент, 1889. Приложение, стр. 4; *С. Аманжолов.* Указ. работа, стр. 12.

[6] *В. В. Востров, М. С. Муканов.* Родо-племенной состав и расселение казахов. Алма-Ата, 1968, стр. 54.

[7] Там же, стр. 88.

[8] Там же, стр. 66.

в различных сочетаниях и кругов, перечеркнутых прямыми линиями, похожи на тамги племени дулат Большого жуза. Тамгой этого племени является круг О (донголек)[9]. М. Тынышпаев приводит несколько другое изображение тамги — ϕ (круг, перечеркнутый линией пополам)[10]. Он подобен одному из знаков на посуде (рис. 3, *4*).

Мы описали наиболее характерные знаки, имеющие одинаковые очертания как на керамике, так и на тех предметах, на которые ставили свои клейма представители некоторых казахских племен и родов. Возникает вопрос, если родовые тамги племен канглы, кипчак, керей, сргалы, тама, найман, дулат и т. д. совпадают со знаками на керамике XVI — XVIII вв. из района Отрарского оазиса, то не следует ли считать их показателем принадлежности людей, производивших посуду, к казахским племенам и родам, имеющим сходные тамги.

Казахстанские исследователи уже выдвинули предположение, что знаки на керамике из Отрара и его окрестностей свидетельствуют «либо о родо-племенной принадлежности мастера, либо о принадлежности той или иной керамической мастерской главам казахских родов»[11].

Мы согласны с такой формулировкой. Но могут возникнуть и возражения. Обычай ставить отметки на посуде распространен довольно широко и отмечен в раннесредневековом поселении Шаушукумтобе на среднем течении Сырдарьи, в районе Чардаринского водохранилища, где было выявлено около 50 различных знаков[12], в некоторых районах Средней Азии[13], где знаки, помимо керамики, наносили и на кирпичи, в средневековых слоях многих поселений на Дону, Северном Донце, Волжской и Дунайской Болгариях, во многих восточно- и среднеевропейских странах[14]. Он уже давно привлекает внимание исследователей[15]. О назначении отметок были высказаны различные мнения. С. А. Плетнева в своей работе специально остановилась на вопросе о гончарных клеймах и классифицировала их следующим образом: «1) клейма — знаки гончаров, изготовляющих сосуды; 2) клейма — знаки заказчиков; 3) клейма имели религиозно-символическое значение; 4) клейма сначала имели только символическое значение, а потом превратились в знаки ремесленников, причем они могли быть и лич-

---

[9] Там же, стр. 39.

[10] *М. Тынышпаев.* Материалы к истории киргиз-казакского народа. Ташкент, 1925, стр. 27—30.

[11] *Л. Б. Ерзакович.* О позднесредневековом городище Сузак, стр. 69; *К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.* Древний Отрар, стр. 200.

[12] *А. Г. Максимова, М. С. Мерщиев, Б. И. Вайнберг, Л. Я. Левина.* Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, стр. 117—118; стр. 111, рис. 12.

[13] *Г. А. Пугаченкова.* К истории античной строительной техники Бактрии. СА, 1963, № 4, стр. 77; *Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина.* Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962, стр. 84.

[14] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. М., 1967, стр. 124.

[15] *Н. В. Тухтина.* Средневековые славянские клейма. Труды ГИМ, вып. 37. М., 1960; *Е. М. Пещерева.* Гончарное производство Средней Азии. М. — Л., 1959.

ными знаками гончаров, знаками феодала, которому принадлежала ремесленная мастерская»[16].

Однако знаки, охарактеризованные С. А. Плетневой, несмотря на внешнее сходство, отличаются от тамгообразных начертаний, обнаруженных на керамике позднесредневекового Отрара. Это действительно клейма, которые вырезали на гончарном круге и во время формовки посуды отпечатывались на внешней стороне дна сосуда. Конечно, такое клеймо могло быть личным знаком мастера, так как круг был его собственностью. Знаки же на керамике с Отрара, как известно, наносились краской с внутренней стороны посуды или были процарапаны на внешней стороне донца.

Клейма, встреченные на территории Средней Азии, юга Казахстана, в Восточной Европе, хронологически раньше отрарских знаков, они существовали с начала I тыс. нашей эры, бытовали также на рубеже I и II тысячелетия. В этот период ещё были сильны пережитки язычества. Поэтому гончарные клейма, кроме знака собственности гончара, выполняли еще и религиозно-магическую функцию. Круг, крест, свастика, прямоугольник и т. д. — общепризнанные символические изображения огня и солнца у многих народов мира[17], в том числе и у кочевников. Как отмечала С. А. Плетнева, «клейма, связанные с символикой огня и солнца, очень широко распространены не только у народов, близких носителям салтово-маяцкой культуры..., но также среди славян и германских племен»[18].

По аналогии, возможно, предположить, что знаки на отрарской керамике также несли на себе религиозно-магическую функцию, были знаками охранной и магической силы, оберегали от дурного глаза и т. д. В этом убеждают и этнографические параллели из районов, соседних с Южным Казахстаном. Согласно исследованию Е. М. Пещеревой, обычай помечать посуду знаком дожил в Средней Азии почти до наших дней. Женщины, ставя посуду в печь обжига, метят крайные горшки крестиками, чтобы защитить их от сглазу, а также для удобства подсчета[19].

Однако, если вспомнить, что знаки на керамике Отрара и ряда других поселений северных и южных склонов Каратау появились лишь в XVI в., т. е. в период развитых исламских верований в Южном Казахстане, и что, помимо крестиков, среди знаков преобладают знаки из прямых линий, то религиозное назначение тамгообразных знаков Отрара станет сомнительным. К тому же знаки на отрарской керамике, как правило, наносились на чаши, причем преимущественно на поливные и главным образом с внутренней стороны дна. Следовательно, быть специальным знаком для подсчета готовой продукции они не

[16] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. М., 1967, стр. 124.

[17] *В. П. Даркевич.* Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси. СА, 1960, № 4.

[18] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам, стр. 126.

[19] *Е. М. Пещерева.* Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959, стр. 110.

могли. Надо также отметить, что посуда с отметками встречается довольно редко. Знаки зафиксированы на двух-трех сосудах из 100. Таким образом, говорить о том, что тамгообразные знаки на отрарской посуде несли религиозно-символическую нагрузку или служили для подсчета продукции не приходится, хотя не исключено, что их ставили и с такой целью.

Исследователи этой проблемы пришли также к выводу, что клейма на сосудах вряд ли были знаками заказчиков[20], так как в противном случае на посуде стоял бы определенный знак. Принадлежность знака заказчику не подтверждается и этнографическими данными. Следовательно, версия о принадлежности меченой керамики Отрара заказчику отпадает. Остается одно — знаки на посуде XVI—XVIII вв. из Отрара и его периферии — это свидетельство принадлежности керамических мастерских в городах тем или иным племенам или, скорее всего, главам казахских родов.

Неслучайно, что тамги обнаруживаются на керамике только с XVI в. и что среди знаков имеются тамги племен всех трех казахских жузов.

Появление тамгообразных знаков на керамике позднесредневекового Отрара можно связать с усилением в городах, расположенных по Сырдарье, влияния складывающегося Казахского ханства, которое в борьбе с Шейбанидами за преобладание над степными племенами Дешт- и Кипчака усилилось настолько, что смогло предъявлять претензии на области Туркестана[21]. Этот район был чрезвычайно важен для казахских ханов, предводителей кочевых узбеков, правителей Могулистана и Мавераннахра как в экономическом отношении, будучи областью развитого земледелия, прекрасных зимних пастбищ, ремесла и торговли, так и в военностратегическом. Между ними шла неутихающая борьба за господство над этим районом на протяжении всего XVI в. Города Туркестана переходили из рук в руки. Только к концу века район среднего течения Сырдарьи вошел в состав Казахского ханства. С этого времени вплоть до начала XVIII в., т. е. до нашествия джунгаров, города Сауран, Отрар, Сыгнак, Сузак и другие подчинялись казахским правителям, которыми становились члены казахского рода — султаны. Опираясь на свое племя как на военную силу, они чувствовали себя полновластными хозяевами данного района и получали доходы с городского торгово-ремесленного населения и окрестных крестьян-земледельцев в виде налогов и разного рода повинностей.

К сожалению, в источниках содержится очень мало сведений, которые позволили бы охарактеризовать положение городского населе-

[20] *Н. В. Тухтина.* Средневековые славянские клейма. Труды ГИМ, вып. 37. М., 1960, стр. 150.

[21] Под Туркестаном в данном случае подразумевается область присырдарьинских городов, к которым относятся Сыгнак, Сауран, Ясы (Туркестан), Отрар, Сайрам и ряд других. См. *К. А. Пищулина.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII вв. «Казахстан в XV—XVIII веках». Алма-Ата, 1969, стр. 13.

ния, в том числе и ремесленников. Нет данных о системе налоговых сборов с ремесленных мастерских, их размере и характере. Являясь владельцами торгово-ремесленных городов, казахские предводители определенных родов и племен были одновременно и владетелями керамических мастерских. Вероятно, сосуды с тамгообразными знаками, изготовляемые этими мастерскими, шли на уплату налогов. Интересно, что тамгообразные знаки наносились в основном на один тип посуды — чаши, которые в условиях кочевого быта казахов были очень удобны для питья из них кумыса или айрана. В частности, казахский хан Касым-хан в 1512 г. во время встречи с султаном Саид-ханом преподнес ему «чашу превосходного крепкого кумыса» [22]. Возможно, на богато украшенных орнаментом чашах тамги ставили на дне с внутренней стороны, а на чашах попроще — на поддоне с внешней стороны.

Несомненно, что вместе с военно-феодальной кочевой знатью в городах проживали и беднейшие слои казахских племен, которые постепенно переходили к полуоседлой и оседлой жизни. В присырдарьинских районах такой процесс постепенной ассимиляции и постепенной интеграции пришлых кочевников происходил особенно интенсивно. Осевшие кочевники приобщались к городской жизни, знакомились с навыками местного ремесленного производства, в частности с изготовлением керамики. В то же время в среде новых ремесленников жило сознание своей принадлежности к определенному роду, что и выражалось в нанесении на посуду тамги своего рода. Какие же племена, согласно тамговым знакам, заселяли в тот период Туркестан?

Следует сказать, что на керамике встречены тамгообразные знаки всех трех казахских жузов, но чаще племени канглы Старшего жуза. Его тамга прямая черта —I. Канглы — одно из древнейших племен, обитавших на территории среднего течения Сырдарьи. Согласно источникам, канглы до нашествия монголов жили в Южном Казахстане. Рашид-ад-Дин писал, что кочевья канглов на юге соприкасались с карлуками Семиречья [23]. В XII в. канглы находились в зависимости от караханидов, но окрепнув, они стали совершать на них набеги, что вынудило правителя Баласагуна обратиться за помощью к каракитаям. Последние подчинили себе канглов. Во время монгольского нашествия значительная часть племени была разгромлена монголами на Таласе [24]. Тот факт, что в районе Сырдарьи в XIV в. еще обитали некоторые из канглов, подтверждает Тимур, который встретил их во время своего похода [25].

---

[22] «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков». Алма-Ата, 1969, стр. 226.

[23] *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей, т. 1, кн. 1. М. — Л., 1952, стр. 137.

[24] *Абулгази.* Родословное древо тюрков. Казань, 1906, стр. 35.

[25] *Н. А. Аристов.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и родовых тамгах. «Живая старина». 1895, вып. III—IV, стр. 403.

В XIV—XV вв. канглы входили в состав могульских племен и участвовали в походе на Мавераннахр [26]. В XIX в. небольшая родовая группа канглов проживала в районе Ташкента. Как видим, на протяжении большого отрезка времени данное племя жило в пределах Южного Казахстана. Поэтому вполне вероятно, что тамгообразный знак на керамике в виде прямой черты принадлежит этому племени. Роды Старшего жуза ысты и тлик, имеющие тамгу, схожую с тамгой канглов, возможно, в какой-то исторический период входили в состав канглов и обитали в тех же пределах. Во всяком случае в XIX в. зимовки рода тлик находились в предгорьях Каратау, по берегам рек Арыстанды, Чаян, Бугунь и т. д. [27]

Племя дулат и его роды из Старшего жуза, имеющие тамгу в виде круга — О, и круга, перечеркнутого прямой линией Ф, могли кочевать в присырдарьинских областях в XVI—XVII вв. в результате различных событий. Не вдаваясь в их древнюю историю, отметим, что племена дулатовской группировки продолжительное время проживали в Семиречье, которое было их этнической территорией [28]. Согласно показаниям Мухаммеда Хайдара, дулаты в XIV в. входили в состав Могулистана и «были одним из могущественных племен» [29]. В районе Сырдарьи *они появились во второй половине* XV в. *после разгрома* могульского войска калмыками. В «Тарих- и Рашиди» сказано: «На территории реки Или произошло сражение. Поражение потерпел Йунус-хан. Весь Могульский улус ушел в Туркестан. В пределах Туркестана на берегу реки Сайхун расположена местность с названием Кара-Тукай. Там они провели зиму» [30]. Возможно, в этот период и произошло внедрение некоторых могульских племен в городское население. Что среди них находились и племена дулатовского объединения подтверждает нахождение в керамике Отрарского оазиса знака, идентичного их тамге (рис. 3, *4*), а также замечание в источнике. Так, одной из причин недовольства Йунус-ханом его приближенных в середине XV в., по их словам, было то, что хан старался поселить их в городе и вилайете [31].

Другой знак в виде прямого и косого креста является, как известно, тамгой племени керей Среднего жуза и племени сргалы Старшего жуза. Так как ни один из источников не сообщает о нахождении кереев в XV—XVI вв. в районе среднего течения Сырдарьи, то следует предположить, что керамика с таким знаком, встреченная в Отраре, относится к племени «сргалы, жившему, по данным источников, в

---

[26] *В. П. Юдин.* О родо-племенном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами. «Известия АН КазССР, серия общественная», 1965, вып. 3, стр. 53.

[27] *В. В. Востров, М. С. Муканов.* Родо-племенной состав и расселение казахов, Алма-Ата, 1968, стр. 153.

[28] Там же, стр. 37.

[29] *В. П. Юдин.* О родо-племенном составе могулов..., стр. 53—54.

[30] «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков». Алма-Ата, 1969, стр. 197.

[31] Там же, стр. 200.

районе Туркестана. Первые письменные известия о племени сргалы относятся к рубежу XV и XVI веков. Это племя, согласно Рузбехану, в составе других казахских племен, объединенных Касым-ханом, перекочевывало посезонно с берегов Волги, где имелись их летние пастбища, в район Ташкента и Туркестана на зиму [32]. В. В. Востров говорит еще об одном возможном пути проникновения племени сргалы в район Туркестана и Таласа. Он пишет: «Они могли попасть (в Туркестан) в числе родов и племен, ушедших с Жаныбеком и Гиреем. Во всяком случае, с XV — начала XVI в. этот район является постоянным местом пребывания племени сргалы»[33]. Веским доказательством этого утверждения является наличие схожего тамгового знака на некоторых фрагментах керамики интересуемого нас района.

О пребывании в районе Туркестана найманских племен, общая тамга которых состоит из двух прямых линий, соединенных под острым углом, в источниках сведений почти нет. Возможно, в этих местах осела небольшая часть найманов, отставшая от сородичей во время ухода определенной части найманов с Шайбани-ханом в Мавераннахр, после распада государства кочевых узбеков. Еще в XIX в. некоторые подразделения найманов (баганалы и балталы) кочевали на территории от северных границ Южного Казахстана до Тургайских степей [34].

Самым распространенным тамгообразным знаком позднесредневековой керамики Отрара является знак в виде двух параллельных линий ‖. Это общекипчакская племенная тамга. Преобладание данного знака естественно. Кипчаки больше других казахских племен были связаны с районом среднего течения Сырдарьи. Письменные источники позволяют локализовать часть кипчаков в бассейне этой реки с X—XI вв. Согласно В. В. Бартольду кимаки, расселившиеся близ Саурана, были на самом деле кипчаками [35]. О появлении в начале XI в. на границах Хорезма кипчакских племен сообщает Бейхаки. В канун монгольского нашествия кипчаки составляли основное кочевое население области Туркестана. Столицей их был Сыгнак, а во главе сыгнакского владения стояли кипчакские ханы из племени урани [36]. Последний сыгнакский хан Алп-Дерек перед самым нашествием монголов подчинился хорезмшаху Мухаммеду и был им назначен наместником Отрара. Он известен в источниках еще как Инальчик Кайр-хан. В XIV в. кипчаки составляли основное ядро войска Тохтамыша, ведшего непрерывные войны с Тимуром.

---

[32] *С. К. Ибрагимов.* «Михман-наме-и Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV—XVI вв. «Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана». Алма-Ата, 1960, стр. 145.

[33] *В. В. Востров, М. С. Муканов.* Родо-племенной состав и расселение казахов. Алма-Ата, 1968, стр. 53.

[34] Там же, стр. 65.

[35] *В. В. Бартольд.* Кипчаки. Соч., т. V. М., 1968, стр. 550.

[36] *С. М. Ахинжанов.* Из истории взаимоотношений кипчаков и Хорезма в XII—начале XIII века. В сб. «Археологические исследования в Казахстане». Алма-Ата, 1973, стр. 65.

Живя такой продолжительный срок в близком соприкосновении с оседло-земледельческим населением, кипчаки не могли не стать частью городского населения присырдарьинской области. Имеются сообщения о наличии в среде кипчаков более древних традиций оседлости, которые зародились у них еще в период совместного проживания с кимакскими племенами, что доказывается сейчас на материалах источников [37]. Теперь лишь с проникновением кимако-кипчакских племен в бассейн Сырдарьи можно связать появление в Отраре и ряде других городов системы отопления типа канов [38]. Другой своеобразной чертой материальной культуры, сложившейся в процессе длительной трансформации части кочевников в оседлое население, является обычай наносить на некоторые разновидности сосудов отметки, весьма схожие с тамгами некоторых казахских племен.

---

[37] *В. Кумеков.* Города кимаков. «Вестник АН КазССР», 1969, № 6, стр. 60.

[38] *С. М. Ахинжанов, Л. Б. Ерзакович.* К вопросу о происхождении канов на Сырдарье. «Известия АН КазССР, серия общественная», 1972, вып. 2, стр. 64—69.

МОНЕТЫ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ С ГОРОДИЩА ОТРАР-ТОБЕ И ОТРАРСКОГО ОАЗИСА (1969—1972 ГГ.)

Р. З. БУРНАШЕВА

Во время раскопок в последние годы в Отрарском оазисе отрядами Южно-Казахстанской археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН КазССР была обнаружена серия медных монет (12 экз.), которые ранее не были известны в нумизматической литературе [1]. В личной беседе О. И. Смирнова назвала их «засырдарьинскими», но не указала хотя бы предположительно на место их выпуска [2].

Монеты анэпиграфные, т. е. без надписи, содержащей имя правителя, место выпуска и дату. Все они на реверсе имеют изображение льва с приподнятым хвостом, шагающего вправо, а на аверсе — различные тамговые знаки. Судя по металлу и внешнему оформлению, эти монеты можно разделить на два типа.

I тип (10 экз.) (табл. 1, *1*) сделан из красноватой меди, которая со временем приобрела почти черный цвет. Ободки на монетах с обеих сторон линейные; на двух экземплярах линейные только на аверсе, а на реверсе — точечные (табл. 1, *2*). Аверс имеет тюркскую родовую тамгу в виде дуги и квадрата, характерную для монет тюргешей, на которых ставили титул верховного тюркского кагана. О. И. Смирнова возводит этот знак к варианту рунического (мягкое *ät*) орхонских надписей и полагает, что последний мог передавать начальную букву названия тюрков или быть использован тюрками при создании руни-

[1] Исключение составляет статья Р. З. Бурнашевой «Монеты с городища Отрар-тобе и Отрарского оазиса. (Материалы 1969—1970 гг.)». В сб.: «Археологические исследования в Казахстане». Алма-Ата, 1973, стр. 81—96. В ней описаны 4 экземпляра этих монет, найденных на городище Отрар-тобе в 1969—1970 гг.

[2] Далее наши монеты мы будем называть засырдарьинскими.

ческого алфавита»[3]. Эта мысль не нова, ее высказывали ранее некоторые тюркологи[4]. Знакомство с алфавитом древнетюркской письменности[5] позволило автору статьи отождествить тамговый знак на засырдарьинских монетах с орхонским , буквенное значение которого передается через твердое *t—at, ot, u/yt*[6]. Еще трудно сказать, что по смыслу содержит это буквенное выражение. Слово за языковедами-тюркологами.

Нам известно, что данный рунический знак обозначался на тюргешских монетах на протяжении всего их чекана как родовая тамга кагана. А. Н. Бернштам считал, что эти монеты чеканились с 704 г. (когда тюргеши получили политическую самостоятельность) по 766 г., до завоевания их другими тюркскими племенами — карлуками[7]. М. Е. Массон устанавливает время господства тюргешей с 711 по 766 г. и полагает, что тюргешские монеты были в ходу до появления в конце X в. чекана илеков, при этом он ссылается на замечание А. Н. Бернштама по поводу отсутствия зарегистрированных находок саманидских монет в Джетысу[8]. На наш взгляд, время образования Тюргешского каганата (704—766 гг.), определенное А. Н. Бернштамом, более достоверно, особенно, если принять во внимание рунические тексты, повествующие о согдийском походе Могиляна и Кюль-тегина и свидетельствующие о том, что в 711 г. Тюргешский каганат выступал уже как самостоятельное государственное объединение против Западнотюркского каганата[9] и племен, живших на Сырдарье[10].

В отличие от засырдарьинских тюргешские монеты отливались подобно согдийским. На основании изучения монетного материала (57 экз.), найденного на городище Ак-Бешим (Сев. Киргизия, 8 *км* юго-западнее г. Токмак), О. И. Смирнова делает вывод, что тюргеши заимствовали тип своей монеты у согдийских колоний[11]. Ее мнение подтверждают сами тюргешские монеты, которые по форме (круглые с квадратным отверстием в середине), технике (литье) и языку легенд

---

[3] *О. И. Смирнова.* Рунические монограммы на среднеазиатских монетах. В сб.: «VII годичная научная сессия ЛО ИВАН (Краткие сообщения)». Л., 1971, стр. 75.

[4] Н. Аристов считал, что орхонское письмо составлено из древнетюркских тамг (см.: «Живая старина», 1894, вып. III—IV, стр. 410, 418 и 420); П. М. Мелиоранский допускал мысль о том, что некоторые тамги могли послужить основой для букв этого алфавита (см.: *П. М. Мелиоранский.* Памятник в честь Кюль-тегина. «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XII, вып. II—III. СПб., 1899, стр. 47).

[5] *Д. Дирингер.* Алфавит. М., 1963, стр. 370.

[6] Там же.

[7] *А. Н. Бернштам.* Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 29—30.

[8] *М. Е. Массон.* К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики. Труды САГУ, вып. XXIII. Ташкент, 1951, стр. 102.

[9] *С. Г. Кляшторный.* Из истории борьбы народов Средней Азии против арабов (по руническим текстам). ЭВ, 1954, IX, стр. 56.

[10] *Л. Н. Гумилев.* Древние тюрки. М., 1967, стр. 266.

[11] *О. И. Смирнова.* О классификации и легендах тюргешских монет. Ученые записки Ин-та востоковедения, т. XVI. М.— Л., 1958, стр. 545.

копируют согдийские. Согдийцы, в свою очередь, переняли тип монеты с квадратным отверстием у китайцев [12]. Для ведения монетного дела тюргеши приглашали ремесленников из Согда, которые, видимо, вместо квадратного ободка, типичного для засырдарьинских монет, по традиции отливали квадратное отверстие, чтобы монеты можно было хранить на тесемочке или шнурке.

Небезынтересно привести и точку зрения С. В. Киселева, считавшего, что руны, обнаруженные в Семиречье, более архаичны, чем орхонские [13], что основа их арамейская и проникли они на восток через Среднюю Азию, через согдийское и хорезмийское письмо [14]. Согдийская колонизация Семиречья в V—VI вв. осуществлялась не столько с территории самого Согда, сколько с территории Чача, культура которого развивалась под воздействием Согда [15]. В. И. Распопова, изучая керамику Семиречья, также отмечает, что она «представляет собой несколько обедненный керамический комплекс Согда с включением в него элементов, характерных для культуры местных тюрок, народов Восточного Туркестана, Китая и, особенно, чачских культур круга Каунчи, а также отчасти культур Ферганы и Отрара» [16]. Учитывая сказанное, можно предположить, что рунический знак как тамга возник на Сырдарье, а затем проник в Семиречье к тюргешам.

В дополнение следует привести еще и сообщение орхонской надписи, в которой говорится о народе кенгерес, воевавшем в 710—711 гг. с тюргешами. По мнению Л. Н. Гумилева, «кенгересы — это не кто иные, как печенеги, самоназвание которых было кангар. Обитали они по нижнему и среднему течению Сырдарьи» [17]. Возможно, во время этих военных действий тюргеши заимствовали тамгу у засырдарьинских тюркских племен.

Высказанные предположения позволяют датировать засырдарьинские монеты более ранним временем, чем тюргешские. Поскольку монетная эмиссия тюргешей относится к началу VIII в., то наши монеты, по всей вероятности, выпускались где-то в конце VII в. (речь идет о первом типе засырдарьинских монет). Идентичность тамговых знаков на монетах с Отрарского оазиса и монетах из Семиречья (Ак-Бешим, Тараз) свидетельствует о династийных связях тюркских родов, живших на Сырдарье, с правившим домом тюрков в Семиречье.

На реверсе монеты первого типа засырдарьинского чекана изобра-

[12] *О. И. Смирнова.* О трех согдийских монетах. ВДИ, 1939, № 1, стр. 119; *ее же.* Первый клад согдийских монет. ЭВ, 1955, X, стр. 9.

[13] *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 344.

[14] Там же, стр. 344—345.

[15] *Л. Р. Кызласов.* Остатки замка VI—VII вв. на городище Ак-Бешим. СА, 1958, № 3, стр. 159 и 161; *В. И. Распопова.* Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. По материалам раскопок на Ак-Бешиме в 1953—1954 гг. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, IV. М., 1960, стр. 146.

[16] *В. И. Распопова.* Гончарные изделия согдийцев..., стр. 162—163.

[17] *Л. Н. Гумилев.* Древние тюрки. М., 1967, стр. 266.

жен лев, шагающий вправо, с приподнятым и загнутым над спиной хвостом. Этот же хищник фигурирует на бронзовых монетах тюркских правителей Чача и соседних с ним районов по Сырдарье (раскопки холмов Мунчак-тепе, Ак-тепе и Минг-Урюка в Ташкенте). И. О. Смирнова считает данное животное эмблемой района Чача [18]. Но монеты чачского чекана ведущего типа имеют на реверсе свою родовую тамгу вилообразной формы ⋛ с различными ее вариантами [19], что указывает на принадлежность тюркских правителей Чача к другому владетельному роду, чем правители Отрара.

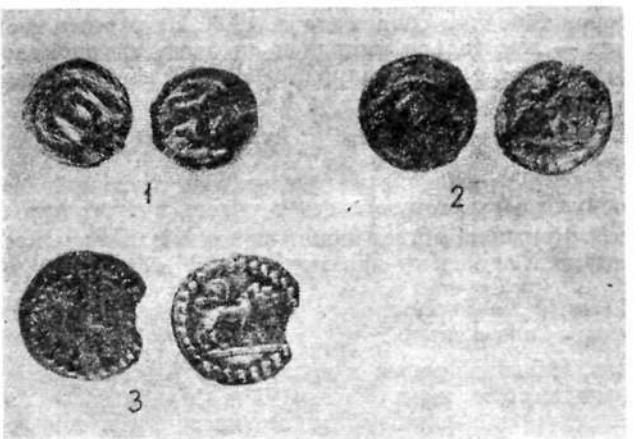

Таблица I. 1 — I тип засырдарьинских монет с тюркской родовой тамгой, ободки с обеих сторон линейные; *2* — I тип засырдарьинских монет с тюркской родовой тамгой, ободок на реверсе точечный; *3* — II тип засырдарьинских монет со львом более художественного оформления и с тамгой ⚹ .

Отметим, что на городище Тараз тюркского времени (V—VIII вв.) была обнаружена серия погребальных хумов, среди которых для нас представляют интерес сосуды, украшенные тремя клеймами в середине с фигурой сидящего льва [20]. По мнению Т. Н. Сениговой, в хумах со львами были захоронены представители таразской аристократической верхушки. На погребальных хумах были выявлены животные разного вида. Их изображения ставились на погребальных сосудах в зависимости от того, какому тотему поклонялся тот или иной род [21]. Это были как бы тамговые знаки родов.

[18] *О. И. Смирнова.* Каталог монет с городища Пенджикент. (Материалы 1949—1956 гг.). М., 1963, стр. 33.

[19] Там же; *ее же.* Очерки из истории Согда. М., 1970, стр. 182.

[20] *Т. Н. Сенигова.* Вопросы идеологии и культов Семиречья (VI—VIII вв.). В кн.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 58.

[21] Там же, стр. 59.

Однотипность изображения льва на реверсе монет из Отрарского оазиса и районов Чача, вероятно, говорит о поклонении различных тюркских родов, живших на Сырдарье, одному тотемному животному — льву. Фигура льва — олицетворение отваги и мужества, — возможно, подчеркивала боевую отвагу и быстроту передвижения тюркских воинов. Недаром согдийцы для борьбы с арабскими захватчиками обращались за помощью к тюркским правителям. Общеизвестно, что личная гвардия многих правителей Средней Азии и государств Ближнего Востока состояла из тюркских воинов.

П тип засырдарьинских монет (2 экз.) отлит из бронзы и имеет с двух сторон точечные ободки (табл. 1, *3*). На реверсе изображен тот же хищник — лев, только выполнен он более высокохудожественно. На аверсе остались следы надписи, сделанной согдийским письмом, и тамга , встречающаяся с различными вариантами как на кувинских ( ), так и на бухарских ( ) бронзовых монетах раннего средневековья[22]. В орхонском алфавите этот тамговый знак означает букву «*в*» (мягкое), которую следует читать в сочетании с гласными *e, i, ä, o/ü*[23]. При знакомстве с нашим монетным материалом О. И. Смирнова определила эту тамгу как монограмму, воспроизводящую руни-

ческое Н (аш)[24]. Наличие на аверсе тамгового знака в отличие от монет первого типа с тамгой указывает на выпуск данных монет другим владетельным родом в пределах Отрарского оазиса, как это практиковалось тогда же в области Чача (Мунчак-тепе, Ак-тепе), или же их изготовляли несколько позднее на одном и том же монетном дворе.

Пока из-за малочисленности монетного материала трудно установить, в каком хронологическом порядке выпускались те или другие монеты, но, по всей вероятности, тип I, на наш взгляд, относится к более раннему времени (конец VII в.), чем тип II.

Дадим характеристику монетам и их местонахождению.

Городище Отрар-тобе:

1) подъемная, найдена школьниками (1927 г.), № 419/1, $в = 2{,}08$ *г*, $д = 15 \times 16$ *мм;*

2) разрез крепостной стены (1969 г.), № 429/1, $в_1 = 2{,}48$ *г*, $д_1 = 16$ *мм*; № 429/2, $в_2 = 2{,}22$ *г*, $д_2 = 15 \times 16$ *мм*;

3) разрез стратиграфического шурфа (1969 г.). Две монеты без номера.

---

[22] *О. И. Смирнова.* Рунические монограммы на среднеазиатских монетах. В сб.: «VII годичная научная сессия ЛО ИВАН (Краткие сообщения)». Л., 1971, стр. 75; *ее же.* Каталог монет с городища Пенджикент, стр. 137—138.

[23] *Д. Диринтер.* Алфавит. М., 1963, стр. 370.

[24] Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность О. И. Смирновой за консультацию.

4) центральная часть раскопа II, пол 4 (1972 г.), № 432/26, *в*=1,65 *г*, *д*=12×12,5 *мм*.

Городище Мардан-Куюк, в 10 *км* к северо-западу от Отрар-тобе:
1) подъемная (1951 г.), № 413/11, *в*=2,15 *г*, *д*=20 *мм*;
2) подъемная (1972 г.), № 418, *в*=2,16 *г*, *д*=17 *мм*.

Городище Куйрюк-тепе, в 5 *км* в западу от Отрар-тобе:
1) раскоп II, комната 3, у стены, № 414/4, *в*=3,08 *г*, *д*=16 *мм*;
2) —"— —"— —"— № 414/5, *в*=2,02 *г*, *д*=16 *мм*;
3) —"— —"— —"— № 414/6, *в*=2,06 *г*, *д*=16×17 *мм*;
4) —"— —"— —"— № 414/7, *в*=2,55 *г*, *д*=15×16 *мм*.

Находки монет в основном на городище Отрар-тобе и в его округе (в радиусе 10 *км*) позволяют предположить, что они выпускались в одном из названных городищ Отрарского оазиса. Если учесть выгодное географическое положение Отрара на пересечении торговых путей из Европы в Среднюю Азию и Китай, а также данные археологического материала, которые дают возможность судить об Отраре VI—VIII вв. как о крупном политико-экономическом центре, оказывавшем влияние на рынки многих городов северных и южных склонов Каратау[25], то можно сказать, что именно в Отраре с конца VII до середины VIII в. было налажено свое монетное дело. Отрар выпускал медную монету, которая была необходимой денежной единицей в каждодневной торговле. Медь в период раннего средневековья считалась продуктом местного творчества и вне своей округи, видимо, теряла покупную способность[26]. Вероятно, это касалось денежных знаков только местного провинциального характера, так как бронзовые и медные монеты общегосударственного масштаба ихшидов Согда, а также тюргешские и китайские династий Тан и Сун довольно часто встречаются далеко за пределами своих стран, что объясняется широкими торговыми связями этих государств.

Об Отраре как крупном политико-экономическом центре середины VII—X вв. включительно говорят и находки других раннесредневековых монет.

1. Монета (№ 420) неизвестного правителя Согда середины VII в.,[27] найдена школьниками, принимавшими участие в археологических работах на Отраре (табл. II, *1*).

2. Две древнетюркские бронзовые литые монеты с монограммой «аш»; одна (№ 419/4) найдена школьниками на территории городища, другая (№ 417) — в гробнице типа науса у поселка Чага (в 30 *км* к востоку от г. Туркестана).

На аверсе этих монет имеется надпись, выполненная согдийским письмом: NLPW (?) γ'γ'n TwTwγ (хакан, тутун), и тамга 𐼀 (āш)[28].

---

[25] *К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, стр. 204.
[26] *О. И. Смирнова.* Первый клад согдийских монет. ЭВ, 1955, X, стр. 6.
[27] Определение О. И. Смирновой.
[28] Прочла О. И. Смирнова.

Ободок по кругу линейный, в середине сделано небольшое квадратное отверстие. Реверс совершенно гладкий (табл. II, *2, 3*).

Общеизвестно, что титул тутун носили тюркские правители Чача. Следовательно, монеты с этим титулом относятся к чачскому выпуску. О. И. Смирнова датирует их концом VII или началом VIII в.

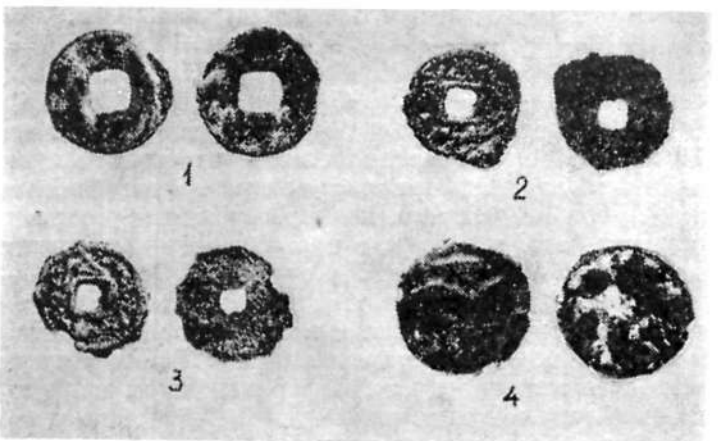

Таблица II. 1 — монета неизвестного правителя Согда середины VII в.; *2, 3* — древнетюркская монета из Отрара и из гробницы типа науса у пос. Чага с титулом хакан, тутун и с тамгой Ӿ на аверсе; реверс гладкий; *4* — древнетюркская монета с изображением неоседланного коня и со следами надписи на согдийском языке; на реверсе S-образная тамга и следы какой-то надписи.

3. Древнетюркская бронзовая литая монета (№ 419/5), плохой сохранности, найдена школьниками. На реверсе имеет S-образный тамговый знак, заполняющий половину монетного кружка, и следы какой-то надписи. На аверсе сохранилось изображение неоседланного коня, шагающего вправо, и следы надписи согдийским письмом (табл. II, *4*). Монеты такого типа описаны и отнесены О. И. Смирновой к чекану неизвестных тюркских правителей Ферганы (?) неопределенного времени[29].

4. Бухархудаты. Найдены две монеты (№ 430/2 и 435/17).

Первая датируется археологическим комплексом X—XII вв., она относится к «черным дирхемам» типа гитрифи, которые были в денежном обращении в Средней Азии до конца XII в. (табл. III, *1*)[30]. Вторая случайно оказалось в кладе джанидских серебряных тенег, датируе-

[29] *О. И. Смирнова.* Каталог монет с городища Пенджикент. Материалы 1949—1956 гг. М., 1963, стр. 127—128, № 734—740.

[30] *Е. А. Давидович.* О среднеазиатских средневековых монетах в связи с датировкой археологических объектов. В сб.: «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 247.

мом серединой XVII в. Это аббасидское подражение бухарским драхмам третьей четверти VIII в. (табл. III, *2*)[31].

5. Китайская медная монета (№ 11, 1970 г.) династии Тан с термином «да-ли юаньбао»[32], выпущена в 769 г. (табл. III, *3*).

6. Монеты саманидского чекана (3 целые и фрагмент), бронзовые, неплохой сохранности. Два экземпляра относятся к чекану Исмаила ибн Ахмада, Самарканд 288 г. х./900—901 г. (табл. III, *4*). В 892 г. после смерти своего брата Исмаил ибн Ахмад стал главой государства Саманидов[33]. В 893 г. он завоевал Талас и присоединил к Исфиджабской области[34].

Поскольку фельсы Исмаил ибн Ахмада 288 г. х. однотипны, то мы опишем лишь один из них (№ 432/17).

На аверсе, в поле, окаймленном линейным ободком, читается суннитский символ веры из трех строк لا اله الا | الله وحده | لا شريك له Круговая легенда содержит выпускные сведения بسم الله ضرب هذا الفلس بسمرقند سنة ثمان وثمانين ومائتين (Во имя Аллаха чеканен этот фельс в Самарканде в 288 г. х.).

На реверсе, в поле, окаймленном точечным ободком, калима لله | محمد | رسول | الله | س. Кругом, между двумя линейными ободками, имеется надпись с именем и благопожеланием: مما امر به الامير اسمعيل بن احمد اعزه الله (Из того, что приказал эмир Исмаил ибн Ахмад, да возвеличит его Аллах!).

Интересным добавлением на реверсе этих монет в поле является буква س (син), которая, по определению А. А. Быкова, означает начальную букву города, где выпускались монеты, т. е. Самарканд[35]. В Исфаринском кладе фельсов Исмаила ибн Ахмада с добавлением буквы س оказалось 7 экземпляров, причем только на одном из них проставлена дата 287 г. х., на остальных она не сохранилась[36]. Наши монеты, чеканенные в Самарканде в 288 г. х./900—901 г., дают дополнительные сведения по медному чекану Саманидов начала X в.

Третий экземпляр (№ 419/6) представляет собой саманидский фельс Бухары неизвестного правителя, датировку которого невозможно установить из-за стертости круговой легенды (табл. III, *5*).

---

[31] Подробное описание монеты см.: *Р. З. Бурнашева.* Монеты с городища Отрар-тобе и Отрарского оазиса (Материалы 1969—1970 гг.). В кн.: «Археологические исследования в Казахстане». Алма-Ата, 1973, стр. 92.

[32] Там же, стр. 91.

[33] *Б. Г. Гафуров.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история, М., 1972, стр. 339.

[34] *В. В. Бартольд.* Туркестан и турки. Соч., т. II, ч. I. М., 1963, стр. 241; *его же,* Исма'ил б. Ахмед. Там же, стр. 522.

[35] *А. А. Быков.* Новый клад медных куфических монет из Таджикистана. Труды отдела нумизматики Государственного Эрмитажа, т. I. Л., 1945, стр. 90—91.

[36] Там же, стр. 91 и 106.

На аверсе, в поле — символ веры в три строки لا اله الا | الله وحده | لا شريك له. От круговой легенды сохранилось только место выпуска монеты ...بخارا سنة (... Бухара года...).

На реверсе, в поле, окаймленном точечным ободком, читается حارمع | الله | رسول | محمد | لله. Ниже калимы помещено, видимо, имя, которое можно прочесть как Джармаг/Хармаг или же как Джазмаг/Хазмаг.

Обломок саманидского фельса, вероятно, чеканен в Шаше, год и имя правителя невозможно определить из-за фрагментарности монеты (табл. III, *6*). Находки саманидских фельсов на Отраре объясняются близостью Исфиджаба, который еще в 838—839 г. был завоеван саманидом Нух ибн Асадом, обнесшим его стеной[37]. Исфиджаб продолжал оставаться феодальным уделом в Саманидском государстве до конца XI в.

Описанный монетный материал со львом из Отрарского оазиса, хотя и малочисленный, но настолько своеобразный, что дает возможность высказать предположение о выпуске в конце VII—начале VIII в. в Отраре своих монет. В ранее средневековье их чеканили только в крупных владениях, одним из них в VI—VIII вв. и был Отрар на Сырдарье. Возможно, что в указанное время он именовался Тарбандом, так как название «Отрар» появилось в источниках только в IX в.[38] В VIII в. в литературе фигурируют Фараб и Тарбанд, причем Фараб выступает как отдельная область со своим главным городом Кедером[39]. Наиболее интересный перечень названий Отрара из географического труда Йакута приводит С. Г. Кляшторный: «Турарбанд—طرار بند ..... город за Сейхуном (Сырдарьей), из самых отдаленных городов Шаша, примыкающих к Мавераннахру. Народ этой страны произносит по разному это имя, и они говорят Турар— طرار и Отрар اطرار»[40]. С. Г. Кляшторный на основе сведений письменных источников указывает, что резиденцией правителя Шаша во втором десятилетии VIII в. был Тарбанд, а сам Шаш не был ограничен Ташкентским оазисом, в его владения входили также Исфиджаб и Отрар, т. е. вся область по среднему течению Сырдарьи[41]. Это подтверждают и монеты Отрарского и Чачского оазисов, несколько аналогичные как по технике изготовления, так и по изображению на реверсе одного и того же хищника.

В. В. Бартольд писал, что «в истории арабских завоевательных

---

[37] *С. Волин.* Сведения арабских источников IX—XIV вв. о долине реки Талас и смежных районах. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8. Алма-Ата, 1960, стр. 88.

[38] *А. И. Михайлова.* Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в. ЭВ, 1951, V, стр. 12.

[39] *В. В. Бартольд.* Фараб. Соч., т. III. М., 1965, стр. 525; *Е. К. Бетгер.* Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма ибн-Хаукаля. Труды САГУ. Археология Средней Азии, IV. Ташкент, 1957, стр. 24.

[40] *С. Г. Кляшторный.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, стр. 159.

[41] Там же, стр. 160.

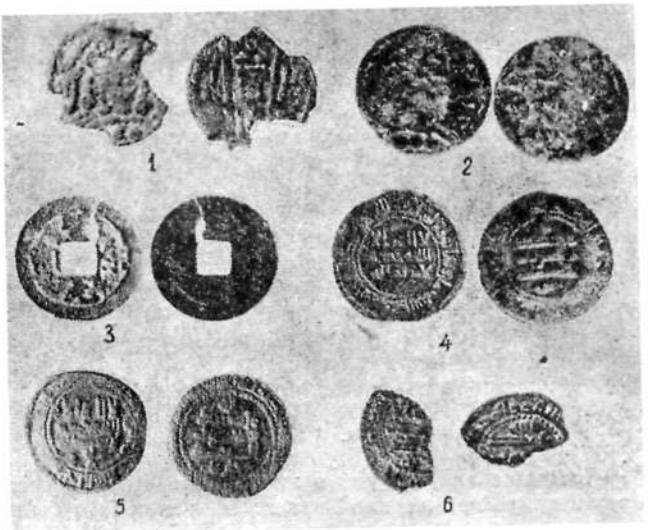

Таблица III. *1* — черный дирхем типа гитрифи X—XII вв.; *2* — аббасидское подражание бухарским драхмам третьей четверти VIII в.; *3* — китайская монета династии Тан с термином «да-ли юаньбао», 769 г.; *4* — фельс саманида Исмаила ибн Ахмада 288 г. х./900—901 г.; *5* — саманидский фельс неизвестного правителя Бухары, дата не сохранилась; *6* — обломок саманидского фельса, вероятно, чекан Шаша. Год, имя правителя невозможно определить из-за фрагментарности монеты.

войн II/VIII в. часто упоминается «царь» (мелик) Шаша, резиденцией которого Балазури (421) и Табари (II, 1517 и 1521) называют город Тарбенд, не упоминаемый в арабской географической литературе; что здесь, как предполагает издатель (Д. Г. Мюллер), перед нами «*forma contracta*» вместо Турарбенд (Макдиси, 61 внизу), более чем сомнительно» [42].

Название Тарбанда и Отрара впервые отождествил известный востоковед Д. Г. Мюллер [43]. Возможно, он прав, когда предлагает видеть в написании Тарбанд стяженную форму от Турарбанда.

Вопрос о тождестве Тарбанда—Отрара неоднократно поднимался в исторической литературе и получил должное освещение, в достоверности которого не приходится сомневаться [44].

[42] *В. В. Бартольд.* Ташкент. Соч., т. III. М., 1965, стр. 499.

[43] *О. И. Смирнова.* Очерки из истории Согда. М., 1970, стр. 236.

[44] *С. Г. Кляшторный.* Кангюйская этно-топонимика в орхонских текстах. СЭ, 1951, № 3, стр. 54—63; *его же.* Древнетюркские рунические памятники..., стр. 160; *Б. Г. Гафуров.* Таджики..., стр. 315; *К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, стр. 28.

КОЛОННЫ ИЗ ОТРАРА

В. Л. ВОРОНИНА

Предание гласит, что в предместье средневекового Отрара по приказу Тимура над могилой мистика Арслан-баба была возведена мечеть. После землетрясения в середине XVIII в. ее отстроили заново. Это двухкупольное здание из обожженого кирпича описано А. Черкасовым, посетившим руины Отрара в начале нашего столетия, и И. А. Кастанье [1]. В мечети внимание А. Черкасова привлекли две колонны айвана, которые, по его словам, выглядели древними и ветхими. Здание XVIII в. к тому времени разрушилось и в 1907 г. было заменено новым, в котором усыпальница занимала две купольные комнаты, а в другом крыле помещалась мечеть с деревянным куполом на шести колоннах, две их них резные. Обследовавшая памятник В. В. Константинова отмечала, что, «вероятно, это та пара колонн, которую упоминает в своих описаниях И. А. Кастанье», и отнесла ее ко времени первой перестройки здания, т. е. к началу XVIII в.[2] Г. А. Пугаченкова, ссылаясь на А. Черкасова, считает, что эти колонны из мечети Тимура [3].

В 1971 г. здание снесли, а колонны остались лежать под открытым небом, весной 1972 г. их забрала археологическая экспедиция АН Казахской ССР, изучавшая городище Отрар. Тогда же с любезного разрешения К. А. Акишева колонны были обмерены автором статьи [4].

[1] *А. Черкасов.* Поездка на развалины Отрара. ПТКЛА, т. VIII. Ташкент, 1903, стр. 71, 72; *И. А. Кастанье.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910, стр. 174.

[2] *В. В. Константинова.* Некоторые архитектурные памятники по среднему течению реки Сырдарьи. «Известия АН Казахской ССР, серия архитектурная», 1950, вып. 2, стр. 39.

[3] *Г. А. Пугаченкова.* О разных деревянных колоннах XIV—XV вв. в г. Туркестане. «Известия АН Казахской ССР, серия архитектурная», 1948, вып. 1, стр. 48.

[4] Приношу благодарность начальнику экспедиции К. А. Акишеву и его заместителю К. М. Байпакову за содействие в моей работе.

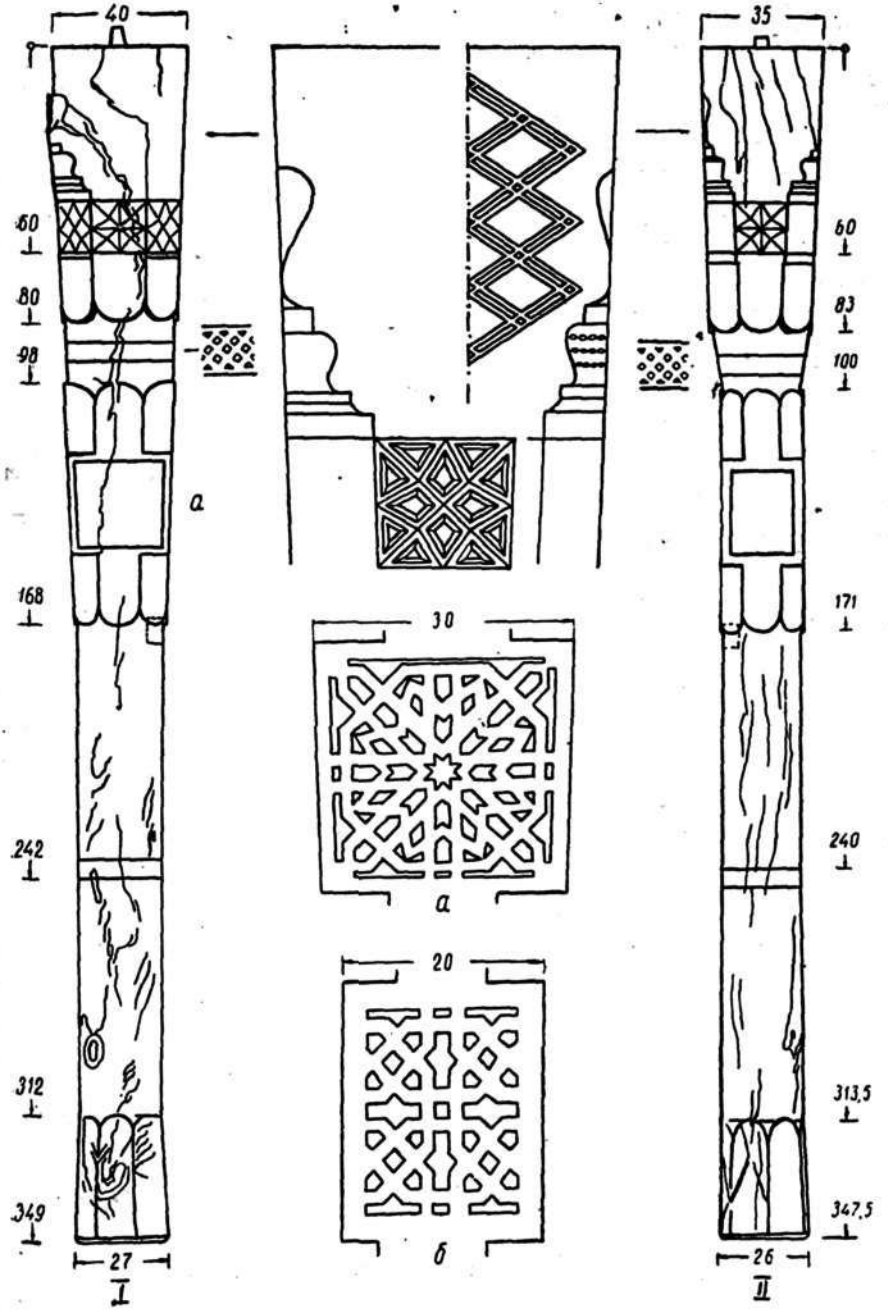

Рис. 1. Колонны из Отрара (I и II).

Ныне они хранятся в музее археологии Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР.

Несомненно, это те самые колонны, которые стояли на айване мечети Арслан-баба (правильнее назвать мазаром). Как и отмечал А. Черкасов, они сильно пострадали от времени. Детали и орнамент сохранились лишь на одной стороне, которая, видимо, была обращена внутрь айвана. У обеих колонн сбоку, на высоте 1,70 *м* от пола, вынуты гнезда для перекладины, которая их соединяла. Эта перемычка была сделана в период одной из перестроек, но не совсем удачно, так как она пробила одну из деталей. Наличие гнезд перемычки подтверждает, что колонны стояли на айване. В этом убеждает и их расположение по отношению друг к другу (см. рисунок 1). Такие перекладины можно встретить в айванах мазаров и жилищ, например, у таджиков.

Колонны (назовем их условно I и II) по форме одинаковые. Капитель квадратного сечения сводится фигурными угловыми срезами к восьмигранному поясу, который опускается восемью фестонами на круглую часть ствола. На высоте 1,20 *м* от верха колонн ствол делится на две части импостом квадратного сечения, заканчивающимся также закругленными фестонами. Нижняя часть ствола круглая. У основания его база слабо расширяется. С большим трудом удалось выяснить ее форму: восемь граней (они сдвинуты по отношению к оси колонны), очерченных наверху дугами и с упрощенными прямолинейными контурами опускающихся по ребру листьев-лопастей.

Первая колонна высотой 3,49 *м*, вторая на 1,5 *см* короче. На верху капители шипы для крепления с подбалками.

Размер частей в длину у колонн приблизительно одинаков: длина капители до низа орнаментального восьмигранного пояса 60 *см*, импоста до конца фестонов—71 *см*, но пропорции расходятся. Верхний поперечник капители у первой колонны 40 *см*, у второй — 35 *см*. Импост колонны I имеет почти квадратные грани, а у колонны II они в виде вытянутых прямоугольников. Первая колонна от нижнего края фестонов импоста, примерно с половины высоты, вверх равномерно расширяется, вторая же только от верхнего края фестонов импоста, причем резко уширяется круглый верх ствола. Нижняя часть ствола у первой колонны слегка сужается (диаметр 25,6 и 23,8 *см*); у второй, наоборот, едва заметно расширяется (окружность его 74 и 76 *см*). Высота базы колонн 37 и 34 *см*, диаметр основания 27 и 26 *см*.

Ясно, что эти различия обусловлены габаритом леса: колонны вырезаны из стволов разного поперечника. Свилеватая древесина свойственна карагачу и вязу[5].

Орнамент колонн очень сдержанный, ограничивается геометрическими мотивами. На гранях восьмиугольного пояса под капителью изображена четырехконечная фигура, ее лучи и поле заполнены ромбическими и треугольными вставками с косым срезом. Орнамент у

[5] Анализ древесины произведен О. Н. Чистяковой на кафедре дендрологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

обеих колонн одинаков. Грани импоста имеют различные узоры: на первой колонне он строится от восьмилучевой звездочки в центре к восьмиугольнику и выступающим на периферию «ушкам», на второй колонне подчеркнуто четырехчастное строение рисунка. При разных пропорциях импоста сетка колонн орнамента не могла повторяться. Лента узора образует треугольники, ромбы, квадраты и другие фигуры, углубленные на колонне I на 0,4 *см* и на колонне II на 0,6 *см*. Подобная резьба нанесена на узкие (5,5 *см*) сетчатые пояски, дважды охватывающие круглые части ствола. Один из поясков расположен под фестонами капители, другой делит нижнюю часть ствола пополам. На боковой грани капители колонны II прочерчен рисунок ромбической сетки, а на угловом срезе — цепочки «бусин». Судя по сохранившейся стороне, по которой производился обмер, остальные части не орнаментированы.

В вопросе о возрасте колонн мы согласны с Г. А. Пугаченковой и датируем их временем постройки, т. е. концом XIV или началом XV в. По их состоянию можно заключить, что колонны стояли на айване со времени постройки и лишь в 1907 г. были перенесены внутрь здания. Дерево рассечено трещинами, капители обломаны, первая колонна пострадала до такой степени, что вдоль ее ствола с наружной стороны поставили заплату — планку длиной 1,10 *м* и шириной 9 *см*.

Колонны из Отрара весьма своеобразный исторический памятник этого рода. Они принадлежат к особой категории колонн, вырезанных из дерева комлем вверх. Подобные колонны XIV — XV вв. известны из г. Туркестана и более позднего времени из долины Зеравшана. Однако на отрарские колонны, по существу, не распространяется основной признак этого типа — расширение ствола вверх (у первой колонны оно почти незаметно, у второй совсем отсутствует). Расширяются только их верхние части.

Квадратная капитель также довольно своеобразная черта этих памятников. В архитектуре средних веков колонн с такой капителью известно немного: резная колонна, хранящаяся в ханаке Ходжа Ахмеда Ясеви, зеравшанские колонны из Урмитана (XI — XII вв.) и из Рарза (XV в.)[6]. Квадратная капитель стала нормой для колонн горного Таджикистана в XIX — XX вв., причем она венчает колонны с расширением как вверх, так и вниз, со стволом круглого, квадратного или граненого сечения[7]. Квадратные капители встречаются кое-где и в памятниках на равнине — в Ферганской долине и как исключение — в Шахрисябзе.

Срезы на углах, необходимые для перехода квадратного сечения в круглое или граненое, имеются у всех средневековых образцов, но у

---

[6] *В. Л. Воронина.* Резное дерево Зерафшанской долины. МИА, № 15, 1950, табл. 15—17.

[7] *В. Л. Воронина.* Ордер в народной архитектуре Таджикистана. «Архитектурное наследство», 1972, № 19.

отрарских они сближаются с S-образными срезами, характерными для колонн XIX — XX вв. Зеравшанской долины.

Импост квадратного сечения, переходящий к восьмигранному, встречен, кроме отрарского, только на колоннах из Рарза. На этом сходство кончается, в Рарзе полки квадрата сводятся угловыми срезами к восьмиграннику и не образуют фестонов. Базы в форме усеченного конуса также не обнаруживают подобия среди известных средневековых и поздних образцов.

Среди колонн среднеазиатского ордера можно выделить такие, в которых круглое сечение сочетается с квадратным или многоугольным, или квадратное с многоугольным. Но только у отрарских колонн имеются переходы от круга к многоугольнику и квадрату.

Надо сказать, что квадратная капитель, как и геометризация деталей колонны вообще, характерна для памятников восточных районов Средней Азии и не присуща архитектуре Хорезма и Бухары (мы не берем в расчет геометризованный постамент, который обычно называется базой).

Колонны из Отрара в чем-то перекликаются с колоннами горного Таджикистана, но в главном неповторимы. В них сочетается геометрическая четкость деталей и строгость орнамента. Они вносят новые данные о деревянном ордере, представленном в истории Средней Азии и Казахстана разнообразными формами. Фантазия неизвестного мастера создала еще один вариант, не повторяющий другие образцы.

К ВОПРОСУ О СРЕДНЕВЕКОВЫХ ОРОСИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМАХ ОТРАРСКОГО ОАЗИСА

В. А. ГРОШЕВ

Вопрос о древней и средневековой ирригации всегда интересовал археологов, исследовавших памятники Отрарского оазиса [1]. Развитие земледелия данного района связано с устройством оросительных каналов, многочисленные следы которых сохранились до наших дней.

«Климатические условия, — писал К. Маркс, — и своеобразие поверхности, особенно наличие огромных пространств пустыни... сделали систему искусственного орошения при помощи каналов и ирригационных сооружений основой восточного земледелия»[2].

В задачу Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции, изучающей памятники Отрарского оазиса и его периферии, входят также «поиски и раскопки ирригационных сооружений»[3]. В связи с этим в полевой сезон 1973 г. начал свою работу ирригационный отряд этой экспедиции [4]. Он должен был заняться археолого-топографическим изучением средневековых оросительных систем Отрарского оазиса, составить схему выявленных ирригационных каналов и продатировать их. С этой целью в заданном районе проводилась топографическая инструментальная съемка, которая сопровождалась сбором датирующего археологического материала, обмерами и раскопками

[1] *А. Н. Бернштам.* Древний Отрар. «Известия АН КазССР, серия археол.», 1951, вып. 3, стр. 82—93; *Е. И. Агеева, Т. И. Пацевич.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5. Археология. Алма-Ата, 1958, стр. 147—152.

[2] *К. Маркс.* Британское владычество в Индии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 182.

[3] *К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, стр. 207.

[4] Работы велись под руководством автора.

профилей каналов, фотографированием и т. д. Для составления схемы использовались и материалы аэрофотосъемок прошлых лет. При датировке оросительных систем учитывался керамический материал, полученный в результате раскопок каналов, подъемный материал, а также сведения источников о жизни городов и поселений, расположенных на трассах исследуемых ирригационных систем.

Разработку датировки древней и средневековой ирригации затрудняло то обстоятельство, что отдельные участки оросительных систем функционировали различное по продолжительности время. Например, мелкие арыки существовали без особых изменений несколько лет, а магистральные каналы — десятки и сотни лет [5]. Трудность состояла еще и в том, что оросительные системы Отрарского оазиса расположены в зоне современного культурного района, центром которого является поселок Шаульдер Кзыл-Кумского района Чимкентской области. Поэтому частично оросительные сооружения (мелкая сеть) скрыты кукурузными и рисовыми полями совхоза, частично используются в современных оросительных системах, головные же сооружения полностью уничтожены.

Однако значительная часть ирригационных каналов сохранилась хорошо. Археолого-топографическое их исследование позволяет говорить пока о четырех (I, II, III, IV) разновременных оросительных системах, с помощью которых осваивался Отрарский оазис.

Магистральные каналы всех систем были выведены из Арыси. Ирригационные трассы разной степени сохранности. Например, в системе I прослеживаются только концевые участки магистрального и распределительных каналов, так как она перекрыта ирригационными каналами системы II.

Магистральный канал системы I в отличие от каналов системы II, III, IV в настоящее время представляет собой сильно оплывшие валы с высоко поднятым над современной поверхностью ложем. Хорошо сохранилась часть трассы канала между городищами Куйрук-тобе и Алтын-тобе (поиск 1—8). Ширина канала по внешнему основанию валов 35 *м*, ширина вала 12 *м*, его высота 0,7 *м*. Средняя ширина канала между валами 7 *м*. На этом участке была заложена траншея.

Траншея № 1 разрезала магистральный канал перпендикулярно (рис. 1). Длина траншеи 37 *м*, ширина 3 *м*, глубина 4 *м*.

В стратиграфическом разрезе было зафиксировано семь слоев:

1) такырная корочка — 10 *см*; 2) суглинок светло-серый с осколками керамики и вкраплениями песка — 65 *см*; 3) суглинок темно-серый, плотный, пылеватый (наилок) — 20 *см*; 4) суглинок светло-серого цвета — 180 *см*; 5) темно-серый суглинок, плотный, пылеватый (наилок) — 30 *см*; 6) чередующиеся слои плотного мелкого и крупного песка — 90 *см*; 7) материк — глина плотная, темно-серая — 20 *см*.

[5] *Б. В. Андрианов.* Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969, стр. 17.

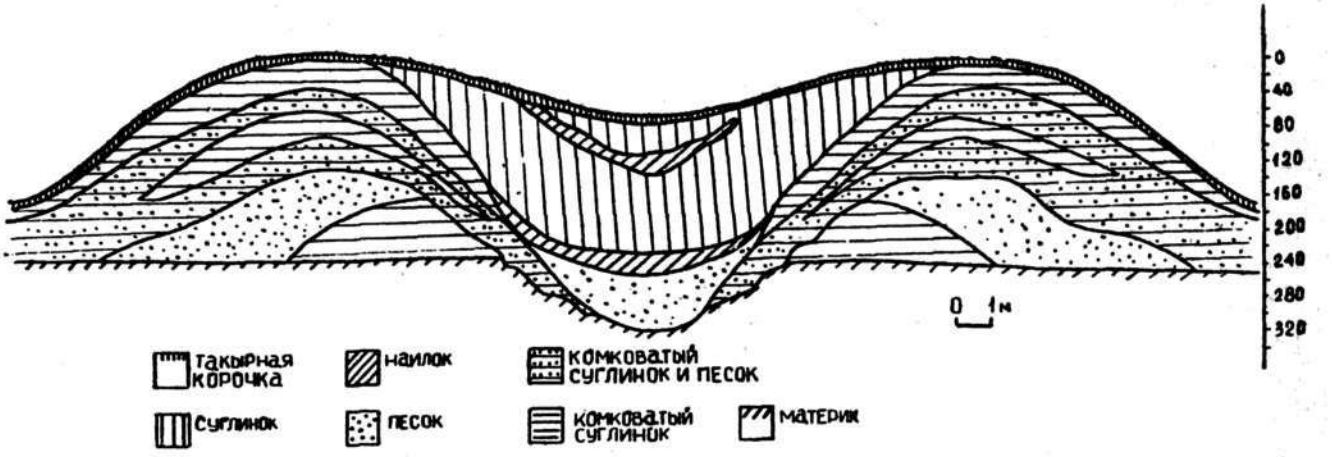

Рис. 1. Траншея № 1. Разрез.

Известно, что осадочные слои суглинка, супеси и песка откладываются в результате смены режимов текущих вод [6].

Суглинок (2) образовался в результате смены и разрушения береговых отвалов, наилок (3) — в результате полного прекращения течения в канале. Светло-серый суглинок (4) формировался в замедленных водах, а слои песка (6) осаждались в быстро текущих водах[7]. Наличие в береговых отвалах слоев наносного песка и комковидного суглинка из канала — результат перекопки с целью очистки канала.

В траншее на глубине 1—1,2 *м* обнаружено три фрагмента керамики. Один из них обломок конической крышки из грубого теста с примесью шамота. На ее внешней стороне был орнамент с радиально расходящимися линиями. Обжиг слабый, черный. У крышки имеется цилиндрическая ручка. У ее основания сохранились следы трех пальцевых вдавлений. Она сделана из грубого шамото-дресвяного теста. Обжиг красный.

Другой фрагмент — горловинка кувшина, покрытого красновато-коричневым ангобом.

Найденная керамика аналогична керамическому материалу, обнаруженному при раскопе стратиграфического шурфа на Отраре в слое, датированном VII—VIII вв. [8]

Хорошо сохранилась ветвь распределительных каналов системы I (поиск 8—12), орошавшая территорию, на которой расположены памятники под названием Бес-Актобе. Их датируют I—II—VIII вв. [9]

Траншея № 2 разрезала по профилю один из распределительных каналов. Средняя ширина его ложа 3 *м*. Ширина по внешнему основанию валов 12 *м*. Ширина вала 4 *м*, высота 0,7 *м*. Длина траншеи 14 *м*, ширина 1,5 *м*, глубина 1,6 *м*.

Дадим ее описание (рис. 2):

1) такырная корочка — 15 *см*; 2) суглинок светло-серый, рыхлый, опесчаненный — 30 *см;* 3) суглинок сероватый — 60 *см;* 4) суглинок комковатый со следами перекопки — 15 *см;* 5) прослойка мелкого песка — 10 *см;* 6) материк — глина плотная, коричневатого цвета — 30 *см*.

Сравнительно небольшой слой ирригационных наносов (85 *см*) свидетельствует о недолгой жизни каналов. Он относится, очевидно, к более позднему периоду существования памятников Бес-Актобе.

Таким образом, археолого-топографические исследования частей

---

[6] *Б. В. Андрианов.* Древние оросительные системы Приаралья, стр. 107—112; *Г. Н. Лисицина.* Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М., 1965, стр. 12 и др.

[7] Определение механического состава слоев произведено по методу Н. А. Качинского см.: *Г. И. Чуприн.* Справочник гидротехника орошаемого хозяйства. М., 1972, стр. 76—77.

[8] *К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, стр. 88—89.

[9] Там же, стр. 147—148.

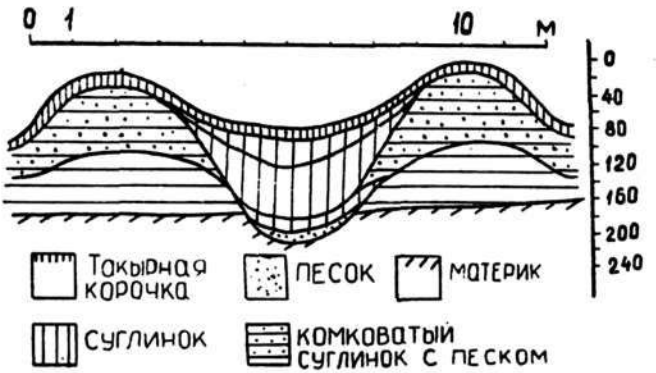

Рис. 2. Траншея № 2. Разрез.

системы I позволяют говорить пока в общих чертах о возникновении ирригационных каналов в Отрарском оазисе в VII—VIII вв.

Будущее археолого-топографическое изучение ирригационных каналов позволит более точно датировать время сооружения и действия как отдельных звеньев каналов, так и оросительной системы в целом.

Как уже отмечалось, большая часть системы I, в том числе и исток, перекрыта разветвленной системой II площадью командования 125 *м*^{2}, которая охватывает территорию городов Отрар, Куйрук-тобе, Алтын-тобе и Куюк-Мардан (рис. 3).

Исток каналов системы II (поиск 13—20) обнаружен в 2 *км* юго-восточнее современного поселка Кзыл ту, на обрывистом берегу р. Арысь, в месте ее естественного изгиба. Магистральный канал как бы продолжает направление течения воды реки по естественному уклону.

Речная вода поступала в оросительную систему при помощи двух головных устройств. До наших дней сохранились только головные участки, которые через 350 *м* соединялись в магистральный канал. От места соединения отходил отводной канал, по которому излишки паводковых вод сбрасывались в реку. Протяженность сбросового канала 1 *км*. По технике сооружения головные участки однотипны. Высота валов 1,5—2 *м*, ширина между ними 5—6 *м*. Магистральный канал размером больше. Между валами ширина 14 *м*, высота их 2,9 *м*. Длина холостой части около 3 *км*. Так как трасса расположена на территории современного поселка Кзыл ту, то сохранилась лишь часть магистрального канала.

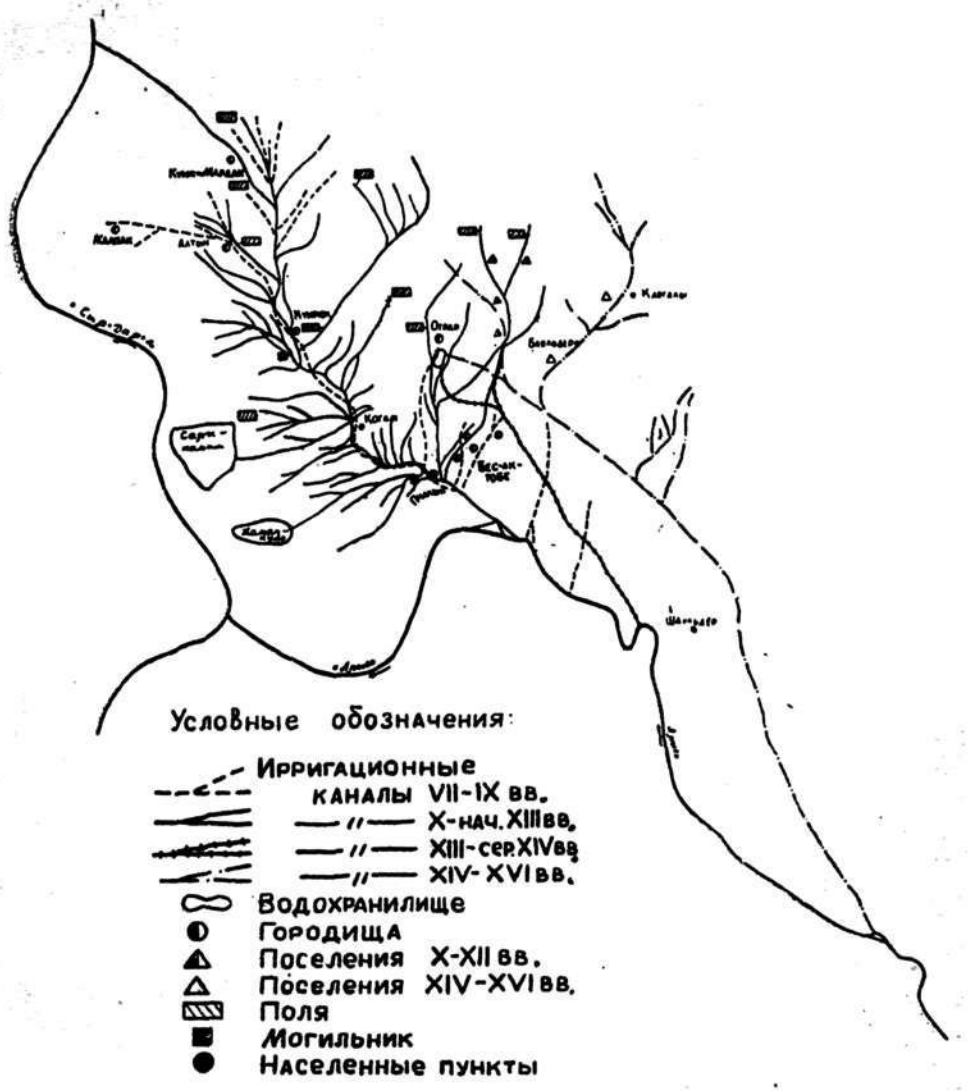

Рис. 3. Схема ирригационных каналов Отрарского оазиса.

Около городища Пшакши-тобе [10] магистральный канал разветвляется: одна часть отклоняется к северу в сторону Отрара, другая идет по направлению к городам Куйрук-тобе, Алтын-тобе и Куюк-Мардан.

[10] Жизнь памятника относится к I—X вв. См.: *Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5. Археология. Алма-Ата, 1958, стр. 35.

В 15 *м* от места разветвления на Отрарском канале была заложена траншея. Ширина ложа канала 5 *м*, ширина валов 8 *м*. Ширина по внешнему основанию валов 21 *м*, высота валов 1,6 *м*. Длина траншеи 25 *м*, ширина 3 *м*, глубина 3,1 *м* (рис. 4).

В разрезе выявлено 11 слоев:

1) такырная корочка серая, пылевидная — 10 *см;* 2) суглинок темно-серый, слегка опесчаненный — 25 *см*; 3) тот же суглинок мелкокомковатый со следами перекопки — 20 *см;* 4) слой тяжелого суглинка с ржавыми пятнами — 45 *см;* 5) прослойка супеси, переходя-

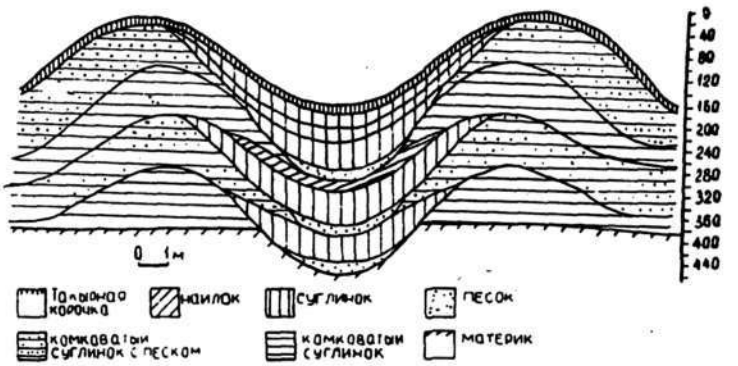

Рис 4. Траншея № 3. Разрез.

щей в мелкозернистый песок, — 15 *см*; 6) прослойка суглинка темно-серого цвета (наилок) — 15 *см;* 7) суглинок сероватого цвета, пылевидный — 60 *см;* 8) песок светлый, мелкий — 15 *см;* 9) суглинок темно-сероватый — 45 *см;* 10) песок мелкий желтоватый — 10 *см*; 11) материк — глина темно-коричневого цвета — 40 *см.*

На основании описания разреза можно выделить, по крайней мере, три основных периода действия оросительного канала. Образование слоев песка (5, 8, 10), как отмечалось, происходит при быстро текущих водах, а слои супеси и суглинка (3, 4, 6, 7, 9) характерны для медленно текущих вод. Сохранившиеся следы перекопки — результат действия подчистки и углубления канала.

Во время раскопок собраны фрагменты поливной и неполивной керамики.

Охарактеризуем ее послойно.

На глубине 45 *см* (слой 3 — последний период жизни) обнаружена часть донца от фарфоровой пиалы, покрытая с обеих сторон бесцветной поливой. На внешней строне под поливой выявлен орнамент в виде широких темно-синих и темно-зеленых вертикальных полос. На донце сохранилась часть герба с изображением двуглавого орла и надпись фабрики А. С. Кузнецова в г. Дулево. Фрагмент донца пиалы да-

тируется XVIII — началом XIX в. На глубине от 0,7 до 1 *м* (слои 4, 5) встречена в основном поливная керамика, главным образом вогнутые дисковидные поддоны от блюд, чаш и пиал. Внутренняя сторона их покрыта слегка зеленоватой поливой. Под поливой по белому ангобу выполнен геометрический орнамент. На одном фрагменте донца под прозрачной поливой по белому ангобу темно-коричневой краской нанесена многолепестковая розетка. Один из фрагментов — это тулово тагоры с закраиной в виде неширокой площадки. На внутренней поверхности имеется темно-коричневый ангоб.

Все фрагменты находят аналогии в керамике слоев стратиграфического раскопа Отрара X — начала XIII в. [11]

Основная масса неполивной керамики обнаружена на глубине от 1 до 2 *м* (слои 6, 7, 8). Она представлена фрагментами хумов, в основном венчиков подпрямоугольной в сечении формы, отогнутых наружу. По ободкам их видны пояски пальцевых вдавлений. Один фрагмент с налепным валиком. Венчики изготовлены из теста с примесью песка и покрыты светлым ангобом.

Сохранилась часть венчика с туловом от сосуда типа «ям». Он сделан на гончарном круге. Край венчика украшен пояском прочерченного волнистого орнамента. Внутренняя поверхность покрыта красновато-коричневым ангобом.

От чаш найдено два фрагмента венчиков. Они прямые с красновато-коричневым ангобом и лощением. Тесто чаш хорошо отмучено, без примесей. Обжиг сосудов красноватый.

Наибольшую часть неполивной керамики составляют фрагменты дастарханов. Внутренняя сторона их украшена конусообразными шишечками с ребристыми боками, выемчатым резным и штампованным орнаментом. Сосуды с таким орнаментом отмечены Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевичем в керамике VIII—IX вв. городищ Отрарского оазиса [12].

Неполивная керамика, включая и фрагменты дастарханов, встречена в стратиграфическом раскопе Отрара в слоях X—XI вв. [13]

Слои 9, 10 относятся к самому раннему периоду функционирования канала, вероятно, к системе I.

Отрарский канал был прослежен на протяжении 2 *км*. В полукилометре от Отрара он делится на три распределительных канала (поиск 21—27). Один отклоняется на северо-запад и через 1 *км* исчезает, второй подходит к Отрарскому водохранилищу восьмеркообразной формы размером 500×200 *м* и огибает с западной стороны шахристан, где соединяется с помощью небольшой перемычки с окружавшим шахристан рвом, который сохранился до наших дней «в виде лощины с

---

[11] *К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, стр. 98—104.

[12] *Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, стр. 99—100.

[13] *К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.* Древний Отрар, стр. 90—97.

покатыми краями, глубина ее ниже основания городища на 2—3 *м*, ширина 10—15 *м*» [14].

На этом участке валы канала четко прослеживаются до внешней оборонительной стены Отрара, затем теряются на возделанных полях отделения Талапты. Здесь же прослежена агроирригационная планировка полей прямоугольной формы со сторонами 400 и 150 *м*. Поля более длинной стороной примыкали к каналу. Отчетливо видны борозды и гряды.

Третий распределительный канал проходит по территории рабада (X—XII вв.) [15], под прямым углом он перерезан поздним каналом, подходящим с восточной стороны к центральному бугру.

Перейдем к описанию второй ветви магистрального канала, трасса которого ведет к городищам Куйрук-тобе, Алтын-тобе и Куюк-Мардан. От него направо и налево отходят многочисленные распределительные каналы 1-го и 2-го порядка, а через несколько десятков метров они теряются на территории современного поселка Когам (поиск 28—35).

С западной стороны селения располагался гидротехнический узел, от него вплоть до городища Куюк-Мардан шли валы магистрального канала. Гидротехнический узел отделен от магистрального канала тремя ветвями.

Левая ветвь предназначалась для сброса паводковых вод, в остальное время она отключалась от системы посредством земляной перемычки, следы от нее сохранились до наших дней. Сбросовый канал прослеживается на протяжении 2 *км* и теряется вблизи современного озера Сары-Камыш.

Следующая ветвь также располагается слева от магистрального канала. Она выявлена на расстоянии 1,5 *км*. На этом участке от нее отходят распределители 2-го порядка и оросители. Завал у истока позволяет предполагать, что данная распределительная ветвь была заброшена во время сокращения ирригационной сети [16].

Правая ветвь отведена под прямым углом в восточном направлении и через 20 *м* теряется на территории поселка Когам. Для выяснения регулирующих устройств гидротехнического узла на головном участке был произведен раскоп в виде квадрата со сторонами 10×10 *м*.

Раскоп доведен до глубины 1,5 *м*. На глубине 0,3 *м* обнаружен фрагмент керамики от тулова поливной чаши. Внутренняя сторона фрагмента покрыта светло-зеленой поливой. Под поливой по белому ангобу нанесен орнамент зеленой и светло-коричневой краской. Подоб-

---

[14] Там же, стр. 45.

[15] Там же.

[16] Сокращение орошаемых площадей, очевидно, произошло ранее середины XI — начала XIII в. Датировка дается по погребениям на русле и валах канала, расположенных в 1 *км* юго-западнее городища Куйрук-тобе. (О погребениях см. статью Б. Нурмуханбетова «Раннемусульманское кладбище близ городища Куйрыктобе. В сб.: «В глубь веков». Алма-Ата, 1973, стр. 85—94). В этот период происходит отключение распределительной ветви от магистрального канала.

ная керамика имеется в слое стратиграфического раскопа, датируемом XII — началом XIII в.[17].

Следующий раскоп (траншея № 4) заложен на трассе магистрального канала между Куйрук-тобе и Алтын-тобе. Длина траншеи 27 *м*, ширина 3 *м*. Траншея доведена до глубины 1,5 *м*. Ширина канала 25 *м*, ширина между валами 9 *м*, высота валов около 2 *м*.

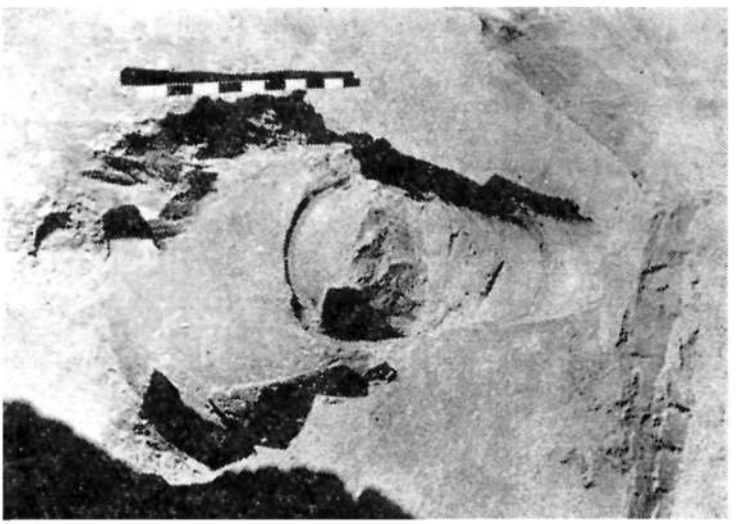

Рис. 5. Приспособление для отвода воды.

На глубине 1,5 *м* обнаружено приспособление для отвода воды через вал магистрального канала в малую оросительную сеть (рис. 5). Приспособление состоит из трех частей: тулова хума с венчиком, керамической трубы и половины такой же трубы. Сохранилась лишь одна водопроводная труба. Длина трубы 1,15 *см*, диаметр отверстия с одной стороны 42 *см*, с другой — 36 *см*. В 5 *см* от более узкого отверстия имелся венчик-муфта, который служил упором при соединении узкой и широкой горловин двух труб.

Хум имел низкую прямую цилиндрическую горловину с пояском наклонных пальцевых вдавлений. Подобные хумы встречены в слое X—XI вв. Отрара [18].

Таким образом, результаты археолого-топографического обследования ирригационной системы II, обеспечивавшей водой города Отрар-тобе, Пшакши-тобе, Куйрук-тобе, Куюк-Мардан, позволяют предварительно датировать время ее функционирования X—началом XIII в.

[17] *К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, стр. 98—104.

[18] Там же, стр. 90—97.

Вверх по течению р. Арысь на расстоянии 2 и 15 *км* от водозабора описанных систем в процессе археолого-топографических изысканий зафиксировали следы еще двух разновременных оросительных систем III и IV, которые, по нашему мнению, были сооружены после монгольского завоевания (поиск 36—38).

Исток третьей системы обнаружен на высоком берегу в месте поворота русла р. Арысь. Следы головного сооружения, к сожалению, не выявлены, магистральный канал сохранился частично и прослеживается лишь местами среди современных приусадебных участков райцентра Шаульдер. Обнаружен и канал-дамба, который служил для сброса воды.

Головной участок четвертой ирригационной системы расположен в 15 *км* выше третьей, в полукилометре от современной оросительной системы. Водозаборное сооружение также разрушилось.

Трассу магистрального канала удалось проследить на протяжении 10 *км* от истока до райцентра Шаульдер. Остатки хвостовой части системы IV отмечены в восточной части Отрара. Большая часть оросительной системы IV была использована при строительстве ирригационных каналов в 1936 г.[19]

Таким образом, в результате первых исследований средневековых ирригационных систем Отрарского оазиса выяснено, что на данной территории продолжительное время функционировало четыре оросительные системы. Причем две системы существовали до XIII в., а две другие — после монгольского нашествия, последние предназначались в отличие от предыдущих лишь для орошения и снабжения водой самого Отрара.

Уточнить датировку времени сооружения и действия как отдельных звеньев каналов, так и оросительных систем в целом можно будет только в результате их дальнейшего археолого-топографического исследования.

---

[19] Эту информацию автор получил от начальника Кзыл-Кумского производственно-эксплуатационного участка Ж. Д. Джаксыбаева. См. также Г. Юнусов. Водные ресурсы бассейна реки Арысь, т. 1. М., 1935, стр. 72, 135, 155.

ПОСЕЛЕНИЕ АКТАС-МЕЧЕТЬ (XVII—XIX вв.)

С. ЖОЛДАСБАЕВ

В 1970 г. во время разведочных маршрутов в районе среднего течения Сырдарьи, на территории Жана-Курганского района, на берегу старого русла Сырдарьи нами было обнаружено поселение, расположенное в 30 *км* к юго-западу от центра совхоза «Талапты».

Развалины поселения сгруппированы вокруг однокупольной мечети, которую местные жители называют Актас-мечеть. Это квадратное в плане сооружение (19×19 *м*) высотой 20 *м* сложено из жженого кирпича (25×12×6 *см*). Остатки домов в настоящее время представляют собой оплывшие бугры не более 60—70 *см* в высоту. Расстояние между буграми 30—40 *м*. Около некоторых бугров имеются западины глубиной до 1,5 *м*, длиной 8—10 *м*, шириной 5—7 *м*. Это остатки землянок или каких-либо других заглубленных сооружений. В длину с С на Ю поселение занимает 250 *м*, в ширину с В на З—150 *м* (рис. 1).

На расстоянии 70 *м* к северо-западу от мечети находится еще один мавзолей, весьма близкий к нему по форме, но меньшего размера. Он сооружен из жженого кирпича (30×29×4 *см*). Вокруг мавзолея и к северу от него прослеживается могильник, согласно устной информации местного жителя преклонных лет, а также некоторых наблюдений — это кладбище XVII—XIX вв. На некоторых могилах встречаются надгробные плиты из белого гранита с выбитыми арабским шрифтом надписями и тамгами.

Мавзолей почитается святым местом и возле него до сих пор хоронят умерших.

В 1971 г. объектом исследования явился расположенный возле мечети четырехугольный бугор (по нашему плану дом 4). Площадь раскопа 275 $м^2$ (рис. 2). Он был разбит на квадраты (2×2 *м*). После снятия первого слоя обнаружены остатки стен жилых комнат. Далее раскопки велись по комнатам.

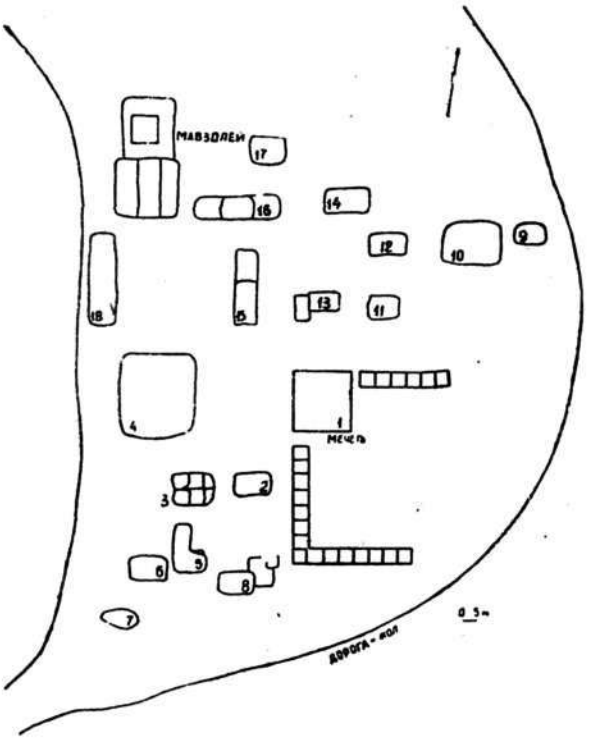

Рис. 1. Общий план поселения Актас-мечеть.

В северо-восточном углу бугра выявлено два жилых помещения. *Помещение 1* (рис. 3) размером с Ю на С 4,65 *м* и с В на З 5,40 *м*, его южная стена сооружена из сырцового кирпича, а другие — из пахсы. Высота сохранившихся стен 40—50 *см*, толщина 50 *см*. Пол в помещении земляной. Дверь шириной 80 *см* выходила на южную сторону.

Перед входом имелось углубление (ойық) шириной 1,2 *м*, длиной 1,6 *м* (рис. 3). Оно ниже пола на 25 *см*. С юго-востока к углублению примыкает предпечное пространство, которое глубже его на 10 *см*. Как видно на рисунке, края углубления выложены жжёным кирпичом, который идентичен кирпичу мечети. Вероятно, дом построен раньше мечети. К сожалению, очаг плохо сохранился, поэтому предположить его первоначальный вид весьма трудно. Однако едва ли он отличался от типичного казахского очага, который обычно устраивался при входе в правом углу. Дымоход сделан вертикально в стене и выходит на крышу.

В северо-восточном углу к стене пристроен продолговатый четырехугольный столик длиной 130 *см*, шириной 70 *см*, высотой 50 *см*.

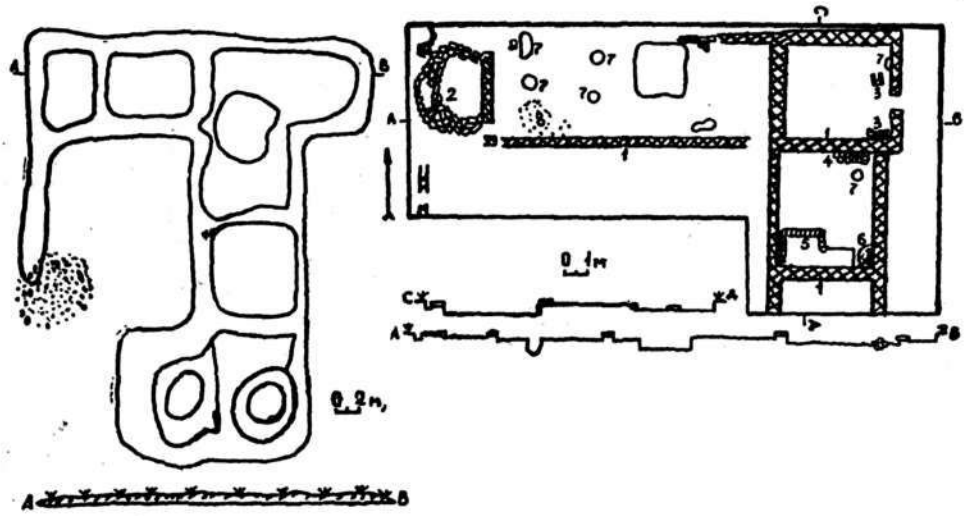

Рис. 2. Общий план раскопа: *1* — пахсовые стены; *2* — обломки жженого кирпича; *3* — ямы, перекрытые жженым кирпичом; *4* — жукаяк — столик для складывания одеял; *5* — суфа с краями, обложенными жженым кирпичом; *6* — очаг; *7* — ямы; *8* — зольник.

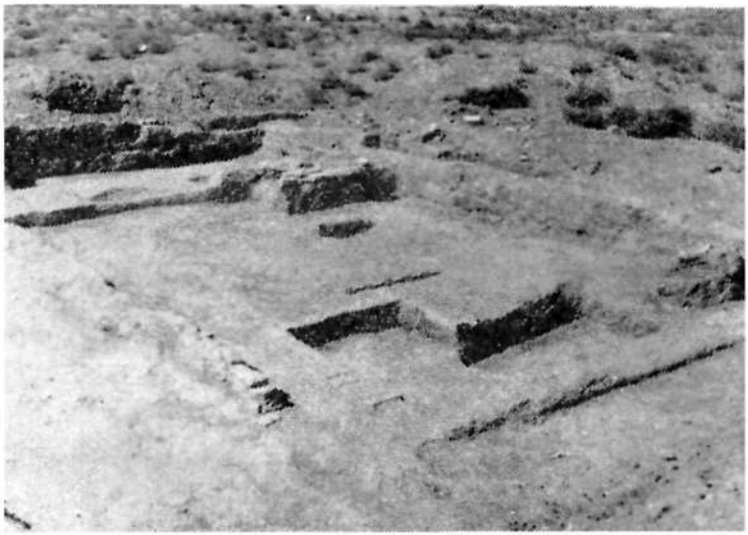

Рис. 3. Помещение 1.

Нижняя часть его возведена из пахсы, в верхняя — из обломков жженого кирпича, положенных в два ряда. По нашему мнению, на нем складывали одеяла (жук аяк). В 70 *см* от столика выкопана неглубокая яма (20 *см*) неизвестного назначения.

Помещение 2 (рис. 4) примыкает к первому. Его размер с С на Ю 4,90 *м*, с З на В 3,90 *м*. Комнаты имеют одну общую стену. Пол данного помещения ниже, чем в предыдущем на 30 *см*. В комнате не обнаружено следов очага, в юго-восточном углу имелась яма. В 1,5 *м* от нее к северу — вторая яма. Обе ямы тщательно прикрыты жженым кирпичом (рис. 4). В первой яме найдены остатки проса, обломок кетменя (рис. 5) и небольшой фрагмент венчика от чаши зеленовато-коричневого цвета. Вторая яма оказалась пустой.

В центре комнаты прослеживаются следы открытого очага. Кухонный очаг, по всей вероятности, был в первой комнате. Об этом говорит небольшой дверной проем, ведущий в комнату, расположенный на восточной стороне бугра, который не входит в план раскопа. Одна из стен помещения ремонтировалась. На рисунке видно, что под пахсой выложен один ряд жженого кирпича. Ширина стены 50 *см*, высота 50—60 *см*.

Расчистка северо-западной части раскопа выявила под слоем кия толщиной 20 *см* развалины сарая. Первоначально он использовался как жилое помещение, на что указывают остатки стен помещения.

Кроме раскопа, в юго-западной части бугра, в которой обнаружен зольник, был заложен шурф размером 4×4 *м*, глубиной 1,2 *м*. В нем

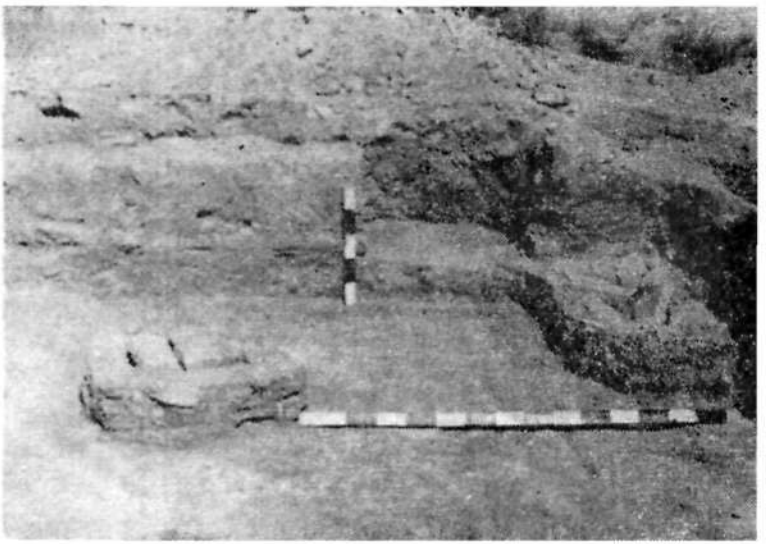

Рис. 4. Помещение 2, на рисунке две ямы перекрыты кирпичом.

найдены целая чаша, обломки керамики (рис. 6) и фрагменты железных вещей (рис. 5), а также днище фарфоровой пиалы. На дне пиалы имеется клеймо завода братьев Кузнецовых.

Большинство керамики без орнамента, на двух венчиках имелась роспись в виде луча (рис. 6), нанесенная на белый фон поливой марганцевого цвета. Такая посуда с орнаментом относится к XVII—XVIII вв. Она встречается на позднесредневековых городищах среднего течения Сырдарьи (Ясы, Отрар, Сузак и др.)[1]. Единственная археологически целая чаша (рис. 6) украшена внутри параллельными линиями различной поливы (синей и желтой по белому фону). Другие фрагменты керамики покрыты коричневой, синей, голубой, белой и желтой однотонной поливой. На всей посуде полива некачественная. Большинство фрагментов чаш, как правило, с отогнутыми наружу венчиками, изредка с вогнутыми и кольцевидными донцами. По форме они напоминают казахские тостаганы.

Во время разведочных работ мы опрашивали местных жителей. Интересные сведения нам сообщил 65-летний старик Абулхаир (из рода коныpат-ногайлы). По его словам, в мавзолее похоронен его прапрадед Айгожа, мавзолей построен сыном Айгожи—Ибадуллой, мечеть — сыном Ибадуллы — Атагожи в 1870 г. Его сын Абдулхап — отец рассказчика. Мавзолей для него—святое место. Если считать

[1] *К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, стр. 121, рис. 81, *3, 4;* стр. 164, рис. 141, *3; Л. Б. Ерзакович.* Поливная керамика городища Сузак XIII—XVIII вв. «Вестник АН КазССР», 1966, № 5, стр. 81, рис. 2.

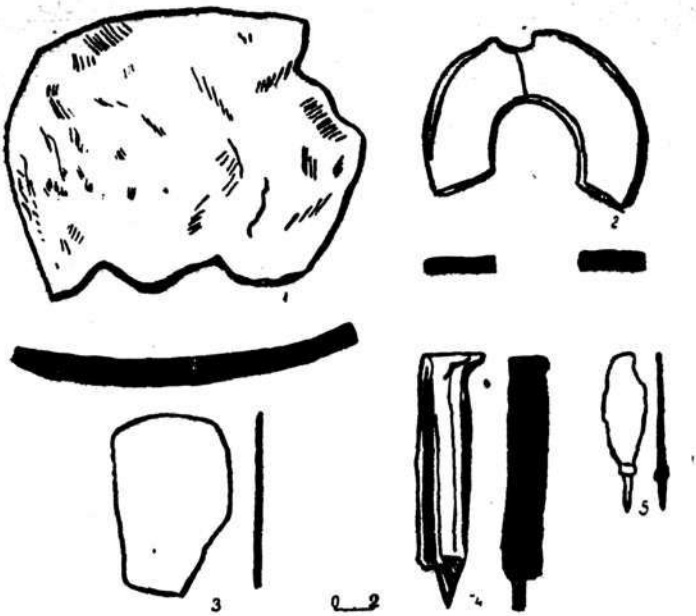

Рис. 5. Изделия из железа и кости: *1* — обломок кетменя; *2* — обломок подковы; *3* — скребок; *4* — костяное изделие; *5* — бритва (*1—3, 5* — железо).

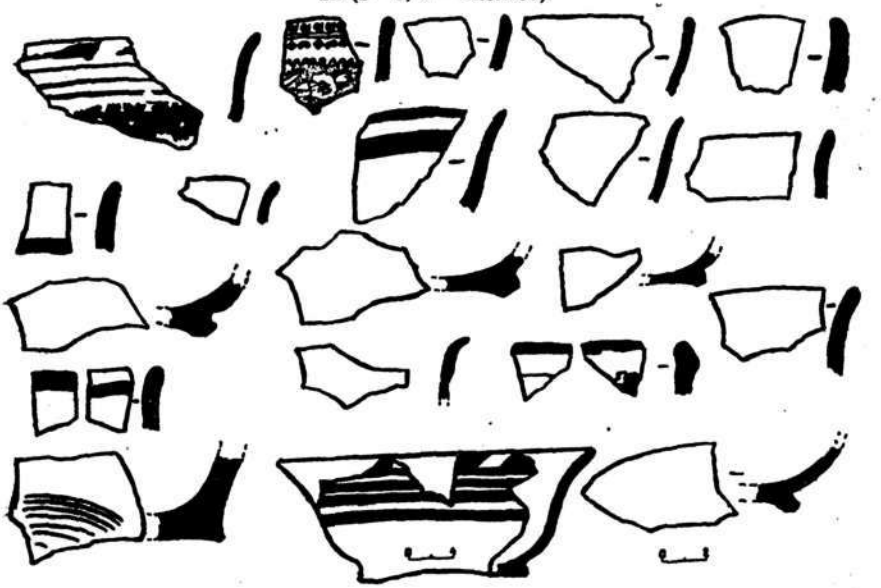

Рис. 6. Керамика XVII—XIX вв.

Рис. 7. Изображение мечети на скале в ущелье Куйкентайлы.

продолжительность жизни каждого колена в среднем 50 лет, то мавзолей Айгожи возведен в конце XVII в.

По рассказу другого 55-летнего информатора Култанова Абдывайта (из рода коныpат-киргизалы), Актас-мечеть в свое время имела большое религиозное значение. Сюда приезжали с поклонением верующие из окрестностей Келин-тобе, Абиз-тобе, Мейрам-тобе, Бесарыка, читали молитвы и приносили жертвы. По словам обоих информаторов, здесь было еще и медресе. Остатки помещений медресе прослеживаются с южной и восточной стороны мечети (рис. 1), они одинакового размера — 4×5 *м*.

На южных склонах Каратау в ущелье Куйкентайлы в 35 *км* к северо-востоку от Актас-мечети обнаружены остатки еще одной мечети. Помимо этого, в двух местах отмечены изображения мечетей на камнях. Первая мечеть (рис. 7) похожа на мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Под ней написано «азан Туктибай молла». Вторая мечеть напоминает очертаниями Актас-мечеть.

Наличие мечетей говорит о распространении ислама в южных районах Казахстана.

Вокруг Актас-мечети, по словам стариков, жило и живет с давних пор отделение ногайлы из рода коныpат. Об этом свидетель-

ствуют зафиксированные нами сотни зимовок, о которых мы уже писали [2].

Письменные источники также сообщают, что зимовки казахов располагались по реке Сейхун, которую там называют Сырдарьей, окрестности ее «покрыты камышом, обильны и травами и кустарниками... Протяженность берегов Сейхуна, где они обитают, будет более трехсот фарсахов. Когда они достигают берегов Сейхуна, то оказываются вблизи земель Туркестана» [3]. Такие же сведения мы находим в записях русских послов конца XVII в. Например, В. Кобяков отмечал: «У Тевкехана родится многое число пшеницы, ячменя и проса, а хлеба сеют озимые и яровые» [4]. Ф. Скибин и М. Трошин сообщали, что «города Казачьей орды от Туркестана все вблизости... а деланы в городах их многие колодцы... А крепости в Туркестане и в городах валены, валы земляные, и по валу кладены стены кирпича необожженного... во всех тех городах живут бухарцы, а казаков мало, а казаки все живут для пашенных земель по кочевьям, а пахоты их скудны...» [5].

Эти сведения перекликаются с нашими данными о развалинах вокруг Актас-мечети. Они дают нам право считать казахов не только скотоводами-кочевниками, но и земледельцами, которые умели строить постоянные жилища.

---

[2] *С. Жолдасбаев.* О казахских оседлых поселениях, найденных во время археологических поисков в 1969—1970 гг. (На каз. яз.). В кн.: «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 191—192.

[3] *С. К. Ибрагимов.* «Михаман-наме-и Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV—XVI вв. В кн.: «Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана». Алма-Ата, 1960, стр. 145.

[4] Дополнения к актам историческим (ДАИ), т. X, СПб., 1867, № 8, акт. XIV, стр. 390.

[5] «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. 1. Л., 1933, стр. 262—267.

ДВА ХУМА С ГОРОДИЩА ШАУШУКУМТОБЕ

Т. И. КУЛИК

В 1959 г. на городище Шаушукумтобе в прорезанной бульдозером траншее глубиной 2,5 *м* строители обнаружили два хума. Один сразу же разбили, другой снесли наполовину. Под руководством ст. научного сотрудника ИИАЭ АН КазССР А. Г. Максимовой обломки второго хума были собраны и отправлены в Археологический музей при институте.

Хум имеет вытянутую яйцевидную форму, выделенное горло и отогнутый наружу подтреугольный в сечении венчик. Снаружи он покрыт светлым ангобом, поверх которого на горло и плечики нанесен жидкий темный ангоб, спускающийся вниз потеками. На плечике прочерчен неглубоко, видимо, пальцем, знак в виде положенной на бок буквы S (рис. 2).

От первого хума сохранился один черепок. Это часть венчика и плечика. Судя по черепку, хум имел покатые плечики, горловины не было. Он также покрыт светлым ангобом, поверх которого на плечики нанесен еще жидкий, темный. Этот хум ремонтировался в древности: на венчике имеется маленькое круглое отверстие, а отбитая часть венчика замазана тонким слоем серой массы наподобие цемента.

На плечике глубокой и широкой линией прочерчено изображение человека. Линия почти везде двойная, видимо, чертили щепочкой. Изображение схематичное, без деталей. Нижняя часть не сохранилась. Выделенная талия и широкие бедра позволяют предполагать, что это женская фигурка. Изогнувшись в талии, она склонилась влево, голова повторяет движение туловища, рука откинута в сторону. Возможно, изображена танцующая женщина (рис. 1).

Аналогичные изображения на керамике из окружающих районов автору не известны. Те антропоморфные фигурки, которые подробно

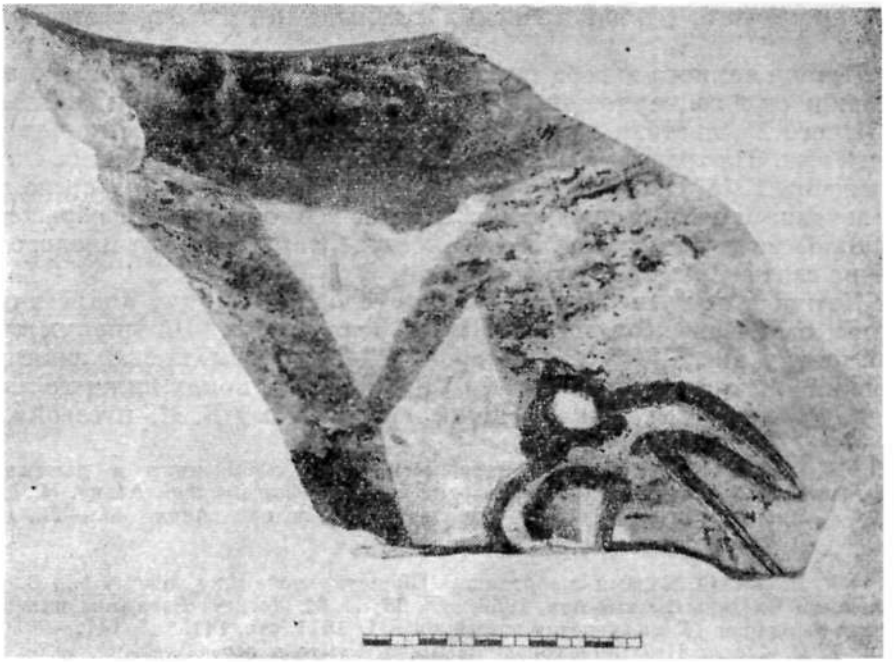

Рис. 1. Изображение человека на обломке хума.

Рис. 2. Хум.

описывает Л. М. Левина[1], выполнены совсем в другой технике (налепом), кроме того, все они мужские и даны, как правило, в статичной позе.

Потеки темного ангоба на стенках сосудов — прием, широко применявшийся в гончарном производстве многих районов Средней Азии и Южного Казахстана в первой половине — середине I тысячелетия нашей эры. Эта традиция дожила в некоторых местах до наших дней[2]. По мнению Е. М. Пещеревой потеки могли быть магическим средством обеспечения изобилия продуктов[3]. Вполне возможно, что изображение женщины на хуме отражает то же поверье, так как культ плодородия обычно связывался с женским образом.

Датировать хумы можно весьма условно. Сосуды, аналогичные нашим, отмечены исследователями во всех слоях Шаушукумтобе[4]. Слой на глубине 2—2,5 *м*, в котором найдены хумы, предположительно можно отнести к V или началу VI века, т. е. к концу нижнего или к среднему периоду жизни городища, выделенному Е. И. Агеевой[5].

---

[1] *Л. М. Левина.* К вопросу об антропоморфных изображениях в джетыасарской культуре. В сб.: «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968.

[2] *Е. М. Пещерева.* Гончарное производство Средней Азии. М. — Л., 1959, стр. 80.

[3] Там же.

[4] *Е. И. Агеева.* Керамика городища Шаушукумтобе и ее датировка. В кн.: «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, стр. 98; *Л. М. Левина.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии нашей эры. М., 1971, стр. 141, 145, 147.

[5] *Е. И. Агеева.* Керамика городища Шаушукумтобе, стр. 92.

ПОЯСНАЯ НАКЛАДКА ИЗ ОТРАРА

В. Н. НАСТИЧ

В 1969 г. при раскопках городища Отрар, проводившихся Отрарской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, среди прочих находок в стратиграфическом раскопе на уровне пола 8 (жилое помещение), датируемого по культурному слою XIII—XIV вв., обнаружена бронзовая поясная накладка с арабской надписью [1]. Находка представляет собой довольно массивную пластинку размером 3,0×4,4 *см* из сплава золотистой бронзы, покрытую естественной патиной черного цвета, в форме прямоугольного щитка с фигурным обрезом в нижней части. С внутренней стороны накладка имеет бортик высотой 0,5 *см* и два шпенька для крепления к кожаной основе пояса (рис. 1).

Детальное рассмотрение находки позволяет заключить, что она отлита в каменной форме, состоящей из двух створок: нижней с гравировкой орнаментально-эпиграфического сюжета (для лицевой стороны накладки) и верхней с двумя литниками, одновременно служившими формой для соединительных шпеньков.

На лицевой стороне накладки помещена надпись в две строки куфическим письмом на арабском языке. Текст надписи и рисунок орнамента под ней выполнены в оригинальной манере в виде углубленных линий с выпуклым контурным окаймлением, повторяющим их очертания. Вся композиция заключена в выступающую фигурную рамку.

Текст надписи: من الله الدرجة «от Аллаха степень». Последнее слово имеет в русском языке несколько семантических вариантов: ранг, звание, чин; его можно понимать и как общественное положение.

[1] *К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.* Древний Отрар. (Топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата, 1972, стр. 60—61.

Слово الدرجة неоднократно встречается в Коране[2] и употребляется в том же значении в связи с Аллахом, распределяющим людей по степеням (или ступеням) в награду или в наказание за их поступки. Несомненно, что надпись на накладке связана по смыслу с указанными коранническими стихами.

Стиль куфи, которым оформлена надпись, известен по эпиграфическим памятникам Средней Азии, многие из них точно датированы. Полной стилистической аналогии этому почерку не обнаружено (это едва ли возможно, так как каждый мастер-каллиграф вносил в свое произведение определенные индивидуальные элементы в рамках одного общего стиля, распространенного в тот или иной хронологический период), однако выявлено множество близких параллелей, дающих основание для датировки нашей накладки.

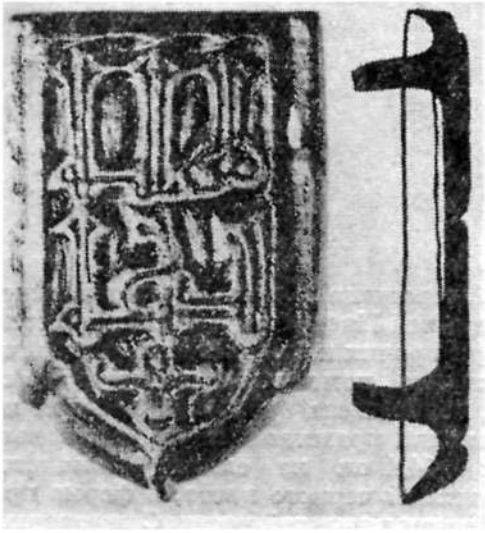

Рис. 1. Внешний вид накладки.

Наиболее ранние аналогии мы находим в надписи на ткани из Мерва конца IX в.[3] и на хорасанском ковре X в.[4], а также на фрагменте поливной керамики X в.[5] В этих памятниках уже прослеживаются некоторые характерные элементы орнаментализации куфического почерка, отмеченные и в надписи на накладке: удлинение вверх оконечностей букв типа و (вав) и ن (нун)[6], наличие «стрелок» у высоких вертикальных стволов и специфический изгиб вправо и вверх с заострением основания буквы ا (алиф).

Однако ближе всего к найденной накладке по стилю и особенностям почерка такие эпиграфические и нумизматические памятники

[2] Коран, III, 157; VI, 132; VIII, 4; IX, 20; XX, 77; XLVI, 18; LVII, 10 и др.— всего 18 раз.

[3] *В. А. Крачковская.* Арабское письмо на памятниках Средней Азии и Закавказья IX—XI веков. ЭВ, 1955, вып. X, стр. 48.

[4] *Г. А. Пугаченкова.* Искусство Афганистана. Три этюда. М., 1963, стр. 128—130, илл. на стр. 126.

[5] *В. А. Крачковская.* Эволюция куфического письма в Средней Азии. ЭВ, 1949, вып. III, стр. 14, рис. 12, *а*.

[6] Следует отметить, что на изделиях из бронзы буквы подобного начертания распространяются только в XI в. См.: *О. Г. Большаков.* Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв. ЭВ, 1958, вып. XII, стр. 31, прим. 24.

конца X—XI вв., как надпись на башне в Радкане 407—411/1016—1021 гг.[7], бронзовый фельс караханидского чекана Согда 404/1013—1014 г.[8], бронзовый монетовидный жетон XI в. из Самарканда[9], бронзовое литое зеркало из Унгерлисая (округ Тараза, совр. Джамбулский р-н), датируемое X—XI вв.[10], а также несколько недатированных серебряных изделий, опубликованных в атласе «Восточное серебро»[11]. В надписях на этих предметах наряду с отмеченными общими чертами обнаруживаются аналогии почти всем остальным эпиграфическим элементам отрарской накладки: дугообразные соединения на горизонталях между буквами, изгиб влево вершины буквы ل (лам), начальный م (мим) с заострением наверху, как в слове من), и начальная форма буквы ج (джим), оригинально трактованная круто изогнутой волнистой линией с «цветущей» оконечностью. Исключение составляет начертание в надписи буквы ر (ра) в слове الدرجة; по-видимому, ее изображение в архаической форме (короткой вертикальной черточкой), типичной для легенд ранних аббасидских дирхемов, но не характерной для сравниваемых памятников, допущено с целью сохранения композиции.

Один из упомянутых предметов заслуживает особого внимания: это бронзовое зеркало из Унгерлисая. На нем воспроизведена сцена охоты с круговой арабской надписью — благопожеланием امن من آمن بالله «(Да пребудет) в безопасности тот, кто уверовал в Аллаха!»[12], повторенная четырежды. Стиль почерка, индивидуальные элементы надписи и манера ее исполнения наиболее близки нашей накладке. Лунницы, разделяющие текст надписи, напоминают рисунок орнамента в нижней части щитка. Все вместе, в том числе сплав металла и способ изготовления зеркала, дает основание полагать, что оба предмета изготовлены примерно в одно время и если не в одном и том же ремесленном центре, то во всяком случае в традициях одной художественно-каллиграфической школы.

Рисунок надписи на накладке содержит дополнительные художественные элементы в виде добавочных стволов (по одному в начале

---

[7] *В. А. Крачковская.* Эволюция куфического письма в Средней Азии, стр. 16—17, рис. 17.

[8] *М. Н. Федоров.* Об одной группе караханидских монет 388—404 гг. х. ЭВ, 1971, вып. XX, стр. 86. Более или менее близкий стиль почерка отмечен и на некоторых других монетах ранних Илеков.

[9] *А. К. Марков.* Арабский жетон-амулет. «Записки нумизматического отделения Русского археологического общества», т. I, вып. 1, СПб., 1906, стр. 80—82.

[10] *Г. Н. Балашова.* Бронзовое зеркало со сценой охоты. Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа (далее: Труды ОВГЭ), т. III. Л., 1940, стр. 257—262; *Т. Н. Сенигова.* Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, стр. 165—166, рис. 36.

[11] «Восточное серебро. Атлас серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи». СПб., 1909, табл. LXXIX и LXXX, № 142; табл. LXXXII, № 147 и 150.

[12] Перевод наш. У Г. Н. Балашовой: «Безопасен тот, кто верует в бога» (указ. работа, стр. 259).

и конце первой строки и два в конце второй), оформленных наподобие буквы ا (алиф). Такой прием орнаментализации куфического текста известен по некоторым среднеазиатским памятникам X—XII вв., самый ранний из них — эпитафия на надгробии Насир ад-даула Себуктегина (ум. в 387/997 г.) в Газне [13].

Стилистически близки нашей надписи и некоторые памятники XII в., например, верхняя надпись на северном минарете Мешхед-и Мисриан 495/1103 г. [14] и эпиграфический поясок на бронзовом котелке из Герата 1163 г. [15], но в них уже значительно усложнена и геометризована художественная форма письма. Исходя из этого, наиболее вероятная датировка нашей накладки — первая половина XI в.

Рис. 2. Прорисовка надписи и орнамента на накладке.

Из ближайших аналогий исключительный интерес для нас представляет обломок поясной накладки с фрагментом куфической надписи, найденный на городище Варахша среди предметов, датируемых IX—XII вв.[16] Форма этой накладки сходна с отрарской: она почти прямоугольная (с незначительным сужением к краю), с фигурным обрезом и отогнутым бортиком. Эпиграфический фрагмент, сохранившийся на ней, напоминает по начертанию последнее слово в нашей надписи (الدرجة); более того, его элементы аналогичны по форме и расположению элементам нашей накладки (рис. 2). Между тем искажения в передаче письменных форм варахшской находки настолько значительны, что исключают осмысленное чтение. Вероятно, эта надпись является грубым подражанием более раннему образцу, идентичному или, по крайней мере, подобному отрарской надписи. Вполне возможно, что изречение на накладках — это один из канонизированных элементов оформления поясов того времени.

[13] *В. А. Крачковская.* Эволюция куфического письма в Средней Азии, стр. 18.

[14] *М. Е. Массон.* Новые данные о надписях одного Мешхед-и Мисрианского минарета. ЭВ, 1953, вып. VII, стр. 13—15.

[15] «Гератский бронзовый котелок 559 года гиджры (1163 г. по Р. Х.) из собрания графа А. А. Бобринского». («Материалы по археологии России», № 33). СПб., 1910, табл. I, VI—VIII.

[16] *В. А. Шишкин.* Варахша. М., 1963, стр. 45 и 47, рис. 9.

Очевидно, что варахшская накладка изготовлена позднее отрарской, поэтому ее можно отнести к поздней границе датировки всего комплекса из Бухарского оазиса, т. е. к концу XI или к XII в.

О принадлежности отрарской и варахшской находок к наборному поясу свидетельствуют многочисленные аналогии этим предметам по внешнему виду, материалу, способу изготовления, художественному и стилистическому оформлению, известные по археологическим комплексам второй половины I — начала II тысячелетия нашей эры [17].

Самые ранние из этих находок датируются IV—VII вв. [18], однако основная часть их относится к VIII—IX вв.; поясные наборы более позднего времени встречаются, хотя и реже, вплоть до XIV в. [19] На широкое распространение боевых поясов с наборными металлическими украшениями среди кочевых племен раннего средневековья указывает район их находок — от Енисея и Тувы до волжских и донских степей, включая значительную территорию Казахстана и Средней Азии. Изображение наборных поясов сохранилось на каменных изваяниях

---

[17] См.: *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 300—306, 313, 329—330, 358—359 и 588; Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». МИА, № 14, 1950, стр. 123—126; *М. И. Артамонов.* Саркел — Белая Вежа. МИА, № 62, 1958, стр. 54; *Л. Р. Кызласов.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 годах. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. II. М., 1959, стр. 216; *Е. И. Агеева, А. Г. Максимова,* Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7. Алма-Ата, 1959, стр. 51 и 53; *В. П. Шилов.* Калиновский курганный могильник. МИА, № 60, 1959, стр. 514 и 516; *А. Г. Максимова.* Погребение поздних кочевников. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8. Алма-Ата, 1960, стр. 180—181; *А. А. Гаврилова.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, стр. 39, 89 и 96; *В. И. Распопова.* Поясной набор Согда VII—VIII вв. СА, 1965, № 4, стр. 80; *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. МИА, № 142, 1967, стр. 161—166; *Л. Р. Кызласов.* История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 22, 64, 72, 98 и 105; *Ф. Х. Арсланова.* Погребение тюркского времени в Восточном Казахстане. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 44—46 и 54—56; *Б. Нурмуханбетов.* Новые данные по археологии тюркского времени Южного Казахстана. Там же, стр. 162—164; *А. К. Амброз.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы (окончание). СА, 1971, № 3, стр. 118, 126—127; *Ф. Х. Арсланова.* Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье. В кн.: «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 56—58 и 69; *Joachim Werner.* Nomadische Gürtel bei Persern, Byzantinern und Langibarden. La Civiltá dei Longobardi in Europa. (Problemi attuali di scienza e di cultura, Quaderno N. 189), Roma, Accademia Nazionale dei Lincei, 1974, pp. 109—139, tab. V—XVI; и др.

[18] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. МИА, № 142, 1967, стр. 161.

[19] Наборные пояса сохранились до последнего времени в казахской и киргизской национальной одежде. См.: *Ч. Ч. Валиханов.* Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. Сочинения в 5-ти томах, т. 1. Алма-Ата, 1961, стр. 468; *Э. А. Масанов.* Кузнечное и ювелирное ремесла в казахском ауле (вторая половина XIX— начало XX в.). В сб.: «Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана». Алма-Ата, 1961, стр. 161 и 169—170.

тюрков[20], на фресках из Пенджикента[21], Афрасиаба[22] и Варахши[23], в настенной росписи казарм тюркской гвардии в Самарре времени Аббасидов[24]. Боевой пояс имеется и в одежде всадника на зеркале из Унгерлисая. Употребление боевых поясов с наборными украшениями обычно связывают с тюркским обычаем[25].

Однако если поясные наборы мусульманского периода вообще встречаются в достаточном количестве, то поясов с эпиграфическим оформлением среди них известны единицы. Кроме варахшской накладки, можно назвать еще два комплекса предметов подобного рода — Белогостицкий клад (1836 г.) и клад из с. Мышеловка под Киевом (1896 г.)[26] и несколько серебряных поясных наконечников из станицы Белореченской на Кубани, украшенных нечитаемой имитацией арабского письма[27]. Причем эти наборы изготовлены позднее, чем накладки из Отрара и Варахши.

По свидетельствам письменных источников X—XI вв., наборные пояса широко использовались в раннемусульманской Средней Азии. Так, в сочинении Низам ал-мулька «Сийасет-наме» (конец XI в.) описывается карьера тюркского раба при дворе Саманидов: «...На третий год (службы) он получал особый пояс (карачур)»[28]. Историк Гардизи в своем труде «Зейн ал-ахбар» (середина XI в.) сообщает о том, что караханидский правитель Кашгара Йусуф Кадыр-хан в 1025 г. среди подарков Махмуду Газневи послал тюркских рабов с золотыми поясами, и упоминает эти пояса «среди произведений Туркестана»[29]. По сведениям современника Гардизи, придворного летописца Газневидов Абу-л-Фазла Бейхаки, высокопоставленные особы и воины-гулямы при дворе Мас'уда надевали в торжественных случаях золотые и «златосеребряные» пояса «на турецкий пошиб»[30].

Приведенные сведения говорят о том, что в среде тюркского воинства данный атрибут боевого снаряжения был особым знаком отли-

---

[20] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам, стр. 163; *Л. Р. Кызласов.* История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 28, 30, 80—81.

[21] «Живопись древнего Пянджикента». М., 1954, табл. VIII, X, XXXVII—XXXIX.

[22] *L. I. Albaum, B. Brentjes.* Wächter des Goldes. Zur Geschichte und Kultur mittelasiatischer Völker vor dem Islam. Berlin, 1972, S. 187, 206—207, Abb. 130 u. 157—158.

[23] *В. А. Шишкин.* Варахша. М., 1963, табл. XIV.

[24] *В. И. Распопова.* Поясной набор Согда VII—VIII вв., СА, 1965, № 4, стр. 91.

[25] *В. И. Распопова.* Согдийский город и кочевая степь. КСИА, № 122, 1970, стр. 86; *M. Mavrodinov.* Le Trésor protobulgare de Nagyszentmiklos. Archaeologia Hungarica, 29, 1943, p. 198.

[26] *Г. Ф. Корзухина.* Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1954, стр. 32, 40, 103—104 и 133, табл. LVI, № 1—3, 9 и 10.

[27] *К. А. Ракитина.* Группа серебряных украшений из кубанских могильников XIV—XV вв. Труды ОВГЭ, т. III. Л., 1940, стр. 214—215, табл. II.

[28] См.: *В. В. Бартольд.* Соч., т. I. М., 1963, стр. 286.

[29] Там же, стр. 346.

[30] *Абу-л-Фазл Бейхаки.* История Мас'уда. 1030—1041. Пер. А. К. Арендса. Ташкент, 1962, стр. 257, 270, 274 и др.

чия [31]. Это подтверждает и надпись на нашей накладке, содержание которой можно трактовать как напоминание воину о его месте и обязанностях в мусульманском обществе [32].

Сравнение накладки из Отрара по форме с другими найденными поясными наборами позволяет предположить, что это наконечник так называемого подвесного ремешка — распространенный элемент украшения боевого пояса [33], который, по-видимому, также являлся специфическим знаком отличия [34]. В том, что наша накладка предназначалась для подвесного ремешка, свисавшего с пояса, убеждает ее форма, размер, соотношение длины и ширины, а также расположение на ней надписи. Накладные декоративные бляшки, прикрепленные по всей длине к поясу, были, как правило, небольшими, тонкими и разнообразными по форме. Наконечник же основного ремня, тоже имевший форму щитка, делался у́же и намного длиннее; надпись на нем была продольной и читалась при его горизонтальном положении. Таким наконечником, судя по всему, являлась накладка из Варахши.

Интересен орнаментальный сюжет в нижней части накладки из Отрара. С одной стороны, в нем прослеживается преемственность художественного стиля памятников более раннего периода. Достаточно сравнить этот сюжет с изображениями «личин» в рогатых головных уборах на поясных бляшках из Салтовского могильника [35]. С другой стороны, он композиционно близок памятникам изобразительного искусства Ирана V—VII вв. Головные уборы многих сасанидских царей (так называемые кулахи) на скульптурных портретах [36], монетах [37] и художественных серебряных блюдах [38] увенчаны навершиями в виде полумесяца на ножке с шарообразной фигурой над ним. Этот сюжет сохраняется позднее и в согдийской торевтике, обнаруживающей тесные стилистические связи с искусством иранских чеканщиков. Изображения царственных особ на серебряных блюдах из Средней Азии

---

[31] *В. И. Распопова.* Поясный набор Согда VII—VIII вв. СА, 1965, № 4, стр. 89—91; *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам, МИА, № 142, 1967, стр. 161.

[32] Ср.: Коран, VI, 132: «У каждого — ступени по тому, что они делали»; Коран, IX, 20: «Те, которые уверовали... и боролись на пути Аллаха... выше они степенью у Аллаха». (Пер. И. Ю. Крачковского).

[33] *А. К. Амброз.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. СА, 1971, № 3, стр. 127.

[34] *А. А. Гаврилова.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, стр. 89; *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам, МИА, № 142, 1967, стр. 161.

[35] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам, стр. 162—163, рис. 44, № 57—59.

[36] *Ричард Фрай.* Наследие Ирана. М., 1972. Иллюстрации, рис. 107; *Hans-Christian Lothe.* Sichel des Zorns. Kulturgeschichtlicher Roman mit Illustrationen von Ursula Mattheuer — Neustädt. Leipzig, Prisma — Verlag, 1971, Illustrationen, Abb. 14.

[37] *К. В. Тревер.* Художественное значение сасанидских монет. Труды ОВГЭ, т. I. Л., 1939, стр. 259 и табл. VIII, № 1—2; *М. И. Камера, К. В. Голенко.* Ленинаканский клад сасанидских и византийских монет (1956 г.). «Византийский временник», т. XIX, 1961, стр. 186 и табл. VIII, № 92.

[38] «Восточное серебро», табл. XXIV, № 51 и табл. XXXI, № 59; *К. В. Тревер.* Отражение в искусстве дуалистической концепции зороастризма. Труды ОВГЭ, т. I. Л., 1939, стр. 243 и табл. X; *Ричард Фрай.* Наследие Ирана, рис. 125.

и Хорасана VII—IX вв. зачастую украшены кулахами сасанидского типа с такой же фигурой наверху [39]. Иногда вместо полумесяца (или же вместе с ним) довольно стилизованно переданы распростертые крылья, очертания которых очень напоминают по форме орнамент на накладке[40]. Подобные сюжеты в произведениях согдийских мастеров раннемусульманской эпохи, вероятно, воспринимались как канонические элементы царской иконографии.

В этой связи следует обратить внимание на серебряное блюдце со сценой царского пира, найденное в Ямало-Ненецком национальном округе [41]. На нем изображен сидящий на троне правитель с монголоидными чертами лица, в богатых одеждах, опоясанных двойным наборным поясом, в короне с крыльями и полумесяцем, близкой по типу кулаху Пероза (459—484), в окружении придворных в поясах и рогатых шапках. Кстати, двурогие шапки постоянно фигурируют у Бейхаки среди принадлежностей «парадного» одеяния наряду с поясами [42]. Учитывая эти и некоторые другие признаки, совершенно несвойственные ни иранской, ни среднеазиатской торевтике VI—IX вв., Б. И. Маршак относит изготовление данного блюдца ко двору Газневидов конца X—XI вв. [43] С таким определением хронологически и, до известной степени, географически совпадает и определение нашей находки.

Характеристика отрарской накладки будет неполной, если не отметить еще одну немаловажную ее особенность — удачное орнаментально-эпиграфическое оформление и высокое каллиграфическое мастерство исполнителей надписи. В оформлении накладки можно проследить даже некоторые черты антропоморфного стиля, известного для поясных наборов по упоминавшимся салтовским бляшкам, а также по инвентарю Тюяхтинского клада, датированного X в. [44] Если внимательно всмотреться в рисунок, образованный надписью и орнаментом, то нетрудно увидеть в нем некоторое сходство с человеческим лицом и выделить его основные черты. Особенно явно это сходство в прорисовке надписи (рис. 2). Не исключено, что подобная ассоциация — не более чем иллюзия, порожденная случайным сочетанием эпиграфических элементов композиции. Но она вряд ли беспочвенна, если принять во внимание влияние мусульманской догматики на культуру и

---

[39] «Восточное серебро», табл. XXVIII, № 56; табл. CXXIII, № 309 (ср.: *Ричард Фрай.* Наследие Ирана, рис. 112); *L. I. Albaum, B. Brentjes.* Wächter des Goldes, S. 200, Abb. 150.

[40] «Восточное серебро», табл. XXXV, № 64; *Б. И. Маршак.* Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М., 1971. Иллюстрации, рис. 9 и 10.

[41] *К. В. Тревер.* Новое «сасанидское» блюдце Эрмитажа (из истории культуры народов Средней Азии). В сб.: «Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели». М. — Л., 1960, стр. 256—270.

[42] *Абу-л-Фазл Бейхаки.* История Мас'уда. 1030—1041. Пер. А. К. Арендса. Ташкент, 1962, стр. 257, 270, 274, 435, 478—479 и др.

[43] *Б. И. Маршак.* Согдийское серебро, стр. 66—68; Иллюстрации, рис. 29.

[44] *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 358—359, табл. LXI.

искусство народов Средней Азии, где суннитский ислам, по словам А. Н. Бернштама, «вытравил всю живопись доарабского времени, дав в значительной степени волю воображению мастера только в области орнаментальных ухищрений» [45].

Тюркские боевые пояса были широко распространены в Средней Азии с глубокой древности. В мусульманскую эпоху, начиная со времени государства Саманидов, эти атрибуты воинского снаряжения постепенно развивались, приспосабливаясь к требованиям новой идеологии и вместе с тем сохраняя, насколько это было возможно, верность народным традициям.

Потребности Арабского халифата, а позднее и других отделившихся от него мусульманских государств в военной силе покрывались в значительной мере за счет притока тюркских рабов из Средней Азии[46]. После разгрома Саманидов их владения были поделены между караханидскими и газневидскими правителями. Округ Фараб, к которому относился город Отрар, и соседний с ним Исфиджаб в 992—996 гг. были заняты войсками Илеков, а к середине XI в. вошли в состав одного из восточнокараханидских уделов.

Илеки поддерживали обширные экономические и политические связи с Газневидами. И у тех, и у других дворцовая гвардия и войско состояли из тюркских наемников и рабов [47]. Пояса-карачуры, украшенные наборами металлических орнаментированных накладок, были постоянным элементом их обмундирования.

Трудно сказать с достоверностью, где изготовлялись эти пояса. Однако, если учесть сообщение Гардизи об их происхождении из Туркестана, то можно утверждать, что местом их производства были некоторые из ремесленных центров восточнокараханидского государства. Причем высокие технические и художественные качества исполнения поясных наборов, судя по нашей накладке, предполагают их производство в достаточно крупных и известных центрах. Такими центрами, занимавшимися изготовлением предметов вооружения из железа и меди еще в саманидское время, ал-Мукаддаси (чаще упоминаемый как ал-Макдиси) называет Фергану и Исфиджаб [48]. В Фергане разрабатывались и залежи цветных металлов, в частности меди и олова, служивших сырьем для этого производства [49]. Несомненно, эти центры функционировали и в период расцвета государства Илеков, и наша находка вполне могла быть изготовлена в одном из них.

---

[45] *А. Н. Бернштам.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 150.

[46] *К. Э. Босворт.* Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. Пер. с англ. П. А. Грязневича. М., 1971, стр. 146.

[47] *Б. Г. Гафуров.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972, стр. 342—347.

[48] *В. В. Бартольд.* Соч., т. I. М., 1963, стр. 295.

[49] *Б. Г. Гафуров.* Таджики, стр. 350—352.

КАТАКОМБЫ БОРИЖАРСКОГО МОГИЛЬНИКА

Б. Н. НУРМУХАНБЕТОВ

В 1956 г. был опубликован отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции, в котором описаны результаты раскопок Борижарского могильника [1]. В последующий период, занимаясь различными вопросами раннесредневековой истории Средней Азии и Казахстана, исследователи не оставляли без внимания этот могильник [2]. На основе материалов предварительного сообщения сложилось мнение, что памятник сооружен в относительно короткие сроки, ограниченные древнетюркским временем. Причиной тому явились кажущаяся однородность опубликованных материалов и устойчивость черт погребального обряда.

Между тем остались нерешенными такие вопросы, как четкое определение хронологических рамок памятника и выявление этнических компонентов оставившего его населения, для чего весьма важно было изучение обряда погребения. Возобновленные с 1967 г. раскопки Борижарского могильника позволили ответить на этот вопрос. Так, из комплекса погребального обряда по одной только категории признаков, как погребальные конструкции, установлены основные типы сооружений[3]:

[1] *Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич.* Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. I. Алма-Ата, 1956, стр. 53—55.

[2] *Т. Агзамходжаев.* Раскопки погребальных курганов близ станции Вревской. «История материальной культуры Узбекистана». Вып. 2. Ташкент, 1961, стр. 235; *Л. М. Левина.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии нашей эры. М., 1971, стр. 217—218; *В. И. Распопова.* Поясной набор Согда VII—VIII вв. СА, 1965, № 4, стр. 88; *Т. Н. Сенигова.* Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, стр. 38, 53; *А. Г. Максимова.* Гробница типа науса у с. Чага (Шага). В кн.: «В глубь веков». Алма-Ата, 1974, стр. 115.

[3] Подробности см.: Б. Нурмуханбетов. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 108—120; *его же.* Работы Борижарского отряда. Сб. «Археологические открытия 1971 года». М., 1972, стр. 502—504.

1) погребальные площадки на дневной поверхности;
2) грунтовые могильные ямы;
3) погребальные хумы;
4) наземные погребальные постройки из пахсы.

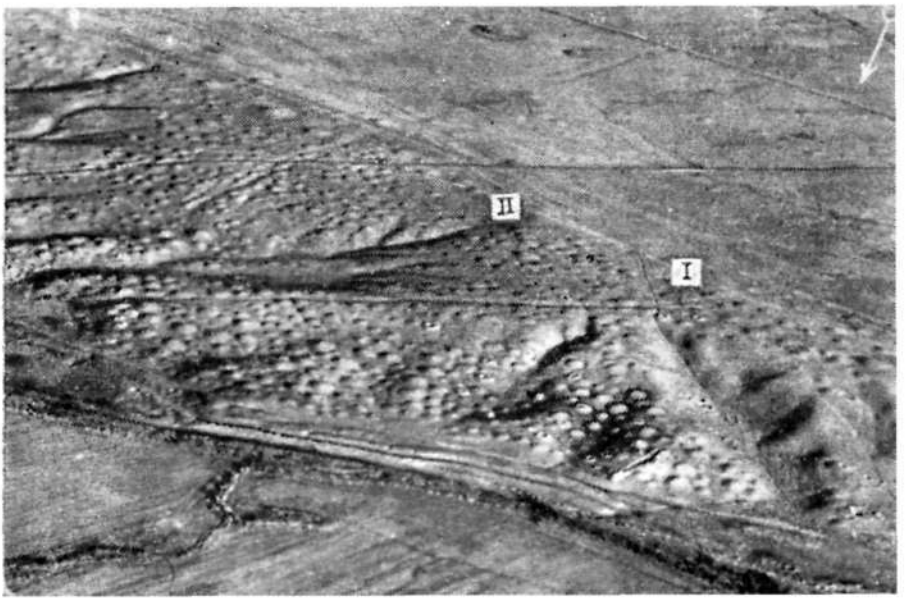

Рис. 1. Борижарский могильник. Срединный участок. Снимок с самолета: I — раскопаны Южно-Казахстанской археологической экспедицией в 1949 г. и в 1951 г.; II — объекты работ Борижарского отряда.

Выделенные типы погребального обряда зафиксированы на небольшом по сравнению с общей площадью могильника участке, расположенном поблизости от городища Жуантобе. Между тем многочисленные курганные группы, занимающие водораздел реки, оставались неизученными. Причиной этому был предостерегающий опыт предшественников. Здесь в 1949 г. Южно-Казахстанская археологическая экспедиция [4] вскрыла два кургана (рис. 1). Они оказались пустыми. Не удалось проследить даже границ могильных ям[5]. Исследователи, решив, что они неудачно выбрали объекты, продолжили свои работы в 1951 г., но и на этот раз в четырех раскопанных курганах никаких следов захоронений не обнаружили и пришли к выводу, что эти кур-

[4] Начальник экспедиции А. Н. Бернштам, научные сотрудники Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич, А. Джусупов, И. И. Копылов.

[5] *А. Н. Бернштам.* Отрарский оазис в раннем средневековье. (Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции за 1949 г.). Рукопись ИИАЭ АН КазССР, ф. 1, д. 58, стр. 10.

ганы без характерных ровиков вокруг полы[6] являются поминальными курганами — кенотафами [7].

Считать пустые курганы кенотафами, конечно, можно, если они действительно были пустыми. А если нет? Если они содержали остатки трупосожжения на вершине насыпи или возле кургана? Чтобы удостовериться в правомочности этих предположений, мы возобновили раскопки. Учтя полевую практику предшественников, мы включили в площадь раскопа территорию вокруг курганов. В результате был открыт не ожидаемый обряд трупосожжения, а захоронения в катакомбах. Это уже пятый по счету тип погребального обряда Борижарского могильника.

Дадим характеристику этим погребениям.

Курганы с захоронениями в катакомбах выявлены пока на двух участках громадного могильника.

Первый находится на его северо-восточной окраине, в 1 *км* на северо-запад от сторожевой башни Караултобе. Здесь на небольшой площади, примыкающей к речной долине, насчитывается 23 земляных насыпи. В двух из пяти раскопанных курганов обнаружены захоронения в катакомбах.

Курган 8. Насыпь округлая в плане с уплощенной поверхностью. Высота 0,9 *м*, диаметр 10 *м*. Катакомба подкурганная, располагается в юго-западной части насыпи. Дромос начинается от края юго-западной полы кургана и далее узкой (0,6 *м*) с небольшим наклоном траншеей примыкает к камере. Длина его 4 *м*, высота стен в начале 0,7 *м*, в конце 2,3 *м*. Вход прорублен в нижней части вертикальной стены дромоса. Камера овальная со сводчатым потолком. Длина ее 2,4 *м*, ширина 0,9 *м*, высота 0,8 *м*. Умерший положен на дно камеры, вытянуто на спине, головой на ЮЮВ. У черепа стоял глиняный горшок (табл. I, *3*) высотой 17 *см*, изготовленный ручной лепкой из глины с примесью дресвы. Черепок рыхлый. Поверхность сильно закопчена. У него вытянутое округлое тулово, низкая шейка и отогнутый наружу плоский край. Диаметр венчика 12 *см* и дна 10 *см*. У ног погребенного найдены глиняный миниатюрный сосудик (табл. I, *4*) и плоское дисковидное зеркало. Кувшинчик высотой 9 *см* имел округлый вытянутый корпус, сравнительно высокое горло, отогнутый наружу плоский край. Поверхность его закопчена. Диаметр дна и горла по 5 *см*.

Курган 9. Насыпь округлая с уплощенной поверхностью. Высота 1 *м*, диаметр 11 *м*. Катакомба подкурганная, расположена в юго-восточном секторе насыпи[8]. Умерший положен вытянуто на спине, головой на ЮЮВ. У черепа обнаружены два глиняных сосуда (табл. I, *1, 2*). Первый кувшин с высоким яйцевидным туловом, низкой шейкой и

[6] Это типично для большинства курганов, расположенных на гребне террасы.

[7] *А. Н. Бернштам.* Отрарский оазис в раннем средневековье, стр. 10; *Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич.* Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года, стр. 55.

[8] Катакомба отличается от предыдущей только размером, поэтому ее описание мы не даем.

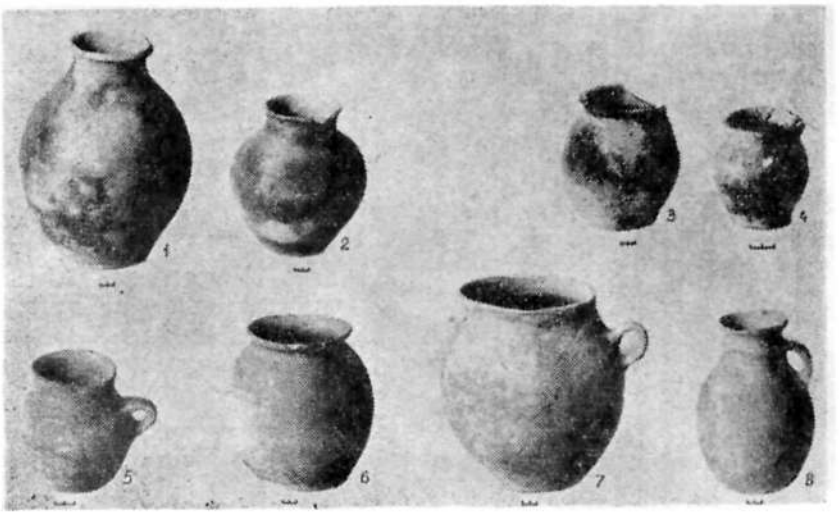

Таблица I. Керамика из катакомб: *1—2* (курган 9); *3—4* (курган 8), *5—8* (курган 3).

отогнутом наружу подтреугольным венчиком. На покатом плечике прочерчен кругом в три ряда линейный орнамент. Диаметр дна 13 *см*, горла 9 *см* и венчика 10 *см*. Высота сосуда (30 *см*) намного больше наиболее широкой части тулова (23 *см*). Он изготовлен из плохо отмученной глины. Поверхность его сильно закопчена. Второй кувшин имел хорошо выраженное почти прямое горло и отогнутый наружу венчик. Шаровидное тулово (диаметр 19 *см*) немного меньше высоты сосуда (20 *см*). Диаметр горла (9,5 *см*) почти равен диаметру дна (9 *см*). Сосуд ручной лепки. Поверхность его сильно закопчена.

Второй участок, где обнаружены захоронения в катакомбах, находится в центральной части могильника (рис. 1), напротив, городища Жуантобе, в 4 *км* на ЮЗ от описанной группы.

Курган 2 (табл. III), высота 1,4 *м*. Насыпь полуяйцевидной, вытянутой меридионально (14,5×13 *м*) формы. Катакомба расположена за ее пределами. Дромос начинался в 3 *м* от северо-восточной полы кургана и узкой с большим наклоном траншеей упирался в арочный вход (рис. 2), прорубленный у самого пола. Ширина его 0,4 *м*, высота 0,5 *м*. Продольные стороны дромоса отвесны и гладко оштукатурены. Размер: глубина в начале 1 *м*, в конце 3,1 *м*; ширина в начале 0,5 *м*, в конце 0,7 *м*, длина 6,2 *м*. Камера расположена поперек дромоса. Она округло-эллипсовидной формы со сводчатым потолком. Длина 2,2 *м*, ширина 1,45 *м*, высота 1,1 *м*. Пол ниже пола дромоса на 0,15 *м*. В камере отмечено парное погребение. Умершие лежат на спине плечом к плечу и лбом в лоб, ориентированы головами на СВ, справа от входа. Руки вытянуты вдоль тела у одного, слегка согнуты в

локтях и кисти соединены на тазовых костях у другого. Нижние конечности скелетов повернуты друг к другу и скрещены.

Расположение скелетов свидетельствует об одновременности их захоронения. Около тазовых костей первого скелета найдены сильно коррозированные обломки железной (по-видимому, щитковой) пряжки. Прямо перед входом стояли два глиняных сосуда (табл. III). Слева от входа лежал камень. У одной кружки было широкое плоское дно, слегка отогнутый простой край и петлеобразная ручка в верхней части тулова. Вертикальная ручка другой кружки прикреплена также к верхнему краю, но слегка поднимается над его уровнем. Кружки ручной работы. Поверхность их покрыта светлым ангобом.

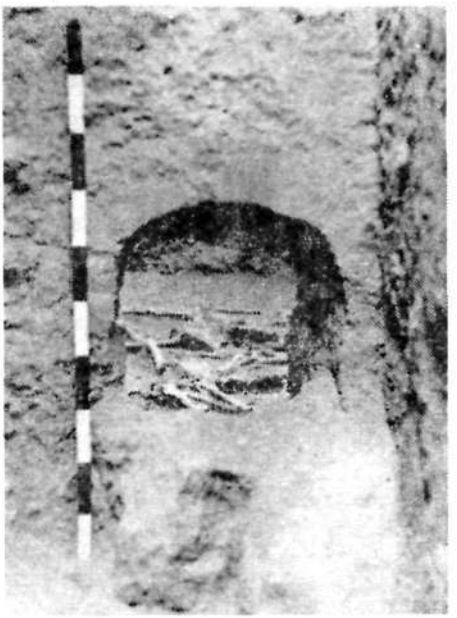

Рис. 2. Вход в погребальную камеру, курган 2.

Курган 3 (рис. 3)[9]. В камере катакомбы обнаружены скелеты четырех погребенных. В анатомическом порядке покоятся три. Они положены вытянуто на спине, головой на СВ, справа от входа. Руки вытянуты вдоль тела, ноги полусогнуты в коленях. Куча костей от четвертого скелета находилась у ног центрального и третьего. Расположение скелетов свидетельствуют о разновременности захоронений. Под левой височной костью первого скелета лежал бронзовый колокольчик. Он выпукло-конической формы с язычком-раковиной, подвешенным шерстяной ниткой на горизонтальной перекладине. Звон однозвучный и приятный. Здесь же выявлены различные мелкие бусы и обломки серьги и бронзовой проволоки.

Обе руки несколько ниже локтевого сустава обвиты украшениями. Эти своеобразные браслеты составлены из раковин каури и различных бус, нанизанных вперемежку. На малом тазу центрального скелета оказалась бесщитковая железная пряжка. Она с округлой рамкой и подвижным язычком. Отдельные части аналогичной пряжки и железного однолезвийного ножа собраны около тазовых костей третьего скелета.

В разных точках камеры находились четыре различной формы глиняных сосуда (табл. 1, *5—8*). Кружка и горшок стояли между ног

[9] Насыпь и катакомба подобны описанным, но больше размером.

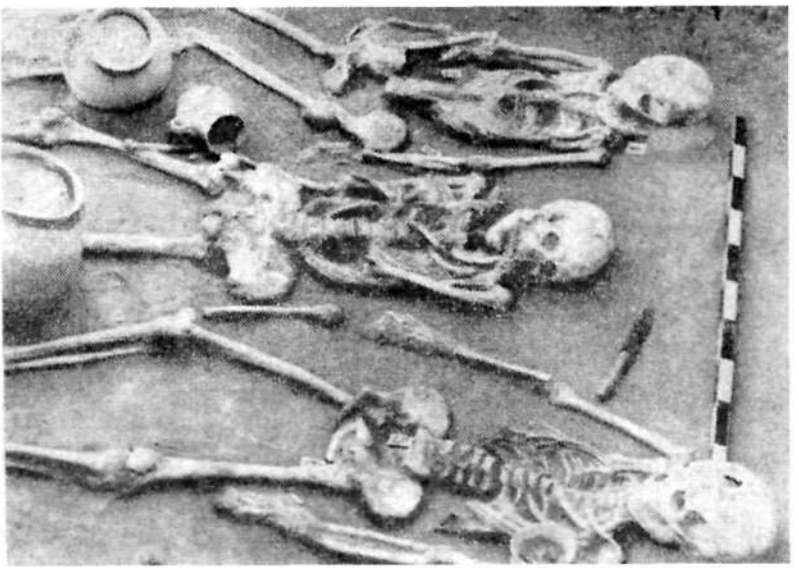

Рис. 3. Захоронения в камере, курган 3.

первого и центрального погребенных. У кружки плоское дно, простой слегка суженный край. Петлеобразная ручка посажена на верхнюю часть тулова. Горшок с приземистым, почти шаровидным туловом. Диаметр венчика (15 *см*) равен диаметру дна. Высота сосуда 21 *см*. Он украшен по плечику прочерченным в два ряда волнистым орнаментом. Третий сосуд — горшок с двумя симметрично расположенными вертикальными петлеобразными ручками. Он стоял между ног центрального и третьего скелетов. Четвертый сосуд также горшок, найден около левой плечевой кости третьего скелета. У горшка относительно высокое тулово, почти прямое горло, чуть отогнутый наружу подтреугольный венчик. На нижней части горла имеется валик, образованный изгибом его стенки. Ручка прикреплена верхним концом к валику, нижним — к плечику. Вся посуда изготовлена на круге. Поверхность ее покрыта светлым ангобом.

Таковы основные черты погребального обряда вскрытых курганов. Охарактеризуем отдельные атрибуты могильного устройства.

Катакомбы располагаются либо под курганом, либо за пределами насыпи. Все конструктивные элементы погребальных сооружений сохранились хорошо. Ходы-дромосы длиной от 2 до 7 *м*. Стенки их отвесные, иногда гладко оштукатурены. Дно с наклоном. Входы в катакомбы прорублены у пола в конце дромоса. Они примыкают по середине или ближе к одному из краев камеры. Погребальные камеры овально-округлые со сводчатым потоком. В них содержится одно или

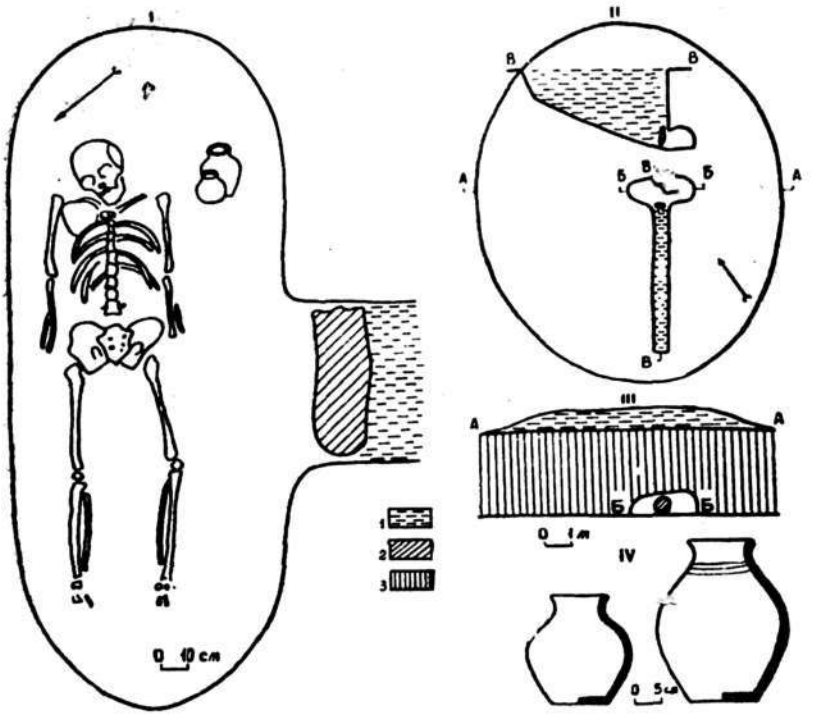

Таблица II. Погребальный обряд и вещи, курган 9: I — захоронение в камере; II — план; III — разрез; IV — глиняные сосуды. *Условия обозначения*: *1* — лессовая насыпь и заполнение дромоса; *2* — забутовка входа; *3* — материк.

более захоронений. Умершие лежали на спине, головой на СВ, справа от входа. Расположение скелетов свидетельствует об одновременности и разновременности помещения трупов в камеры. После похорон дромос забивали материковым грунтом, а вход — глиняными комьями. Сами камеры оставались полыми.

Из анализа полученных данных видно, что общее для всех захоронений — это наличие катакомб. В остальном — могильное устройство, ритуал и керамика — они различны. Однако положив в основу ряд характерных признаков, раскопанные курганы можно объединить в две группы.

Признаки	1 группа (курганы 8 и 9)	2 группа (курганы 2 и 3)
Вершина	Плоская	Округлая
Катакомба	Подкурганная	За пределами кургана

Вход	По продольной оси дромоса	Отделен от дромоса
Камера	Одиночная	Несколько погребенных (2—4)
Ориентировка	ЮЮВ	СБ
Оружие	Нет	Есть

Подкурганные погребения в катакомбах обнаружены во всех среднеазиатских республиках[10]. Немало их и на юге Казахстана. Для

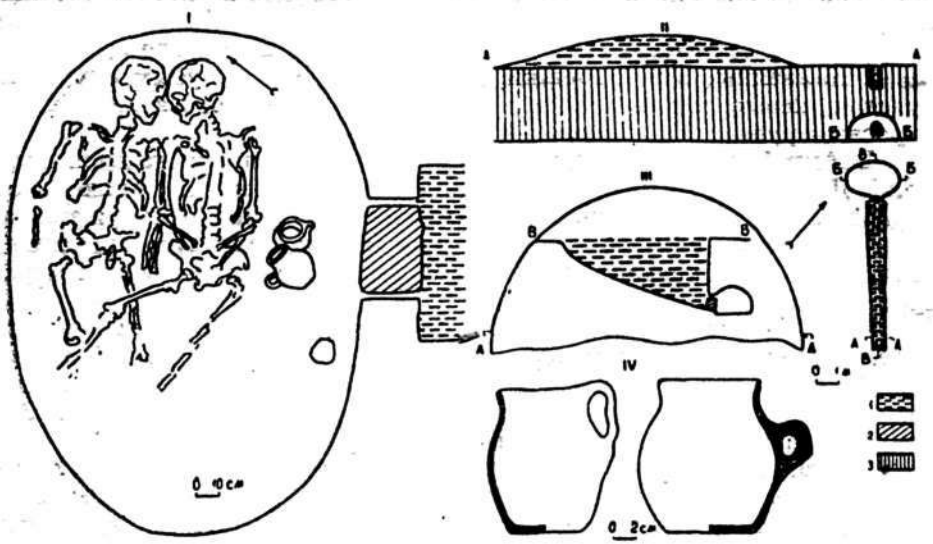

Таблица III. Погребальный обряд и вещи, курган 2: I — парное захоронение в камере; II — разрез; III — план; IV — глиняные сосуды. *Условные обозначения: 1* — лёссовая насыпь и заполнение дромоса; *2* — забутовка входа; *3* — материк.

археолога, впервые столкнувшегося в полевой практике с катакомбами, все аналогии, исходя из формального признака — конструкции могил, — кажутся приемлемыми. Однако количество аналогичных данных так велико и характер материала так многолик, что следует ограничиться его узким территориальным сопоставлением. При этом надо сравнивать показатели целых комплексов. Этим требованиям, на

[10] *С. С. Сорокин.* Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения, как памятники местной культуры. СА, 1956, XXVI, стр. 97—117; *О. В. Обельченко.* К изучению курганных погребений в Средней Азии. «История материальной культуры Узбекистана», вып. V. Ташкент, 1964, стр. 213—232; *его же.* Из истории изучения курганных погребений в Средней Азии. «История материальной культуры Узбекистана», вып. VI. Ташкент, 1965, стр. 185—200; *И. Кожамбердиев.* Катакомбные памятники Таласской долины. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 33—77; *Б. А. Литвинский.* Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972, стр. 9—15.

наш взгляд, отвечает археологический материал из могильников средней Сырдарьи — Жамантогай, Актобе и Шаушукумский. К тому же все они расположены в одном локальном районе. Важно и то, что рядом с каждым исследованы одновременные с ними оседлые поселения, материалы из которых также могут быть использованы.

В могильнике Жамантогай из девяти раскопанных курганов катакомбными оказались четыре. Дромосы катакомб имели поперечные и продольные ступеньки. Захоронения одиночные. Умершие лежали на спине, головой на В или СВ. В погребальном инвентаре оружия не было. Найденные в нем горшки, как и наши, с вытянутым округлым туловом, невысокой шейкой и с темной поверхностью. Катакомбы датированы рубежом нашей эры[11].

В Актобинском могильнике изучены восемь подкурганных катакомб. Дромосы в плане прямоугольные. Катакомбы примыкают к северной или северо-западной стенкам дромоса. В них обнаружены от двух до четырех захоронений. Костяки лежали вытянуто на спине, головой на СВ. Парные и коллективные погребения не всегда одновременные.

В погребальном инвентаре оружия нет. Много сходных черт выявлено в керамическом материале. Укажем на плоскодонный закопченный горшок и два кувшина из кургана 14. Один из них с низким горлом аналогично украшен рядом идущих по горлу насечек. Эти курганы датированы I—III вв. н. э.[12]

Вблизи могильника находится однослойное поселение Актобе. Исследователи этих памятников (поселения и могильников) отмечают тождество их керамических форм[13]. Аналогии посуде борижарских катакомб есть и здесь. Таковы горшки без ручек первой группы[14] и горшки типа кринок второй. Последние составляют там более половины горшков[15].

Немало сходных черт с борижарскими катакомбами имеют катакомбы Шаушукумского могильника. Здесь зафиксированы два типа погребений; первый — камера расположена перпендикулярно дромосу и второй — камера является продолжением входной ямы. Дромосы также двух типов: прямоугольная яма с продольно-попе-

---

[11] *А. Г. Максимова.* Могильник Жамантогай. В кн.: А. Г. Максимова, М. С. Мерщиев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, стр. 174—181; табл. II, *3, 4, 6*; рис. 2, 3, 5—8.

[12] *А. Г. Максимова.* Могильник Актобе. Там же, стр. 193—201; рис. 8, 9; табл. VIII, *3, 4, 7*; табл. IX, *1*.

[13] *Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина.* Поселение Актобе 2. В кн.: *А. Г. Максимова, М. С. Мерщиев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина.* Древности Чардары. Алма-Ата, 1968; *А. Г. Максимова.* Могильник Актобе. Там же, стр. 200; *Л. М. Левина.* Керамика нижней Сырдарьи в I тысячелетии нашей эры. М., 1971, стр. 174.

[14] *Л. М. Левина.* Керамика нижней Сырдарьи..., стр. 115—116, рис. 33, 51.

[15] *Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина.* Поселение Актобе 2, стр. 45, рис. 18, *8, 16*; рис. 20, 23; *Л. М. Левина.* Керамика нижней Сырдарьи..., стр. 121—123, рис. 38, *1, 11, 20, 39*.

речными ступеньками и длинная узкая яма с прямыми стенками. Ориентировка их различная. Камеры овальной формы. В них обнаружены одиночные захоронения. Скелеты лежали вытянуто на спине, головой на В, ЮВ, СВ и СЗ[16]. Однотипны нашим глиняные сосуды из курганов 52, 54, 60, 69, 72[17]. В некоторых из них (курганы 62, 60, 72) встречено и оружие[18]. Могильник датируется III—V вв. н. э.[19]

Как видно из обзора, нижняя датировка наших курганов приходится на рубеж прошлой и нашей эр. Сходства в конструкции и инвентаре ранних курганов могильника Жамантогай и отчасти Актобе обнаруживаются в борижарских курганах 8 и 9. Следовательно, они наиболее ранние из изученных нами здесь погребальных сооружений. Время погребений курганов второй группы, судя по аналогиям из Шаушукумского могильника[20], IV—V в. н. э.

Надо отметить и сходство погребального инвентаря с материалами ранних поселений, расположенных в долине р. Арысь[21]. Это указывает на более глубокие корни связей погребального памятника с памятниками оседлой культуры[22]. Если «предыстория городской культуры Казахстана находится в пластах культуры саков, усуней и кангюйцев»[23], то, вероятно, среди борижарских катакомбников покоятся ее реальные создатели.

Дальнейшие работы позволят высказаться по данному вопросу еще более определеннее.

---

[16] *А. Г. Максимова.* Шаушукумский могильник. В кн.: А. Г. Максимова, М. С. Мерщиев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, стр. 201—206, рис. 11—13.

[17] Там же, стр. 209—214, табл. XII, *1, 5, 7*; табл. XIII, *5, 8*; табл. XIV, *5, 6, 8*.

[18] Там же, табл. XVI, *2, 3, 8, 9*; табл. XVII, *2, 7*; табл. XVIII, *15—23, 25—32*.

[19] Там же, стр. 240; *Л. М. Левина.* Керамика нижней Сырдарьи..., стр. 174—178.

[20] *А. Г. Максимова.* Шаушукумский могильник, стр. 258—259, табл. XIX, XXI.

[21] *Н. П. Подушкин.* Новое поселение раннеземледельческой культуры на юге Казахстана. «Известия АН КазССР, серия общественная», 1968, № 5, стр. 71—75; *его же.* К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений верховий р. Арысь (I—IV вв.). В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 93—106, табл. 1, 12, 13, 15; *К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, стр. 123—135, рис. 92—95.

[22] На тождество керамических форм из борижарских погребальных построек древнетюркского времени и городища Жуантобе указывали их первые исследователи. См.: *Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич.* Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. I. Алма-Ата, 1956, стр. 51—57, рис. 24—28.

[23] *К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.* Древний Отрар, стр. 209.

КУРГАНЫ «С УСАМИ» ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Ф. Х. АРСЛАНОВА

Своеобразные памятники Казахстана — курганы «с усами» — привлекают внимание ученых уже около полувека[1]. В конце 50-х годов этот вид погребальных сооружений стал темой специального исследования. В результате археологических работ М. К. Кадырбаев выяснил назначение всего сложного комплекса сооружений и выделил четыре варианта курганов «с усами»[2].

С расширением археологических исследований такие комплексы были открыты и за пределами Центрального Казахстана, в частности в районе Верхнего Прииртышья. За двухсотлетний период археологического изучения в Восточном Казахстане были учтены самые разнообразные памятники от эпохи палеолита до средневековья. Однако курганы, известные теперь в науке как «курганы с усами», здесь были неизвестны. Лишь в 1965 г. во время разведки в северо-западных районах Восточно-Казахстанской области нами в разновременном могильнике у с. Зевакино Шемонаихинского района были зафиксированы

[1] *Л. Ф. Семенов.* Материалы к характеристике памятников материальной культуры Акмолинского округа. «Вестник Центрального музея Казахстана», 1930, № 1, Алма-Ата, стр. 79—84; *П. С. Рыков.* Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933—1934 гг. СА, 1936, № 1, стр. 116; *И. В. Синицын.* Пямятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. СА, 1948, X, стр. 158—159; *А. Х. Маргулан.* Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. (Отчет экспедиции 1948 года). «Известия АН КазССР, серия археологическая», 1951, вып. 3, стр. 32; *М. П. Грязнов.* Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 5.

[2] *М. К. Кадырбаев.* О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1958, вып. 1(6), стр. 95—96; *его же.* Памятники тасмолинской культуры. В кн.: А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 309.

четыре кургана «с усами». Четыре года спустя на территории могильника Кызылтас[3], расположенного около с. Ленинки Уланского района, оказались еще четыре кургана «с усами». В 1972 г. был зарегистрирован еще один курган «с усами» в 1 *км* западнее с. Точки Уланского района[4].

Таким образом, в настоящее время в области известно девять погребальных сооружений с каменными грядами, пять из них раскопаны экспедицией Усть-Каменогорского педагогического института[5].

На территории Зевакинского могильника[6] курганы «с усами» расположены в его северо-восточной части, в 2 *км* севернее старой поймы Иртыша и размещены сравнительно компактно на расстоянии 150—250 *м* друг от друга. Дадим их описание.

Курган 1. Комплекс состоит из двух каменных насыпей диаметром 7 *м*, расположенных одна от другой в 5 *м* по линии С—Ю. С северной и южной стороны от них отходят в восточном направлении две каменные дуговидные гряды. Длина северной гряды 30 *м*, южной 32,5 *м*, ширина их от 1 до 3 *м*. В южной гряде прослеживается семь плотно примыкающих друг к другу округлых выкладок, сложенных из обломков гранита, белого кварца и серого сланца. Последняя выкладка в конце раздваивается, образуя как бы коридор-дорожку, свободную от камней. Аналогична по сооружению и северная гряда, однако очертания ее выкладок менее четки. Высота гряд от 30 до 60 *см*.

В восточной половине насыпи южного кургана обнаружены кости лошади (зуб, ребро), несколько обломков глиняного сосуда, кусочки древесного угля.

Под насыпью северного кургана, в восточной половине найдены обломок трубчатой кости овцы и фрагмент дна глиняного сосуда, изготовленного из сравнительно плотного, черного в изломе теста с примесью мелкого песка. На глубине 1,15 *м* в восточной части кургана зафиксирована прямоугольная с закругленными углами могила, ориентированная С—Ю с отклонением на 15° соответственно к западу и востоку. Размер ее 2,3×1 *м*, глубина 1,5 *м*. На дне могилы лежал скелет взрослого человека и ребенка, вытянуто на спине, головой на С. У левой височной кости взрослого найдена бронзовая серьга (табл I, *11*), на шейных позвонках — бронзовая гривна (табл. I, *12*), на поясничных позвонках — остатки кожаного пояса, украшенного

[3] Могильник открыл выпускник исторического факультета Усть-Каменогорского пединститута З. Самашев.

[4] Курган обнаружен во время разведки ст. научным сотрудником музея А. А. Чариковым и З. Самашевым.

[5] В работе экспедиции принимали участие Ф. Х. Арсланова — руководитель, А. А. Чариков — старший научный сотрудник областного музея, З. Самашев — преподаватель средней школы с. Ленинки Уланского района, студенты исторического факультета Усть-Каменогорского педагогического института и учащиеся местных школ.

[6] Он находился на правом берегу Иртыша, в 5 *км* юго-западнее с. Зевакино Шемонаихинского района, в 60 *км* северо-западнее г. Усть-Каменогорска.

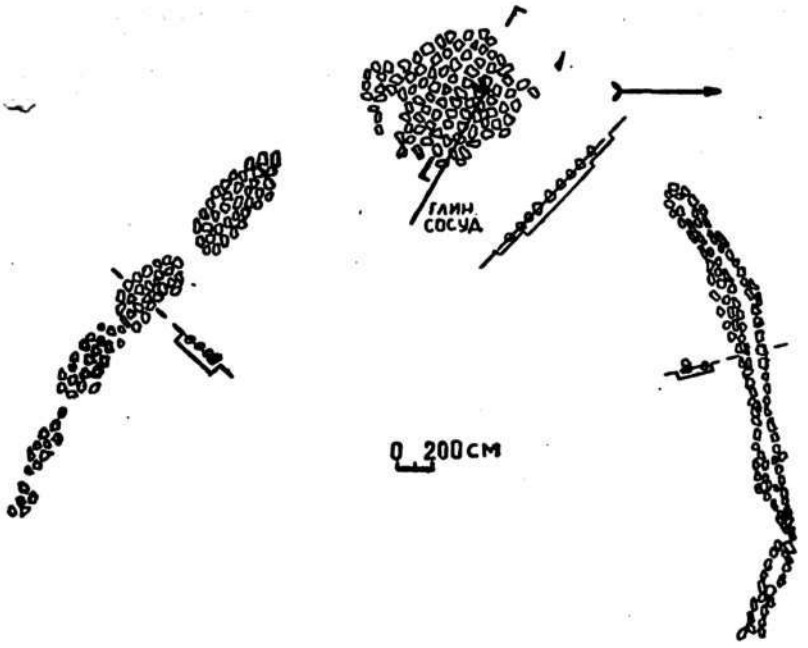

Рис. 1 План и разрез кургана 3 «с усами» Зевакинского могильника.

бронзовыми подпрямоугольными пластинчатыми бляхами, прикрепленными к ремню миниатюрными бронзовыми гвоздями с округлой шляпкой, расположенными попарно на концах. В середине к поясу (сзади) прикреплена тремя такими же серебряными гвоздями фигурная бронзовая пластинка. Ремень завершается железной округлой пряжкой с подвижным язычком (табл. I, *14*). В области тазовых костей лежал обломок железного однолезвийного меча с плоской рукояткой, плавно переходящей в клинок (табл. I, *13*). На клинке и рукояти сохранились остатки дерева, по-видимому, от ножен. Рядом с мечом лежал сильно коррозированный железный нож. У левого коленного сустава выявлены остатки кожаного колчана и железные наконечники стрел — трехгранной (табл. I, *8*) и ромбической (плоский в сечении) формы (табл. I, *7*). От третьего наконечника стрелы найден лишь круглый в сечении черенок (табл. I, *9*). Справа от скелета вдоль западной стенки могилы (от черепа до колленного сустава) обнаружены десять костяных накладок лука. Семь из них концевые (табл. I, *3—6*), три — серединные (табл. I, *1, 2*). Судя по расположению накладок, лук был в длину около 130 *см*.

Курган 2 расположен в 150 *м* западнее первого. Все сооружение состоит из двух каменных курганов, примыкающих друг к другу по

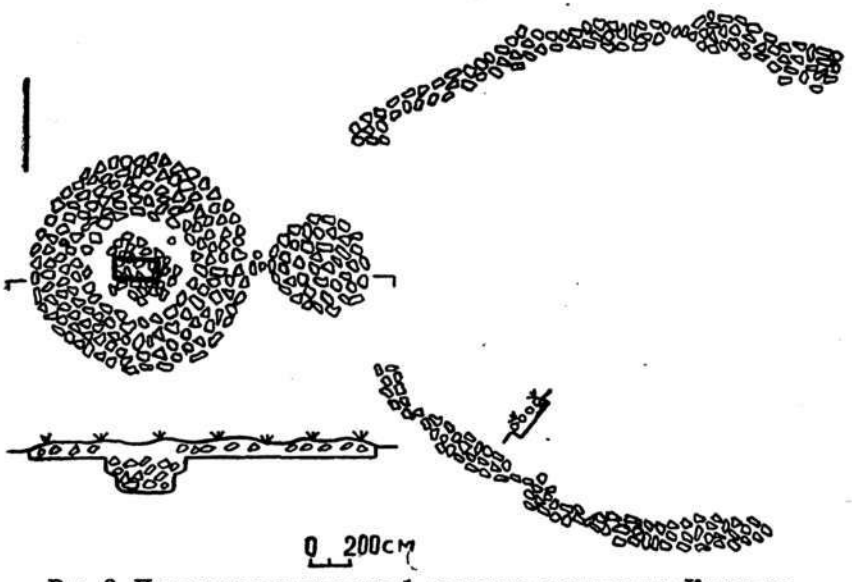

Рис. 2. План и разрез кургана 1 «с усами» могильника Кызылтас.

линии З — В и двух дугообразных каменных гряд. Длина южного «уса» 60 *м*, северного 52 *м*. Ширина гряды 3 *м*. В 28 *м* от начала северного «уса» находился третий курган диаметром 5 *м* с грабительской воронкой в центре глубиной до 80 *см*.

Большой курган. Диаметр 10 *м*, высота 40 *см*. В центре была грабительская воронка диаметром 4 *м*, глубиной 70 *см*. В юго-западной части, на глубине 20 *см* обнаружены разрозненные кости человека (обломки черепа, трубчатые кости) и подпрямоугольная могила (размер 3×2 *м*, глубина 3,1 *м*), длинной осью ориентированная З — В. До самого дна могила завалена скальным камнем вперемешку с землей. В могиле на разных горизонтах встречались фрагменты глиняного сосуда, обломки костей человека и фигурные пластинки из листового золота. На глубине 1,75 *м*, в северной половине могилы, найден медный пятак чекана 1781 г., очевидно, оброненный при ограблении кургана. На дне могилы стоял каменный ящик, сооруженный из четырех гранитных плит серого цвета. Длина ящика 2,1 *м*, ширина у западного конца 1,3 *м*, у восточного 1,2 *м*, высота 80 *см*. От перекрытия сохранились лишь обломки плит у западного края. На уровне перекрытия в северо-западном углу могилы находились кости лошади (ребра, позвонки, кости ног). На дне ящика лежали разрозненные кости двух скелетов человека (два черепа, кости рук, ног) вперемешку с костями лошади (позвонки, обломки черепа и трубчатые кости). По определению палеозоолога отдела археологии АН КазССР Л. А. Макаровой, в кургане найдены фрагменты верхней и нижней челю-

стей, лопаточные (3), плечевые (3), лучевые-локтевые (4), пястные (1), тазовые (2) кости. Количество костей лошади соответствует двум-трем особям. В северо-западной части малого кургана (диаметр 8 *м*, высота 15 *см*) найдены обломки глиняного сосуда (табл. II, *5*).

В третьем кургане на глубине 110 *см* зафиксирована овальная могила, заполненная камнем вперемешку с землей и ориентированная З — В. Размер ее 2,2×1,4 *м*, глубина 3,8 *м*. На разных горизонтах в засыпи могилы обнаружены обломок трубчатой кости и фрагменты глиняного сосуда красного цвета.

Курган 3 находится в 250 *м* юго-восточнее первого. Округлая в плане насыпь диаметром 8 *м* сооружена из колотого скального гранита и белого кварца. До раскопок курган представлял собой скопление камней, выступавших над уровнем современной дневной поверхности на 2—3 *см* (рис. 2).

От кургана в восточном направлении отходят две слегка изогнутые каменные гряды длиной 28 *м* (северная) и 21 *м* (южная). Ширина гряд от 1,5 до 3 *м*. Северная гряда сложена из двух параллельных рядов камней, образующих как бы коридорообразное сооружение. На одном участке плиты стояли одна против другой на расстоянии 40 *см*, без перекрытия. Южный «ус» состоял из пяти овальных выкладок, примыкающих одна к другой. В северной половине кургана, на глубине 20 *см*, найдены кости лошади (зубы, кости ног, таза). В северо-восточной части насыпи, в одном метре от центра обнаружен раздавленный глиняный сосуд (табл. II, *2*).

Еще два кургана исследованы в могильнике Кызылтас, в 1,5—2 *км* южнее с. Ленинки Уланского района Восточно-Казахстанской области, на надпойменной террасе левого берега р. Урунхай, в урочище Кызылтас. Могильник занимает площадь 10,5 *га*, ограниченную с севера и запада отрогами скалистых гор, с востока — берегом реки, с юга — обрывом, плавно переходящим в неглубокий широкий овраг. В могильнике насчитывается 28 каменных курганов, сосредоточенных в основном в северной части долины и вытянутых цепочкой с севера на юг. Среди них имеется три комплекса с грядами, причем в одном из них два кургана расположены С—Ю, а в двух других—З—В. Диаметр курганов от 4 до 15 *м*, высота от 15 до 65 *см*. В юго-западной части могильника находятся ограды округлой, квадратной и прямоугольной формы, сложенные из плит или крупных валунов.

Курган 1 «с усами» расположен обособленно, в 1 *км* к западу от основной группы могильника, на левом берегу р. Урунхай, в 1 *км* юго-западнее с. Ленинки (рис. 2). Он состоит из двух каменных насыпей, ориентированных З—В. Диаметр основного кургана 12 *м*, высота 50 *см*. Центральная часть насыпи свободна от камней и слегка уплощена. Диаметр малого кургана 6 *м*, высота 30 *см*. От северного и южного края малого кургана отходят в восточном направлении две каменные гряды длиной 23,7 *м* (южная) и 30,5 *м* (северная). Ширина «усов» от 1 до 2,5 *м*. Южный «ус» состоит из пяти овальных выкла-

док, примыкающих друг к другу. Северный «ус» более монолитен, хотя в некоторых местах заметно значительное сужение, передающее, по-видимому, конструкцию каменной гряды. В восточной половине малого кургана на глубине 50 *см* обнаружен раздавленный глиняный сосуд кринкообразной формы.

В основном кургане на глубине 65 *см* выявлены очертания овальной (размер 4,3×2,2 *м*) могильной ямы, заполненной камнем вперемешку с землей. Длинной осью могила ориентирована СЗ—ЮВ. В центральной ее части найден череп лошади плохой сохранности. На глубине 1,85 *м* у западной стенки могилы оказался обломок бедренной кости человека. На этой же глубине могила, имевшая овальную форму, приняла подпрямоугольные очертания, в результате длинной осью она стала ориентирована З—В. Длина могилы на глубине 1,85 *м* —2,45 *м*, ширина 1,1 *м*, глубина 2,7 *м*. В могиле наряду со скальным камнем встречены крупные обломки гранитных плит (100×50 *см*; 90×70 *см*), вероятно, остатки каменного ящика, расколотого при ограблении. В ее засыпи на разных горизонтах зафиксированы обломки черепа человека, фрагменты двух глиняных сосудов, кости овцы (бедренная и обломки ребер). Один сосуд в форме котла на коническом поддоне (табл. II, *8*), второй — плоскодонный, по-видимому, кувшиновидной формы (табл. II, *6*).

В 45 *м* севернее кургана 1 «с усами» отмечен одиночный *курган* с каменной насыпью. В связи с тем, что он находился вблизи кургана с каменными грядами и имел одинаковые очертания насыпи, было решено его раскопать. Диаметр кургана 15 *м*, высота 60 *см*. В центре насыпи оказалось углубление диаметром 7 *м*, глубиной 50 *см*. В насыпи найдены разрозненные обломки глиняного тонкостенного сосуда красного в изломе обжига. На глубине 1,6 *м* в центре кургана выявлена могильная яма подквадратной формы, ориентированная ЮЗ—СВ. Размер ее 2,4×1,2 *м*, глубина 3,4 *м*. На глубине 2,6 *м* встречены обломки крупных гранитных плит, вероятно, от ящика. В непотревоженном состоянии, у восточной стенки могилы обнаружена поперечная плита (размером 50×60×10 *см*). На дне могилы собраны позвонки человека и обломки сосуда (табл. II, *4*).

Курган 2 находился среди каменных насыпей тюркского времени. Диаметр 9 *м*, высота 10—15 *см*. Насыпь сложена из скального кварца и гранита. У западного края было едва заметное углубление овальной формы (2,5×1 *м*). Вся центральная часть кургана свободна от камней. От основания его с севера и юга в восточном направлении отходят две дугообразные гряды. Длина южной гряды 56 *м*, северной 72 *м*. Ширина «усов» от 1 до 3 *м*. Резкое сужение в «усах», очевидно, доказательство того, что они состоят из ряда выкладок. На глубине 60 *см* в восточной половине насыпи зафиксированы обломки глиняного сосуда (табл. II, *1*).

Основной курган не найден. По всей вероятности, на нем сооружен большой курган тюркского времени, находящийся в 5 *м* западнее кургана «с усами».

Обнаруженный в 1972 г. курган с каменными грядами близ с. Точки Уланского района состоял из двух каменных курганов, ориентированных З—В. В восточном направлении от большого кургана отходят «усы» длиной около 100 *м*. Диаметр большого кургана 18 *м*, диаметр малого 8 *м*.

Архитектура восточноказахстанских комплексов с каменными грядами, их конструктивные особенности позволяют разделить их на три типа.

Первый тип представлен двумя одного размера каменными курганами, расположенными С—Ю. От каждого кургана в восточном направлении отходят каменные дугообразные гряды.

Второй тип — это одиночный каменный курган с отходящими от него на восток «усами» (рис. 1), сложенными из колотого габроидного камня.

Третий тип включает большой курган и малый, расположенный с восточной стороны большого (рис. 2). Каменные гряды, плавно изгибаясь, отходят от обоих курганов в восточном направлении.

Такие же разновидности в планировке подобных сооружений были описаны[7] и систематизированы[8] по материалам Центрального Казахстана.

В рассматриваемой группе прииртышских курганов «с усами» три имеют следующие составные части: курган с захоронением человека, поминальный курган и две каменные гряды. Конструкция этих курганов (Зевакинский мог-к курганы 1 и 2, Кызылтасский мог-к курган 1) подобна известным сооружениям Центрального Казахстана[9].

В двух комплексах с каменными грядами зафиксировано лишь по одному поминальному кургану. Эти сооружения по форме близки аналогичным памятником из Карагандинской области[10] и Поволжья[11].

По вопросу о назначении каменных гряд и в объяснении некоторых конструктивных деталей у специалистов нет единого мнения. В результате тщательного изучения восточноказахстанских комплексов нам удалось проследить цепочку овальных выкладок, образующих гряду или коридорообразные сооружения, сложенные из скального камня. Показательно, что в одном комплексе иногда сочетаются обе конструктивные формы, что не позволяет считать их отличительным признаком как в хронологическом, так и в этнографическом смысле.

---

[7] *Л. Ф. Семенов.* Материалы к характеристике памятников материальной культуры, Акмолинского округа. «Вестник Центрального музея Казахстана», 1930, № 1, стр. 79—84.

[8] *М. К. Кадырбаев.* Памятники тасмолинской культуры, стр. 308—310.

[9] Там же.

[10] *А. М. Оразбаев.* Курган «с усами» в могильнике Джанайдар как архитектурный памятник. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 178, рис. 1.

[11] *И. В. Синицын.* Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья, СА, 1948, X, стр. 158, рис. 23.

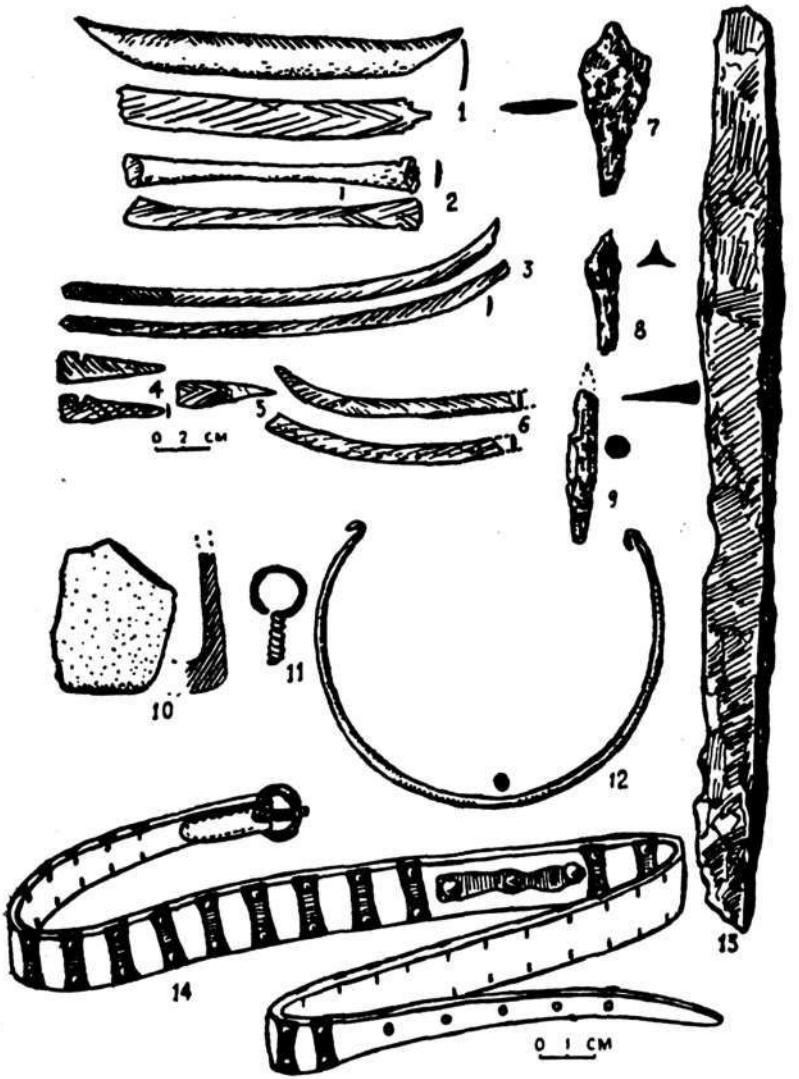

Таблица I. Вещи из кургана 1 «с усами» Зевакинского могильника: *1 — 6* — накладки лука; *7—9* наконечники стрел; *10* — обломок сосуда; *11* — серьга; *12* — гривна; *13* — меч; *14* — пояс. (*1—6* — кость; *7, 9, 13* — железо; *10* — глина, *11, 12, 14* — бронза).

Внутримогильные сооружения в двух курганах представлены каменными ящиками, сооруженными из четырех цельных гранитных

плит. Могильные ямы подпрямоугольной формы, в длину 2,3—3 *м*, в ширину 1—1,3 *м*, глубиной 1,5—3 *м* и заполнены скальным камнем.

Погребальный инвентарь получен в основном из курганов 1 и 2 Зевакинского могильника и кургана 1 Кызылтасского могильника. Это предметы вооружения, украшения и глиняная посуда.

Среди предметов вооружения, найденных в кургане 1 Зевакинского могильника, десять костяных накладок сложносоставного лука, железные наконечники стрел и меч.

В отличие от известных луков так называемого гуннского типа с семью костяными накладками[12] зевакинский образец имеет десять костяных накладок. На одном конце лука было четыре костяные накладки, причем две из них (табл. I, *4*) короткие (с вырезами на концах для надевания тетивы) накладывались на две длинные (табл. I, *3*) изогнутые пластины. На другом конце были две более короткие костяные пластины без вырезов (табл. I, *6*), возможно, обломанные. Между ними находилась третья короткая пластина клиновидной формы (табл. I, *5*).

Серединные накладки (табл. I, *1—2*) состояли из двух трапециевидной формы пластин с острыми концами, обращенными широким основанием внутрь, и третьей узкой прямой с расширяющимися концами, расположенной вдоль короткой стороны парных.

На все накладки с внутренней и внешней сторон нанесены параллельные надрезы или ромбическая штриховка для лучшего крепления (склеивания) с деревянной основой. Судя по положению накладок, длина лука достигала 130 *см*.

По форме зевакинский лук напоминает кенкольский (II—IV вв.)[13] и актобинский (IV—V вв.)[14]. Отличительной особенностью его является наличие большого количества накладок, обусловленное, вероятно, своеобразием конструкции зевакинского лука.

А. М. Хазанов, рассматривая сложные луки Евразийских степей, отмечает, что наличие третьей клиновидной концевой накладки свидетельствует о более позднем времени существования подобных луков[15], т. е. позже V в. н. э.

Однако эта точка зрения вряд ли применима к восточноказахстанским комплексам, поскольку остальной материал не выходит за пределы III—V вв. В данном случае, вероятно, это наиболее ранний, местный вариант сложносоставного лука, конструктивные особенности которого стали типичными в более позднее время. Большое число на-

[12] *А. Н. Бернштам.* Кенкольский могильник. Л., 1940, стр. 21, табл. 27; *С. П. Толстов.* Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.). Труды ХАЭЭ, т. I. М., 1952, стр. 33, рис. 22; *А. М. Хазанов.* Сложные луки Евразийских степей и Ирана в скифосарматскую эпоху. В кн.: «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966, стр. 33 и сл.

[13] *А. Н. Бернштам.* Кенкольский могильник, стр. 21, табл. 27, 28; *С. С. Сорокин.* О датировке и толковании Кенкольского могильника. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 14.

[14] *А. Г. Максимова, М. С. Мерщиев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина.* Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, стр. 75, рис. 31.

[15] *А. М. Хазанов.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971, стр. 32—33.

кладок объясняется совершенствованием конструкции лука с целью увеличения дальности полета стрелы и убойной силы, что подтверждается наличием необычно крупных для того времени железных наконечников стрел, обнаруженных вместе с луком в одной могиле. Один из наконечников трехлопастной, с округлым в сечении черешком. Форма его близка наконечникам из Тувы, датированным II—V вв.[16] и из погребения городища Актобе 2[17]. Второй наконечник — плоский, ромбической формы. Он также имеет сходство с одним из актобинских наконечников[18], датированным IV—V вв. Ромбические наконечники стрел, но более выработанной формы, найдены в памятниках Поволжья[19] и Таласской долины[20], относящихся ко времени не ранее VI в. н. э.

В этой же могиле находился железный однолезвийный меч типа палаша, конец его обломан. Сохранившаяся часть в длину 34 *см*. Рукоять отделена от лезвия плавно переходящим уступом.

Известно, что однолезвийные мечи появляются в IV—V вв. и бытуют очень долго. Близкий по форме лезвия меч найден в погребениях одинцовского этапа на Верхней Оби[21], а также в позднесарматских курганах[22]. Характерно, что в инвентаре верхнеобских могил встречены также железные трехперые черешковые наконечники стрел.

От одежды сохранился лишь наборный пояс. На кожаный ремень миниатюрными бронзовыми гвоздями с округлой головкой, загнутыми с обратной стороны ремня, прикреплены бронзовые пластинки прямоугольной формы со слегка расширяющимися концами. Серединная фигурная пластинка закреплена аналогичными серебряными гвоздями. Пряжка пояса железная, округлой формы с подвижным языком. Подобные пряжки найдены в одинцовских погребениях II—IV вв., а также в захоронениях V в.[23] Зевакинский пояс очень схож с канаттасским, датированным IV—V вв.[24]

Интересно, что в зевакинском кургане с мужским скелетом[25], как

[16] *В. П. Дьяконова.* Большие курганы — кладбище на могильнике Кокэль. Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции, 1962—1966 (далее: Труды ТКАЭЭ). Л., 1970, табл. III, стр. 55—57, 63—67.

[17] *А. Г. Максимова, М. С. Мерщиев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина.* Древности Чардары, стр. 76, рис. 32, *7*.

[18] Там же, стр. 76, рис. 32, *1*.

[19] *Е. К. Максимов.* Позднейшие сармато-аланские погребения V—VIII вв. на территории Нижнего Поволжья. «Археологический сборник», вып. 1. Саратов, 1956, стр. 71, рис. 43.

[20] *С. С. Сорокин.* О датировке и толковании Кенкольского могильника, КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 12, рис. 2.

[21] *М. П. Грязнов.* История древних племен Верхней Оби. МИА, № 48, 1956, стр. 111, табл. 38, *2*.

[22] *И. В. Синицын.* Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени. Труды Саратовского областного музея краеведения, вып. 1. Саратов, 1956, стр. 29.

[23] *М. П. Грязнов.* История древних племен Верхней Оби, табл. 32, *10, 16*; табл. 55, *28, 29*.

[24] *М. К. Кадырбаев.* Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7. Алма-Ата, 1959, стр. 197, рис. 25.

[25] Предварительное определение антрополога О. Исмагулова.

и в верхнеобских мужских погребениях, лежала бронзовая шейная гривна, повторяющая форму одинцовских гривн с загнутыми петелькой концами [26]. Отличительным признаком зевакинской гривны является то, что она изготовлена из круглой в сечении проволоки.

Однотипна с верхнеобской и серьга из бронзовой проволоки, расплющенный конец которой скручен по спирали и образует «свисающую трубку» [27].

В кургане 2 Зевакинского могильника найдены вырезанные из листового золота нашивки в виде треугольников, овала и четырехугольных полос (шириной 6 *мм*). У некоторых по краям имеются отверстия для пришивания. Прием украшения одежды золотыми нашивками был распространен и в гунно-сарматское время и в таштыкскую эпоху [28].

Большую часть собранного материала составляет глиняная посуда ручной лепки. Керамика из поминальных курганов настолько своеобразна, что некоторые формы ее не имеют аналогий. Это затрудняет их датировку.

Особую группу образуют глиняные котлы на коническом полом поддоне. По форме они повторяют широко известные сакские бронзовые котлы из Семиречья и Восточного Казахстана [29]. Котел из кургана 1 могильника Кызылтас изготовлен из глины со значительной примесью толченого кварца и слюды, в изломе черепок красного цвета (табл. II, *8*). Фрагментарно сохранилась ручка котла с цилиндрическим выступом, слегка расширяющимся вверху (табл. II, *7*). Подобно ручкам бронзовых скифо-сакских котлов, она была изготовлена отдельно и затем в вертикальном положении присоединена к тулову готового сосуда. Это хорошо видно по излому ручки в месте ее соединения. По форме и выделке кызылтасский котел близок к посуде из погребений II—V вв. Тувы [30] и из таштыкских захоронений I—II вв. [31] Аналогичной формы глиняный котел найден С. С. Черниковым [32] в могильнике Кызыл ту, в впускной могиле кургана 4.

По форме кызылтасский котел идентичен сосуду из кургана 2 Зевакинского могильника (табл. II, *9*). Он также красного в изломе цвета, но лучше качеством и изготовлен из хорошо промешанной глины с примесью мелкого речного песка и слюды. К сожалению, имеющихся обломков недостаточно для полной реконструкции сосуда. Третий сосуд найден в одиночном кургане у с. Ленинки (табл. II, *4*). По тесту и

---

[26] *М. П. Грязнов.* История древних племен Верхней Оби, стр. 122, табл. 45.

[27] Там же, стр. 122—123, табл. 45, *11, 25—27.*

[28] *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 336, табл. 30; стр. 405.

[29] *А. А. Чариков.* Коллекция бронзовых котлов из Восточного Казахстана. «Информационный бюллетень Министерства культуры КазССР». Алма-Ата, 1971, стр. 37.

[30] *В. П. Дьяконова.* Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль. Труды ТКАЭЭ. Л., 1970, табл. VI, *7, 12.*

[31] *Л. Р. Кызласов.* Таштыкская эпоха. М., 1960, рис. 19, *8.*

[32] *С. С. Черников.* О работах Восточно-Казахстанской экспедиции. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 59, рис. 22, *3, 4.*

Таблица II. Глиняные сосуды из курганов «с усами». *1—10* — сосуды и фрагменты.

очертаниям конического поддона сосуд аналогичен глиняному котлу из соседнего кургана 1. Вполне вероятно, что оба кургана одновременны и принадлежат к одному кругу памятников.

Котловидные сосуды были частью сопровождающего инвентаря погребенного.

Вместе с котлом в кургане 1 Кызылтасского могильника обнаружен сосуд кувшиновидной формы с плоским дном, шаровидным туловом и, очевидно, узкой горловиной. Он, как и котел, сделан из глины с примесью крупнозернистого кварца и слюды, в изломе красный. Аналогии ему можно найти среди кувшинов Кенкольского могильника [33].

Остальные пять сосудов (табл. II, *1—3, 5, 10*) выявлены в поминальных курганах вместе с костями лошади. Почти все они обнаружены в восточной половине насыпи. По технике изготовления и качеству теста сосуды резко отличаются от керамики из захоронений. Это довольно тяжелые, грубые, часто асимметричные сосуды серого цвета с плоским дном, высотой до 28 *см*.

Вазовидный сосуд (табл. II, *10*) найден в малом кургане погре-

[33] *И. Кожомбердиев.* Катакомбные памятники Таласской долины. В сб.: «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 42, рис. 8, *1, 3*.

бального комплекса 1 могильника Кызылтас II. Он изготовлен из глины с примесью мелкозернистого кварца, серый в изломе. Короткая шейка с отогнутым наружу венчиком плавно переходит в тулово, верхняя часть которого украшена налепным валиком с ромбовидными углублениями. По форме сосуд близок к керамике из центральноказахстанских курганов [34], а также к вазообразным образцам гуннского времени из могильника Кокэль [35].

Своеобразна форма второго сосуда из кургана 3 Зевакинского могильника (табл. II, *2*). Это кувшин с довольно широким туловом, плавно переходящим в невысокую прямую горловину со слегка отогнутым венчиком. По венчику плоским штампом нанесены вдавления. Высота сосуда 25 *см*, диаметр венчика и дна по 12 *см*. На внешней стороне по горловине прослеживаются остатки пригорелой пищи. Обжиг сосуда неравномерный: поверхность его то светло-красная, то в темных пятнах. Сосуд своеобразен тем, что имеет выступ с внутренней стороны при переходе от тулова к шейке. Подобные выступы-бортики зафиксированы на сосудах из малых курганов «с усами» в могильниках Карабие [36], Бугулы и в комплексе «37 воинов» [37]. К сожалению, названные центральноказахстанские курганы оказались ограбленными и не дали дополнительного датирующего материала.

Третий сосуд (табл. II, *5*) из малого кургана 2 Зевакинского могильника ручной лепки с удлиненно-цилиндрическим туловом, плоским дном, узким горлом и невысокой шейкой. Сосуд асимметричный, он изготовлен из глины с примесью крупнозернистого кварца, в изломе серого цвета. По верхней части тулова прочерчены треугольники вершиной вниз, основанием они упираются в горизонтальные линии. Высота сосуда 28,5 *см*, диаметр венчика 10,5 *см*, диаметр средней части тулова 15 *см*, дна 10 *см*. Аналогии ему найти не удалось.

Четвертый сосуд (табл. II, *1*) из кургана «с усами» в могильнике Кызылтас I напоминает кринку с узким невысоким горлом, прямым венчиком, плоским дном. На среднюю часть тулова нанесены параллельными линиями треугольники вершинами вниз. Обжиг неравномерный, костровый. Внешняя поверхность серого цвета. Верхняя часть тулова закопчена. Высота сосуда 26,5 *см*. диаметр венчика 10 *см*, дна 11 *см*. Прямых аналогий сосуду найти не удалось. Сосуд из с. Ленин-

---

[34] *М. К. Кадырбаев.* Памятники тасмолинской культуры. В кн.: А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 393, рис. 61, *6*; *его же.* Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7. Алма-Ата, 1959, стр. 176, рис. 10.

[35] *С. И. Вайнштейн.* Раскопки могильника Кокэль в 1962 году. Труды ТКАЭЭ. Л., 1970, табл. II, рис. 14.

[36] *М. К. Кадырбаев.* Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана, стр. 172, рис. 7.

[37] *М. К. Кадырбаев.* О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1958, вып. 1(6), рис. 2.

ки имеет сходство с кринкой из кургана 19 могильника Канаттас (IV—V вв.)[38].

Изучение и сравнительный анализ сопровождающего инвентаря из пяти курганов «с усами» показывают, что их следует датировать III—V вв. Для кургана 1 Зевакинского могильника более вероятна датировка IV—V вв., поскольку найденные в нем железный однолезвийный меч — палаш, ромбический плоский в сечении наконечник стрелы появляются не ранее IV в. Не противоречит этой датировке и устройство сложносоставного лука. Из-за малочисленности материала предлагаемая датировка не бесспорна. Дальнейшие исследования подобных памятников Казахстана дадут ответы на многие неясные вопросы. Пока остаются нерешенными вопросы происхождения населения в предтюркское время, этнографические особенности племен Казахстана в первой половине I тыс. н. э., требует уточнения датировка различных типов курганов «с усами».

Остеологический материал из пяти курганов убеждает нас в том, что племена, оставившие здесь памятники, занимались скотоводством. Наличие костей лошади, а иногда и овцы в каждом кургане позволяет определить и состав стада. Существование социального расслоения в обществе подтверждает архитектура изученных комплексов, которые сооружались, несомненно, только для избранных.

---

[38] *М. К. Кадырбаев.* Памятники тасмолинской культуры, стр. 393, рис. 61, *б*.

ЗООМОРФНЫЕ КОСТЯНЫЕ ПЛАСТИНЫ ИЗ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

М. К. КАДЫРБАЕВ

В прикладном искусстве степных племен и народов Азии и Европы с древних времен существовало два взаимосвязанных приема декоративного оформления предметов: орнаментальный и зооморфный. Уже к середине I тысячелетия до нашей эры эти две стороны художественного творчества проявились в произведениях скифо-сакского искусства. В одних случаях в изделиях на первый план выступали орнаментальные мотивы, в других — зооморфные (фигура животного или изображение частей его тела). В качестве примера сошлемся на изделия из кости, дерева, кожи и войлока, украшенные геометрическим, растительным орнаментами, и на вещи нередко той же формы и практического назначения, но с тематикой «звериного» стиля, выявленные в курганах Центрального и Горного Алтая [1].

В то же время не менее распространенными были и произведения искусства, центральный образ которых был выражен животным, а в декоре использовались элементы различных узоров. К ним относятся рельефные и плоскостные изображения животных в металле, кости и дереве, орнаментированные треугольниками, спиралями, различными завитками и другими элементами.

Начиная с раннесакского времени в качестве декора изделий «звериного» стиля на территории Казахстана и Средней Азии широко применяются инкрустации из бирюзы и граната (Чиликта, Арасан I).

К рубежу новой эры изобразительная сторона в произведениях искусства смешанного типа ослабевает. Появляются изделия, в которых изображения фигур животных и орнамент так переплетаются,

[1] *С. И. Руденко.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. — Л., 1960, стр. 245—290.

что создают впечатление перенасыщенности декора. К таким произведениям можно отнести литую ажурную пластину-застежку с изображением сцены охоты на кабана из Сибирской коллекции, широко известную Каргалинскую диадему из Семиречья и другие подобные им вещи [2].

В дальнейшем в декоративно-прикладном искусстве, как известно, тематика «звериного» стиля вытесняется орнаментом, который со временем стал основной формой проявления художественного творчества племен и народов средневекового Востока. Но, как отмечал уже М. И. Ростовцев и другие исследователи, мотивы «звериного» стиля бесследно не исчезли со скифской эпохой, а в пережиточной форме сохранились в памятниках раннего и позднего средневековья на обширной территории Восточной Европы, Сибири и Средней Азии [3].

Не прямолинейный, а «спиралевидный», пользуясь выражением Г. К. Вагнера[4], характер преемственности отдельных образов полузабытого сакского искусства прослеживается и в некоторых средневековых изделиях с территории Казахстана.

Особый интерес представляют костяные пластины от колчана, найденные в июне 1967 г. близ пос. Вишневка Вишневского района Целиноградской области [5]. Опишем подробнее обстоятельства находки.

По сообщению научного сотрудника Целиноградского музея И. Г. Монич, в 3 *км* к северо-востоку от поселка, на невысоком холме с уплощенной вершиной цепочкой с северо-востока на юго-запад располагалось три небольших земляных кургана. При строительстве телевизионного ретранслятора два из них были разрушены экскаватором. По словам рабочих, в центральном кургане было обнаружено погребение с железной кольчугой.

Колчанные пластины происходят из второго, юго-западного кургана, из которого были извлечены кости человека и лошади. Вместе с пластинами найдены мелкие обрывки бересты от колчана, остатки кожаных сапог типа ичигов с хорошо сохранившейся двухслойной, толщиной 4 *мм* подошвой 40—41 размера. Мягкие голенища сапог сшиты шелковой крученой ниткой желтого цвета. Здесь же собраны обломки двух железных стремян с широкой подножкой, узким отверстием для ремня, пробитым в верхней части дужки, и куски дерева, по- видимому, от дощатого гробовища (рис. 4).

Полученные сведения не оставляют сомнений в том, что это ти-

---

[2] *С. И. Руденко.* Сибирская коллекция Петра I. М. — Л., 1962, табл. 1, 5; *А. Н. Бернштам.* Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке. КСИИМК, V, 1940, рис. 2.

[3] *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 616—636; *М. И. Артамонов.* Сокровища саков. М., 1973, стр. 236; см. также «Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии». М., 1972, стр. 56—67.

[4] *Г. К. Вагнер.* О судьбах скифо-сарматского «звериного» стиля в искусстве Древней Руси. «Тезисы докладов III Всесоюзной конференции...», стр. 60.

[5] Фонд Целиноградского облмузея, д. 8, акт 693.

Рис. 1. Пластины с изображениями оленя и птицы *(1—2)*. Вишневка.

пично кыпчакское захоронение XIII—XIV вв., подобное изученным памятникам у аула Жартас, в урочище Тасмола, у колхоза им. Амангельды, в Павлодарском Прииртышье [6].

Большинство вишневских костяных пластин сохранилось в обломках. По двум относительно целым экземплярам удалось определить толщину пластин, она в пределах 1—1,5 *мм*. Одна из них имеет длину 9,4 *см*, ширину 4 *см*, другая — соответственно 8,5 и 4,5 *см*.

Внешняя, несколько выпуклая поверхность пластин богато украшена резьбой и тонкой гравировкой. В центре первой костяной пласти-

[6] *А. Х. Маргулан.* Раскопки погребения воина XIV в. в долине р. Нуры. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7. Алма-Ата, 1959; *А. Г. Максимова.* Погребение воина XIV века. «Вестник АН КазССР», 1965, № 6; *М. К. Кадырбаев, Р. З. Бурнашева.* Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970; *Ф. Х. Арсланова.* Памятники Павлодарского Прииртышья. В кн.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968.

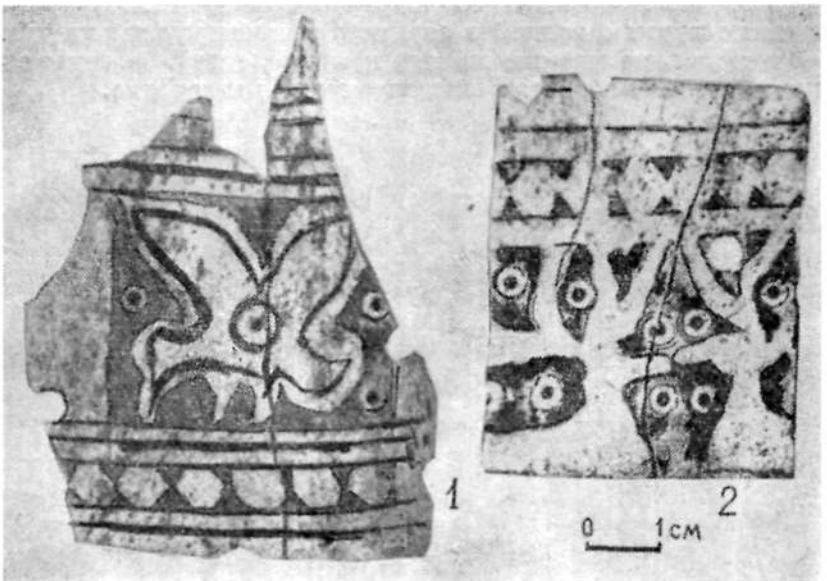

Рис. 2. Фрагменты пластин с рисунками птицы и двух оленей (*1—2*). Вишневка.

ны изображен олень, вероятнее всего марал[7], с повернутой назад головой (рис. 1, *1*). Углубленный фон заполнен желтой краской, а левый верхний угол — красной охрой. Короткие концы пластин обрамлены гравированными линиями, окрашенными в красный цвет, и лентой ромбовидного орнамента с полем черного цвета.

Орнаментальный ряд на второй пластине делит ее как бы на две сферы: нижнюю, земную с маралом в той же позе, и верхнюю, небесную, с резной, дополненной гравировкой стилизованной птицей с расправленными крыльями (рис. 1, *2*). Более реалистичный образ этой птицы, по-видимому, орла, имеется на другом фрагменте (рис. 2, *1*). На обломке четвертой пластины нанесены неполные изображения двух оленей, противостоящие по принципу зеркальной симметрии (рис. 2, *2*). На остальных фрагментах прослеживается тот же канонизированный мотив орла и отдельные, плохо сохранившиеся детали геометрического, растительного и зооморфного орнаментов (рис. 3, *1—4*).

[7] С. А. Северцов указывает на отличие в расположении конечных отростков рога у благородного оленя (*Cervus elaphus elaphus*) и марала (*Cervus elaphus sibiricus*). У первого рога заканчиваются кроной, образованной тремя отростками рога. См.: *С. А. Северцов*. Проблемы экологии животных. Неопубликованные работы, т. 1. М., 1951, стр. 71.

Интересно, что на всех пластинах вокруг изображений оленей и птиц разбросано множество небольших концентрических кругов. Более крупные круги с точкой в середине выгравированы на туловище орла. Эти знаки, по мнению многих исследователей, связаны с солярным культом и в то же время символизируют плодородие.

Рис. 3. *Обломки орнаментированных костяных накладок (1—4).* Вишневка.

Резные костяные пластины от колчанов с зооморфными сюжетами или с орнаментом отмечены в ряде памятников степных племен XIII—XIV вв. на огромной территории — от Восточной Европы на западе до Северной Монголии на востоке. На них представлен и самый популярный образ торревтики кыпчакского времени — фигура оленя (рис. 5).

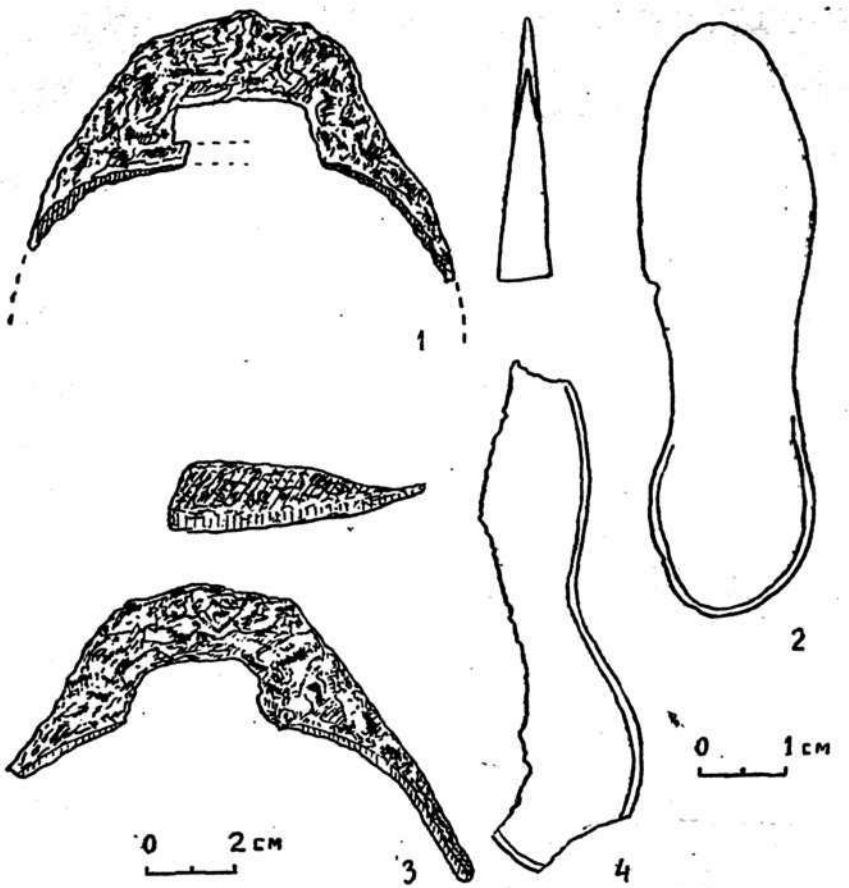

Рис. 4. Вещи из кургана у пос. Вишневка: *1, 3* — обломки железных стремян, *2, 4* — остатки кожаной обуви.

Изображения оленя нередко встречаются в половецких древностях[8]. Особенно близки нашим пластинам по выразительности рисунка, манере исполнения и композиционному решению обломки костяных накладок, хранящиеся в Нальчикском музее[9].

Образ оленя распространен в искусстве тюрко-монгольских племен Центральной Азии. Как правило, у них динамичные фигуры этих

[8] «Древности Нижнего Поволжья». МИА, № 60, 1959, рис. 31, 41. Интересно отметить, что в Бережновских пластинах над фигурами оленей выгравирован знак, который можно трактовать как схематическое изображение головы грифа или орла. См.: *Г. А. Федоров-Давыдов.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, рис. 4.

[9] *С. А. Плетнева.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, № 62, 1958, рис. 17, *5*.

Рис. 5. Изображения оленей в средневековых памятниках Евразии: *1, 4, 5, 9* — Нальчикский музей (кость); *2* — Богдо-Уул, Монголия (рисунок на камне); *3* — Парканы, Поднестровье (кость); *6, 10* — Бережновка, Нижнее Поволжье (кость); *7* — Амангельды, Южный Казахстан (серебро); *8* — Вишневка, Северный Казахстан (кость).

животных выполнены в гравировке и рисунке [10]. Мотив оленя в сложном переплетении с растительным орнаментом засвидетельствован в материальной культуре степных племен Южного Казахстана [11].

Примечательно, что ареал средневекового оленьего сюжета совпадает с районами бытования древнего скифо-сакского «звериного» стиля. Разумеется, абсолютных аналогий зооморфным образом средневекового искусства в двухтысячелетних глубинах торревтики сакского времени мы не найдем. Исторические процессы развития древнего общества ослабили значимость образов прикладного искусства вообще,

[10] «Древнемонгольские города». М., 1965, стр. 309, рис. 162; *А. П. Окладников.* Древнемонгольский портрет. «Монгольский археологический сборник». М., 1962, стр. 70.

[11] *А. Г. Максимова.* Погребение воина XIV века, стр. 89, табл. III, *2а*.

а в ряде мест привели к замене их новыми, отражающими другие эстетические представления, иное мировоззрение. Однако данные этнографии указывают на исключительную живучесть некоторых древних традиций культуры и искусства, тысячелетиями сохранявшихся у скотоводческих племен и народов.

Кое-какие пережитки «звериного» стиля прослеживаются и на изделиях кыпчакского времени. Например, изображение оленя с повернутой назад головой (Вишневка, Нальчик, Богдо-Уул), зеркально-симметричная композиция фигур и, наконец, поза оленя с поджатыми ногами, характерные для искусства скифского времени [12].

Вместе с репликами скифо-сибирского искусства дошли до позднего средневековья и отголоски некоторых верований и культов далекого прошлого.

Пережитки тотемических воззрений в образах антропоморфных духов-покровителей сохранились у многих тюрко-монгольских народов. Мотив почитания оленя и орла весьма очевиден в легендах и преданиях, связанных с этногенезом башкир [13]. Еще Г. Н. Потанин отмечал широкое распространение образа марала в фольклоре народов Сибири и Монголии, в котором он выступает как священное животное и нередко ассоциируется с созвездиями (Орион, Большая Медведица) [14].

Особенно богатый материал о пережитках тотемических представлений у народов Саяно-Алтайского нагорья был собран последующими поколениями этнографов [15].

У шаманов, как наиболее стойких хранителей родового происхождения и ритуальной обрядовости, сохранились многочисленные свидетельства культа оленя и орла (рис. 6). Алтайский шаман при камлании обращается к самке марала или оленя, главному духу-покровителю и своему предку. Свой бубен он считает верховым животным, «конем-маралухой», на котором он совершает путешествие в «царство духов» [16]. Фигура оленя очень часто бывает изображена не только на шаманских бубнах, но и на бытовых предметах [17].

Отзвуком родо-племенных верований у тех же сибирских народов был и культ орла. Популярный образ этой могучей птицы запечатлен

---

[12] *Н. Н. Членова.* Скифский олень. МИА, № 115, 1962, табл. II, *20* (малая фигура); IV. *3*; V. *10*; *Г. А. Федоров-Давыдов.* Кочевники Восточной Европы, рис. 4, 2.

[13] *А. Н. Киреев.* Этнографические легенды и предания башкирского народа. «Археология и этнография Башкирии», т. IV. Уфа, 1971, стр. 61—62.

[14] *Г. Н. Потанин.* Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899, стр. 154, 627—628.

[15] *В. М. Ионов.* Орел по воззрениям якутов. СПб., 1913; *А. В. Анохин.* Материалы по шаманству алтайцев. « Сб. Музея археологии и этнографии» (далее: МАЭ), т. IV, вып. 2. Л., 1924; *Л. Я. Штернберг.* Культ орла у сибирских народов. Сб. МАЭ, т. III. Л., 1916; *Л. П. Потапов.* Следы тотемических представлений у алтайцев. СЭ, 1935, № 4—5.

[16] *Л. П. Потапов.* Указ. работа, стр. 139—143.

[17] *С. В. Иванов.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX века. М. — Л., 1954, рис. 43, 53—58.

Рис. 6. Рисунки оленей и птиц на шаманских бубнах Алтая и Хакассии (по С. В. Иванову).

в шаманских костюмах, бубнах и головных уборах [18], он фигурирует в многочисленных легендах, мифах и поверьях. Воображение человека наделяло этого «властелина Вселенной» комплексом священных признаков. Орел, будучи тотемом определенного рода, которому приносились жертвоприношения, символизировал еще и плодородие, с ним связывали возрождение природы и всеочищающую силу огня. Образ орла как верховного божества и повелителя солнца запечатлен в якутской «Песне о наступлении года»:

> Когда он (орел) в сторону белого света
> шесть раз клекча прокричал,
> густой туман отделился...
> (из-за нижнего края взъерошенного темного леса)
> ясное солнце, величиною с основание шестисаженного стога,
> плавно стало подниматься... [19]

Л. Я. Штернберг древнейшие истоки культа орла как персонажа солнечного цикла связывал с индоиранским мифом времен Ригведы и

[18] *В. Н. Васильев.* Шаманский костюм и бубен у якутов. Сб. МАЭ, вып. VIII. СПб., 1910, рис. 18; *Л. Я. Штернберг.* Культ орла у сибирских народов, стр. 733—784.
[19] *Л. Я. Штернберг.* Культ орла..., стр. 720.

Авесты[20]. На более древние следы почитания птицы обращает внимание А. П. Окладников[21].

Намного меньше сведений о тотемических и шаманистских пережитках сохранилось у степных народов Казахстана и Средней Азии. Это объясняется не только тем, что здесь происходил наиболее сильный процесс вытеснения старых языческих культов мусульманскими религиозными воззрениями, но и слабой степенью изученности проблемы. Однако и в этих районах исследователи уже выявили следы древних легенд и верований, связанных с антропоморфными культами орла и оленя.

В предании о Джийды-бае в образе главного аруаха, духа-покровителя, выступает желтый беркут[22]. Эта птица у казахских и киргизских баксы — добрый дух, антипод зла[23], у некоторых огузских племен — тотем, у туркмен — повелитель природы[24]. Объектом поклонения у киргизов были также белые сокол и кречет, а культ орла, как правильно отмечает Ю. А. Зуев, известен со времени повествования Аристея о легендарном народе «стерегущих золото грифов»[25].

Предания донесли до нас и образ рогатой матери-оленихи, родоначальницы киргизского племени бугу, в яркой художественной форме описанный Ч. Айтматовым[26].

Штрихи почитания оленя прослеживаются и в казахском фольклоре, например в «Легенде о Баяне» и предании «Козы-Корпеш и Баян-слу»[27]. Имеются более древние следы культа оленя, которые проявились в запрете истреблять это священное животное. Буддийский паломник Сюань-Цзан в описании своего путешествия 629 г. упоминает о летней ставке тюркского кагана где-то в предгорьях Таласского Алатау: «Там масса оленей, многие из которых украшены бубенцами и ремешками. Они привыкли к людям, поэтому не слишком пугаются их и не очень убегают. Туцзюэский каган любит их и запретил

---

[20] Там же, стр 728.

[21] *А. П. Окладников.* Образ птицы в искусстве бронзового века Забайкалья и его аналогии в народном искусстве бурят. СЭ, 1954, № 1, стр. 150—153.

[22] *Г. Н. Потанин.* Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки. Пг, 1917, стр. 66.

[23] *А. А. Диваев.* Баксы как лекарь и колдун. «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», 1899, т. XV, вып. 3. Казань, стр. 314.

[24] *В. Н. Басилов.* О туркменском «пире» дождя Буркут-баба. СЭ, 1963, № 3, стр. 42—52.

[25] *Ю. А. Зуев.* Киргизы-буруты. СЭ, 1970, № 4, стр. 79—80.

[26] *Ч. Айтматов.* Повести и рассказы. М., 1970, стр. 37—46. Племя бугу входит в правое крыло (он) дореволюционной структуры племенного деления киргизов. См.: *Ч. Ч. Валиханов.* Собр. соч. в 5-ти т., т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 125, 302, 422; *В. В. Радлов.* Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Иркутск, 1929, стр. 20; *Р. Я. Винников.* Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. I. М., 1957, стр. 138, рис. 1.

[27] «Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина». Алма-Ата, 1972, стр. 254, 258.

своим подданным убивать их; кто убьет, тот будет казнен без пощады. Поэтому-то оленьи стада сохраняются и живут до конца своих дней»[28].

Истоки культового образа оленя не ограничиваются раннетюркским временем и влиянием сасанидского искусства, хотя вклад последнего в средневековую степную торревтику ощутим[29]. Изображения оленя, известные в ряде археологических памятников в Евразии рубежа новой эры, в том числе Казахстана (Жаман-тогай, Каргалинка)[30], показывают, что семантика этого мотива уходит своими корнями в мир первобытной мифологии скифо-сакского времени. И это не удивительно, поскольку марал с древнейших времен был в числе постоянных обитателей степных районов Казахстана и лишь к середине XVIII столетия был оттеснен человеком в лесную зону[31].

Олень и птица на костяных пластинах из Северного Казахстана не были простой декорацией средневекового колчана. В этих образах отражалась далекая апотропеическая традиция степных и лесостепных племен I тысячелетия до н. э.

---

[28] *Ю. А. Зуев.* Китайские сведения о Суябе. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1960, вып. 3/14, стр. 91.

[29] *R. Ghirshman.* Jran. Parther und Sasaniden. München, 1962, abb. 241, 254, 436, 438.

[30] *А. Н. Бернштам.* Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке. КСИИМК, V, 1940, стр. 24; *А. Г. Максимова, М. С. Мерщиев, В. И. Вайнберг, Л. М. Левина.* Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, стр. 186, рис. 5.

[31] *В. С. Важанов, Н. Н. Костенко.* Атлас руководящих форм млекопитающих антропогена Казахстана. Алма-Ата, 1962, стр. 28.

УЗУН-БУЛАК И ШОШКАЛА — МОГИЛЬНИКИ УСУНЬСКОГО ВРЕМЕНИ

А. Г. МАКСИМОВА

Урочища Узун-Булак и Шошкала находятся в 9 *км* на юго-восток от ст. Ак-Чулак Джамбулской области. Могильники расположены у подножия гор Киргизского Алатау.

Могильник Узун-Булак состоит из 56 курганов, разбросанных небольшими группами. Первая группа насчитывает шесть крупных курганов, расположенных С — Ю. Диаметр их от 11 до 20 *м*, высота от 0,38 до 1 *м*. В остальных группах, кроме курганов среднего размера: диаметр 3—8 *м*, высота 0,05—0,2 *м*, есть выкладки. Все курганы имеют насыпь из земли и камня, а в основании — кольцо из крупных камней. Выкладки на поверхности обозначены кольцом из крупного камня, внутри кольца также был камень. В могильнике раскопано 17 курганов и 8 выкладок.

Курган 3 диаметром 10,8 *м*, высотой 0,26 *м*. Поверхность выложена камнем (камень отсутствовал в центре кургана). Под насыпью, на дневной поверхности того времени обнаружено кольцо из крупного камня (рис. 1, *5—8*).

На глубине 0,5 *м* от вершины кургана, в центре, оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами З—В (длина 3,1 *м*, ширина в западной части 1,4 *м*, в восточной 1 *м*). При расчистке ямы на разных глубинах встречены зубы и кости ног барана, обломки миски (рис. 2, *21*) и кубка (рис. 2, *19*), сделанных из глины ручной лепкой, обломки костей человека, остатки перегнившего дерева и древесные угольки.

На дне ямы (глубина 1,8 *м*), в юго-восточной части, у стенки зафиксированы в анатомическом порядке хвостовые позвонки двух баранов, на которых лежал железный ножичек с вычлененной рукоят-

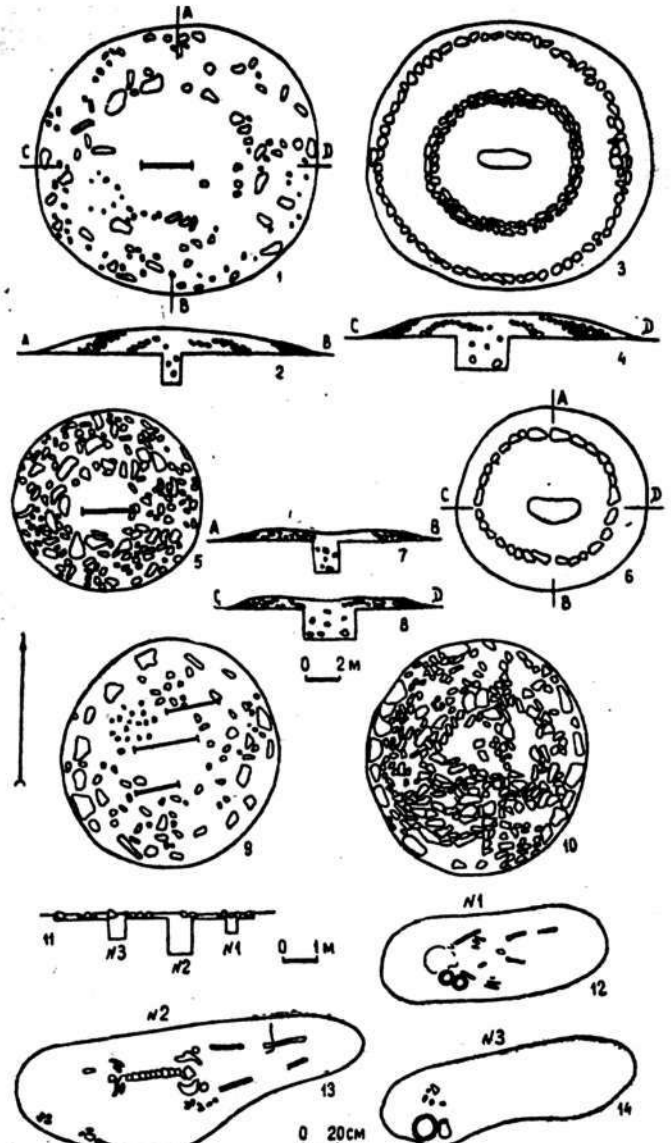

Рис. 1. Узун-Булак. Планы и разрезы: *1—4* курган 5; *5—8* — курган 3; *9—14* — курган 9.

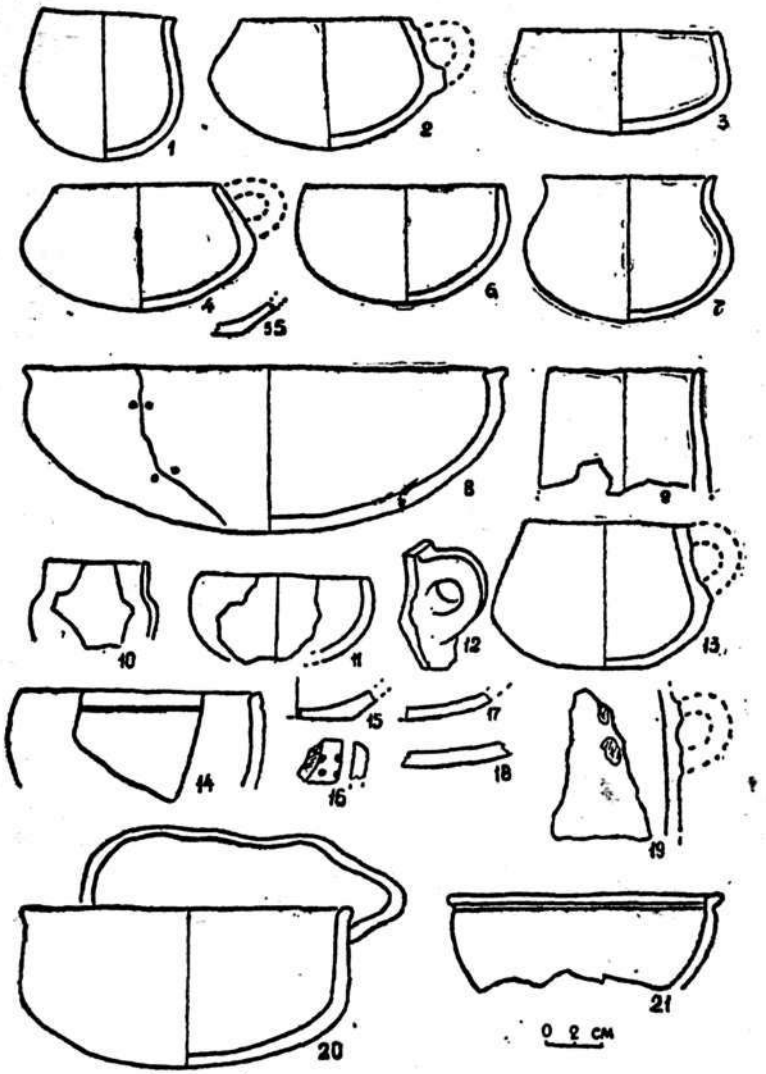

Рис. 2. Узун-Булак. Глиняные сосуды: *1* — курган 16; *2* — курган 21; *3* — курган 22; *4, 5* — выкладка 24; *6* — курган 34; *7* — курган 48; *8, 9, 11* — выкладка 17; *10* — курган 5; *12, 13, 20* — курган 54; *14—16* — курган 4; *17—19, 21* — курган 3.

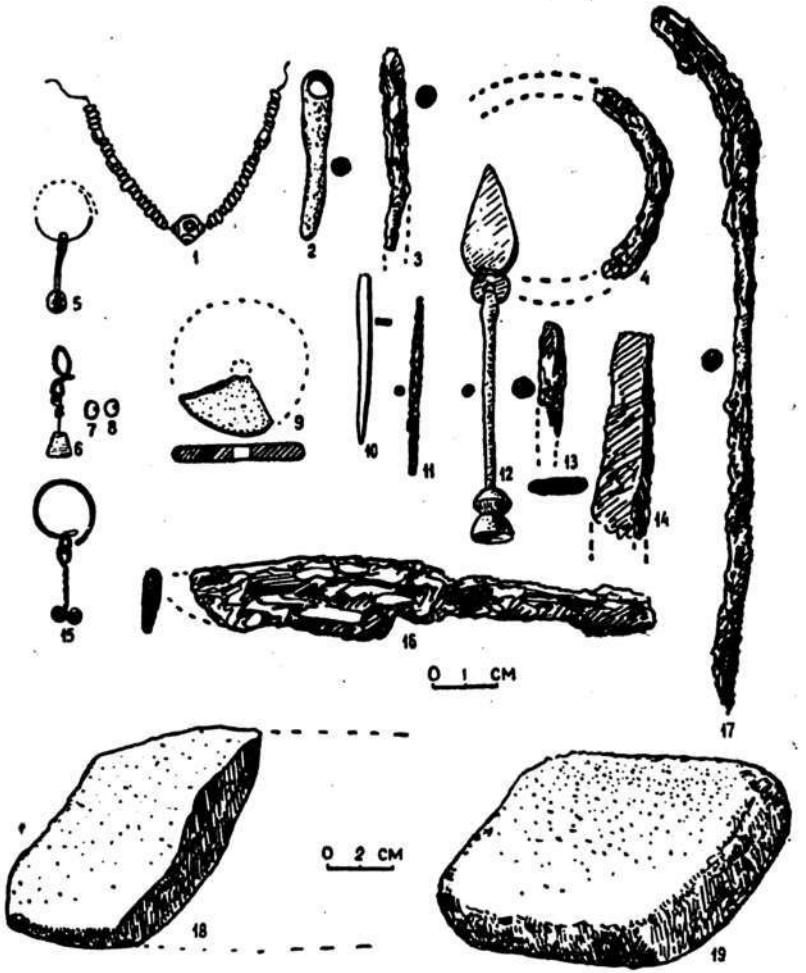

Рис. 3. Вещи. Узун-Булак: *2* — курган 5; *6* — курган 22; *7* — выкладка 17; *8* — курган 54; *10* — выкладка 15; *16* — курган 3; Шошкала: *1*, *12* — курган 59; *4*, *13* — курган 56; *9* — курган 138; *14* — курган 18; *17* — выкладка 83; *18* — курган 55; *19* — курган 129; *3*, *5*, *11*, *15* — могильник Кызыл-Кайнар.

кой (рис. 3, *16*). Около и под хвостовыми позвонками прослежены остатки тлена от дерева, по всей вероятности, чаши.

В восточной части ямы обнаружены левая ступня и нижняя часть большой и малой берцовых костей. Очевидно, погребенный лежал головой на запад. На дне ямы отмечены остатки тлена темного цвета.

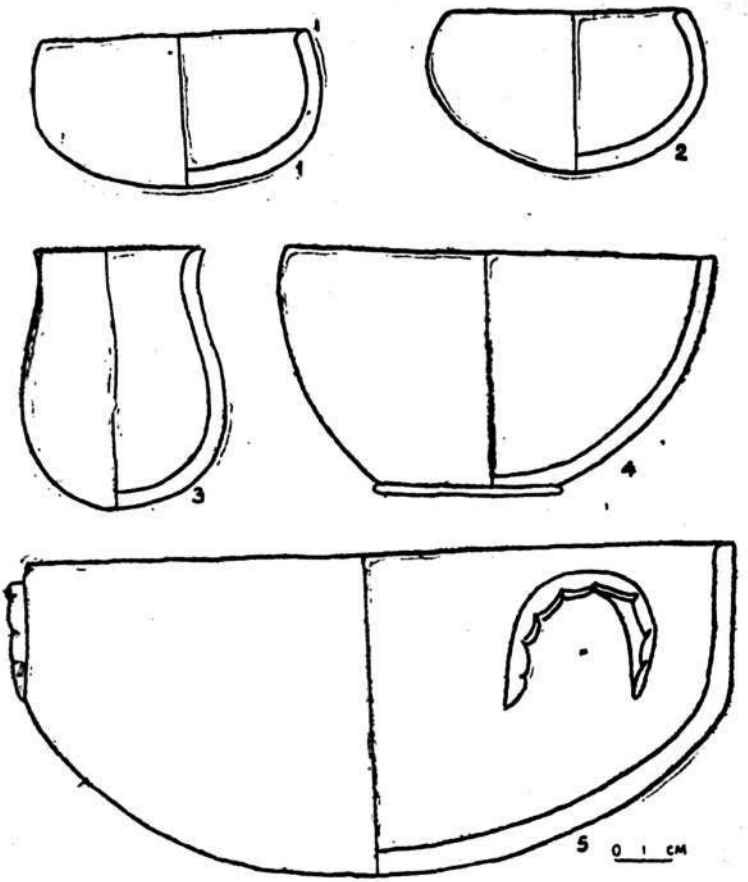

Рис. 4. Узун-Булак. Глиняные сосуды: *1, 2* — курган 9, погребение 1; *3, 4* — курган 9, погребение 3; *5* — курган 22.

Курган 4 диаметром 10,2—10,7 *м*, высотой 0,38 *м*. Поверхность выложена камнем (в центре камень отсутствовал). Под насыпью, на дневной поверхности того времени, выявлено кольцо из камня диаметром 10 *м*.

На глубине 0,6 *м* от вершины кургана, почти в центре каменного кольца, четко оконтурилась могильная яма, ориентированная по длинной оси З — В (длина ямы 2,5 *м*, ширина 1,9 *м*). При ее расчистке на разной глубине встречены обломки костей и зубы человека, обломки глиняной полусферической чаши, сделанной от руки (рис. 2, *14*), днище плоскодонного сосуда (рис. 2, *15*). В заполнении ямы найдены об-

ломки чирака, с внешней поверхности покрытого белой поливой с черными глазками по ней (рис. 2, *16*), относящегося к X — XI вв., обломок глиняной водопроводной трубы, перегнившее дерево, которые попали сюда, видимо, во время ограбления. На глубине 1,75 *м* от края ямы в западной части оказались ребра человека, покрытые окисью меди. На дне ямы (глубина 1,9 *м*), на слое мелкой гальки, зафиксирован тлен темно-коричневого цвета. Чтобы стенки не осыпались, яма со всех сторон по дну была обложена небольшими камнями. Почти в центре ее найден обломок круглой бронзовой пластины.

Курган 5 диаметром 16 *м*, высотой 0,81 *м*. Поверхность выложена камнем (в центре камень отсутствовал). Под насыпью, на дневной поверхности того времени, обнаружены две кладки из камней. Первая диаметром 9 *м* из крупных камней, вторая — 14 *м* также из крупных камней (рис. 1, *1—4*). На глубине 1,35 *м* оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами З — В (длина ямы 3 *м*, ширина 1,1 *м*).

При расчистке могильной ямы на разных глубинах встречены разрозненные кости человека, обломки костей барана, кусочки перегнившего дерева, обломки глиняного горшка, сделанного на гончарном круге из плотного, хорошо отмученного теста (рис. 2, *10*). На глубине 1,3 *м* в западной части ямы лежал череп человека, а чуть глубже — бронзовая подвеска от пояса (рис. 3, *2*). На дне ямы (глубина 1, 8 *м*) по всей ее поверхности прослеживаются следы темно-коричневого тлена.

Курган 9 диаметром 6—7 *м*, высотой 0,07 *м*. Поверхность выложена камнем, по основанию он обложен крупным камнем. После зачистки выяснилось, что насыпь каменная. На глубине 0,2 *м* от вершины оконтурились три могильные ямы, ориентированные почти точно З — В с небольшим отклонением западной стенки к югу (рис. 1, *9—14*).

Яма 1 длиной 1,3 *м*, шириной 0,5 *м*, глубиной 0,5 *м*. На дне ее находился скелет человека (ребенок 10—12 лет), лежащий на спине, в вытянутом положении, головой на ЗЮЗ. Около правого плеча стояли две глиняные полусферические чаши с округлым дном, сделанные ручной лепкой (рис. 4, *1—2*). Немного выше плеча левой руки и лучевых костей правой найдено по астрагалу (игральные кости).

Яма 2 длиной 2 *м*, шириной 0,75 *м*, глубиной 1,1 *м*. На дне лежал скелет человека, на спине в вытянутом положении, головой на ЗЮЗ. Руки вытянуты вдоль туловища. Выше правого плеча обнаружены хвостовые позвонки барана и обломки железного ножа. В западной части имелась зола и древесный уголек.

Яма 3 (точных контуров могильной ямы определить не удалось). По приблизительным данным, длина ямы 1,5 *м*, ширина 0,4 *м*, глубина 0,8 *м*. На дне находился скелет человека, видимо, подростка, лежащий вытянуто, головой на ЗЮЗ. С правой стороны черепа стояли глиняные миски (рис. 4, *4*) и кувшинчик (рис. 4, *3*), сделанные ручной

лепкой. Кувшинчик с округлым дном, а миска с плоским. В ней были хвостовые позвонки барана — остатки погребальной пищи.

Выкладка 10 диаметром 3,6 *м*. Поверхность выложена камнем. На глубине 0,7 *м*, почти в центре, оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами З — В. Длина ямы 2 *м*, ширина 0,52 *м*. На дне ямы лежал скелет человека, на спине в вытянутом положении, головой на З. Руки вытянуты вдоль туловища. Выше плечевого сустава с правой стороны найден обломок железного ножа.

Выкладка 15 диаметром 4—4,5 *м*. Поверхность выложена камнем. На глубине 0,6 *м* четко оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами З — В. Длина ямы 2,1 *м*, ширина 0,85 *м*. В восточной части ее сохранились остатки перекрытия из плотно уложенного камня. На дне (глубина 0,4 *м*), вдоль стенок лежали небольшие камни. При расчистке ямы выявлены обломок глиняного сосуда, сделанного ручной лепкой, бронзовая проколка — шило (рис. 3, *10*) и кости человека. В анатомическом порядке находились кости ног и локтевая кость правой руки. Судя по ним, погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на З. Руки вытянуты вдоль туловища.

Курган 16 диаметром 5,5—6 *м*, высотой 0,17 *м*. Поверхность выложена камнем. На глубине 0,4 *м*, почти в центре, четко оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами З — В. Длина ямы 2,2 *м*, ширина 0,6 *м*. В 0,5 *м* от западной стенки под южную уходит ниша шириной 0,5 *м*, глубиной 0,3 *м*. При расчистке ямы встречены разрозненные кости человека. На дне (глубина 0,5 *м*), у начала ниши стояла глиняная полусферическая чаша, сделанная ручной лепкой. Край венчика слегка отогнут наружу, дно округлое (рис. 2, *1*).

Выкладка 17 диаметром 5,5—6 *м*. Вся поверхность выложена камнем, а по основанию — кольцо из камня. На глубине 0,3 *м* в южной части оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами почти точно З — В, при незначительном отклонении западной стенки на юг (длина ямы 2,5 *м*, ширина 0,6 *м*). В юго-западной части ее отмечена ниша, уходящая под южную стенку. Глубина ниши и ширина ее 0,55 *м*, высота 0,6 *м*.

На дне ямы (глубина 1,2 *м*) находился скелет человека в вытянутом положении, головой на З. Руки вытянуты вдоль туловища, правая нога чуть согнута в колене и откинута в сторону. Череп лежал немного выше, как бы на подушке. На костях сохранились остатки темно-коричневого тлена, видимо, от кошмы. При расчистке в области грудных позвонков найдены бусина из стекловидной массы (рис. 3, *7*) и обломки глиняных сосудов. За черепом и частично под ним обнаружены обломки глиняных полусферической чаши (рис. 2, *11*) и кубка (рис. 2, *9*), сделанных ручной лепкой. Край венчика прямой, утолщен внутрь и наружу, дно округлое (рис. 2, *8*). В чаше имелись хвостовые позвонки барана (остатки погребальной пищи), железный ножичек и угольки, видимо, кустарника.

Выкладка 18 диаметром 4,8—5 *м*. На поверхности она обозначена почти правильным кольцом из камней. В центре ее кое-где имелся камень, под которым оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами З — В. Длина ямы 2,1 *м*, ширина 0,8 *м*. При ее расчистке встречены разрозненные кости человека. На дне (глубина 0,7 *м*) обнаружен неполный скелет человека (в анатомическом порядке сохранились кости ног и частично левая локтевая и грудная косточки). Судя по костям, погребенный лежал головой на З, в вытянутом положении, на спине. Из вещей ничего не найдено.

Курган 21 диаметром 5,7 *м*, высотой 0,05 *м*. По основанию и поверхности выложен камнем. На глубине 0,3 *м*, в центре оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами ЗСЗ — ВЮВ. Длина ямы 2,8 *м*, ширина 0,6 *м*. В юго-западном углу оказалась небольшая ниша. При расчистке ямы встречены разрозненные кости человека (фаланги, ребра). На дне (на глубине 0,6 *м*) находился неполный скелет человека в вытянутом положении, на спине, головой на ЗСЗ. Правая нога слегка согнута в коленях и повернута внутрь. Правая рука согнута в локте так, что ее кисть лежит на тазовых костях. Выше черепа, у западной стенки стоял глиняный кубок (ручка обломана) ручной лепки. Дно округлое, а верхняя часть стенок скошена внутрь (рис. 2, *2*).

Курган 22 диаметром 5,5 *м*, высотой 0,14 *м*. Поверхность и основание выложены камнем. На глубине 0,4 *м* от вершины оконтурилась могильная яма, ориентированная по длинной оси З — В (длина ямы 2,2 *м*, ширина 0,55 *м*). Под южную стенку шла ниша шириной 0,3 *м*, глубиной 0,2 *м* и высотой 0,2 *м*. В нише стояла глиняная полусферическая чаша с округлым дном и скошенными внутрь стенками, сделанная ручной лепкой (рис. 2, *3*). Рядом с чашей у западной стенки находилась глиняная миска с округлым дном и вертикальными стенками, на которых с противоположной стороны имелись подковообразной формы налепы, имитирующие ручки (рис. 4, *5*). В миске была серьга из бронзовой проволоки с подвесным камушком (рис. 3, *6*). Глубина ямы 0,6 *м*. При ее расчистке найдены обломки черепа человека.

Курган 23 диаметром 5 *м*, высотой 0,16 *м*. Поверхность выложена камнем. Длина ямы 1,68 *м*, ширина 0,6 *м*. В юго-западном углу под южную стенку уходит небольшая ниша. При расчистке ямы встречены разрозненные кости человека. На дне (глубина 1 *м*) в анатомическом порядке сохранились обломки берцовых костей правой ноги. Судя по ним, погребенный лежал в вытянутом положении, на спине, головой на З.

Выкладка 24 диаметром 3—3,6 *м*. По кругу и центру выложена камнями, преимущественно большими. На глубине 0,25 *м* в центре оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами почти точно З — В. Длина ямы 1,82 *м*, ширина 0,5 *м*. Яма сверху обозначена камнями, при снятии которых выявлены обломки глиняного сосуда (рис. 2, *5*).

На дне (глубина 0,7 *м*) находился скелет человека, лежащий на спине, головой на З. Руки вытянуты вдоль туловища. Под южной стенкой, в юго-западной части ямы, была ниша длиной 0,33 *м*, шириной 0,2 *м*, высотой 0,2 *м*, в которой обнаружены кости барана (остатки погребальной пищи). Выше правого плеча, около черепа, стоял глиняный кубок (ручка обломана) с округлым дном и скошенными внутрь стенками. Сосуд сделан ручной лепкой (рис. 2, *4*).

Курган 27 диаметром 5,7 *м*, высотой 0,13 *м*. По основанию обложен крупным камнем. На поверхности его также имелся камень. На глубине 0,5 *м* от вершины, в центре оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами ЗСЗ — ВЮВ. Длина ямы 1,5 *м*, ширина 0,5 *м*, глубина 0,8 *м*. В юго-западном углу ее оказалась ниша. При расчистке ямы встречены разрозненные кости человека и астрагал барана.

Выкладка 29 диаметром 5 *м*. На поверхности она обозначена камнями. Почти в центре на глубине 0,35 *м* оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами З—В. Длина 1,6 *м*, ширина 0,6 *м*, глубина 1 *м*. Кроме отдельных костей человека в заполнении ямы ничего не найдено.

Курган 34 диаметром 6 *м*, высотой 0,06 *м*. Поверхность выложена камнем. На глубине 0,3 *м* в восточной части оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами З — В. Длина ямы 2,1 *м*, ширина 0,8 *м*. На дне ямы (глубина 0,9 *м*), в юго-западном углу стояла глиняная полусферическая чаша с округлым дном, сделанная ручной лепкой (рис. 2, *6*). В заполнении ямы встречены разрозненные кости человека.

Выкладка 37 диаметром 5 *м*. Поверхность выложена камнем. На глубине 0,3 *м*, в центре оконтурилась могильная яма, ориентированная по длинной оси З — В. Длина ямы 1,8 *м*, ширина 0,5 *м*. На дне (глубина 0,6 *м*) в анатомическом порядке лежали кости ног человека (бедренные и берцовые). Судя по ним, погребенный лежал головой на З.

Выкладки 42, 43, 44, 45, 46 расположены почти на одинаковом расстоянии друг от друга в направлении ССЗ — ЮЮВ. Диаметр их с С на Ю 2—2,7 и с З на В 2,7—3,2 *м*. Поверхность выложена камнем. При снятии камней в выкладках 42 и 44 найдены обломки трубчатых костей барана (?). Никаких признаков могильных ям не обнаружено.

Курган 48 диаметром 4,5—4,8 *м*, высота 0,1 *м*. Поверхность выложена камнем. На глубине 0,4 *м* в южной части четко оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными стронами З — В. Длина ямы 2,4 *м*, ширина 0,55 *м*. В юго-западном углу имелась небольшая ниша (длина 0,35 *м*, глубина 0,16 *м*). Около ниши стоял глиняный горшок с округлым дном, ручной лепки (рис. 2, *7*). На дне ямы (глубина 0,6 *м*) в анатомическом порядке лежали кости ног человека. Судя по ним, погребенный лежал в вытянутом положении, головой на З.

Курган 53 диаметром 5,4 *м*, высотой 0,05 *м*. Поверхность выложена камнем. В южной части оконтурилась могильная яма, ориен-

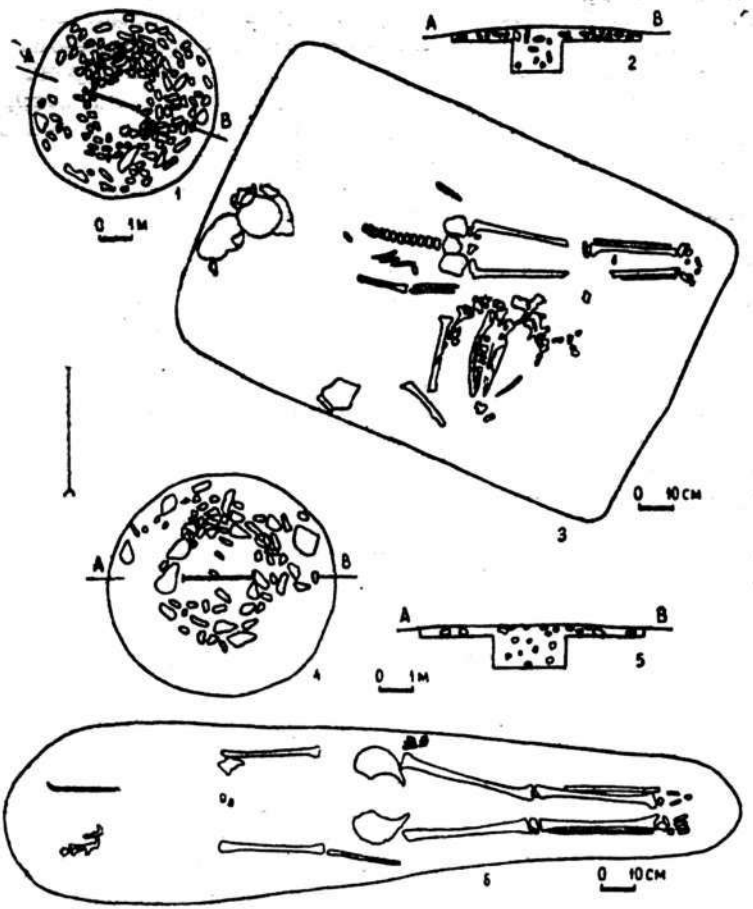

Рис. 5. Шошкала. Планы и разрезы: *1—3* — курган 18; *4—6* — выкладка 83.

тированная длинными сторонами З—В (длина ямы 2,15 *м*, ширина 0,55 *м*). Под южную стенку (в западной части) уходила ниша. Как на дне ямы, так и в ее заполнении встречены разрозненные кости человека.

Курган 54 диаметром 4,5 *м*, высотой 0,2 *м*. Поверхность выложена камнем. При снятии насыпи найден обломок боковины сосуда с прямоугольной в сечении ручкой (рис. 2, *12*). На глубине 0,5 *м* в южной части насыпи оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами ЗЮЗ — ВСВ. Длина ямы 1,5 *м*, ширина 0,45 *м*,

глубина 0,6 *м*. В юго-западном углу, в нише глубиной 0,4 *м*, шириной 0,5 *м*, высотой 0,3 *м* стояли два глиняных сосуда, сделанных ручной лепкой. Миска с вертикальными стенками и округлым дном (рис.2, *20*), кубок (ручка обломана) со скошенными внутрь стенками и округлым дном (рис. 2, *13*). В миске были бусина (бисер) темно-серого цвета (рис. 3, *8*) и хвостовые позвонки барана (остатки погребальной пищи). В заполнении ямы найдены обломки детского черепа.

Могильник Шошкала насчитывает 185 курганов, расположенных тремя цепочками с С на Ю. Западная цепочка состоит в основном из больших курганов диаметром от 10 до 25 *м*, есть и небольшие, а также выкладки. Центральную и восточную цепочки образуют курганы средней величины и небольшие, а также выкладки. Все курганы по внешнему виду аналогичны курганам Узун-Булакского могильника.

Курган 18 диаметром 5,5 *м*, высотой 0,16 *м* (рис. *5*, *1—3*). Поверхность выложена камнем, по основанию проходит кольцо из крупных камней (в центре камень отсутствовал). На глубине 0,4 *м* от вершины кургана, в центре обнаружен завал из камней, под которым оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами ЗСЗ — ВЮВ. Яма почти квадратной формы (длина 1,5 *м*, ширина 1,15 *м*). В ее заполнении встречены обломки глиняного горшка, изготовленного из плотного, хорошо отмученного теста, на гончарном круге. Край венчика в разрезе треугольной формы, срезан и утолщен наружу.

На дне ямы (глубина 1 *м*) находился неполный скелет человека (подростка). Погребенный лежал почти по диагонали, на спине, в вытянутом положении, головой на З. Руки вытянуты вдоль туловища. У южной стенки, напротив локтевого сустава правой руки зафиксирован обломок днища с боковиной от горшка. В верхней части тулова нанесен орнамент в виде двух прочерченных линий — каннелюр (рис. 6, *4*), дно уплощенное. С правой стороны погребенного обнаружен скелет барана (сохранились череп, поясничные и хвостовые позвонки). Среди костей барана найден железный ножичек (рис. 3, *14*).

Выкладка 29 диаметром 4 *м*. Поверхность выложена камнем, по основанию идет каменное кольцо. К югу от центра, на глубине 0,2 *м*, оконтурилась могильная яма, ориентированная по длинной оси З — В. Длина ямы 1,4 *м*, ширина 0,4 *м*, глубина 0,25 *м*. Ничего не найдено.

Выкладка 52 диаметром 6 *м*. По основанию обложена камнем, на поверхности имеются также камни. На глубине 0,9 *м* (1,3 *м* от центра) обнаружены обломки черепа человека и трубчатых костей, под которыми оказался материковый слой. Четких контуров могильной ямы не прослежено.

Выкладка 53 диаметром 6,—6,5 *м*. По основанию обложена камнем. На глубине 0,25 *м*, в центре четко оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами З — В. Длина ямы 2 *м*, ширина 0,6 *м*. В юго-западной части ее выявлена ниша длиной 0,5 *м*, глу-

биной 0,25 *м*, высотой 0,3 *м*, в которой стояла плоскодонная плошка, изготовленная ручной лепкой (рис. 6, *1*). На дне ямы (глубина 0,9 *м*) находился неполный скелет человека. В анатомическом порядке сохранились кости ног и локтевая кость левой руки. Судя по ним, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на З.

Курган 56 диаметром 6,8—7,5 *м*, высота 0,2 *м*. В основании кургана выложено кольцо из камней (рис. 7, *1—3*). На глубине 0,4 *м* от вершины четко оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами ЗЮЗ — ВСВ. Длина ямы 2,8 *м*, ширина 0,6 *м*. В юго-западной части ямы, под южную стенку уходит ниша длиной 0,8 *м*, глубиной 0,28 *м*, высотой 0,35 *м*. У ниши стоял глиняный плоскодонный горшочек, изготовленный на гончарном круге, из хорошо отмученного плотного теста (рис. 6, *2*). В восточной части ямы, на дне (глубина 1 *м*) находились в анатомическом порядке кости ног человека. Судя по ним, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. В западной части ямы собрано более ста бусин (бисер) из белой пасты, около десяти прямоугольных бусин из пасты желтого цвета, обломки железной шпильки (рис. 3, *13*), обломок железного ножа и половина железного кольца, видимо, пряжки (рис. 3, *4*). При расчистке ямы встречены кости человека, обломки глиняных сосудов — горшочка и вазообразного кубка (рис. 6, *3*), кусочки перегнившего дерева, угольки и кальцинированная косточка. Остатки перегнившего дерева, возможно, свидетельство наличия деревянного перекрытия ямы.

Курган 59 диаметром 8,3—9 *м*, высота 0,15 *м*. По основанию имелось кольцо из камней, а на поверхности — кое-где камни (рис. 8, *1—5*). При снятии насыпи обнаружены обломки глиняных сосудов ручной лепки и ручек от них (рис. 6, *6*, *7*), кости человека. На глубине 0,5 *м* от вершины кургана четко оконтурились две могильные ямы, ориентированные длинными сторонами З — В (яма 2 отклонена незначительно к С).

Яма 1 длиной 2,3 *м*, шириной 0,65 *м*, ориентирована по длинной оси З — В (рис. 8, *3*). При ее расчистке выявлены обломки сосудов, изготовленные из глины ручной лепкой (рис. 6, *8*), древесный уголек, кости человека. В западной части ямы, в слое над дном (глубина 0,9 *м*), найдены бронзовая брошь, возможно, для волос или прикрепления головного убора, с листообразным навершием на одном конце и полой застежкой на другом (рис. 3, *12*), светлые из стекловидной массы бусы, каменная буса с шестью гранями, на каждую приклеено по лучу, выточенному из камушка (рис. 3, *1*). На дне ямы в анатомическом порядке сохранились частично кости ног. Судя по ним, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на З.

Яма 2 длиной 1,6 *м*, шириной 0,55 *м*, ориентирована ЗСЗ — ВЮВ. Расположена к северу от ямы 1 (рис. *8*, *4*, *5*). Дно ямы неровное (глубина у западной стенки 0,15 *м*, у восточной 0,14 *м*, в центре 0,35 *м*). На дне лежал скелет человека на спине, в вытянутом положении, руки его согнуты в локте, кисти находились на поясе (правая рука

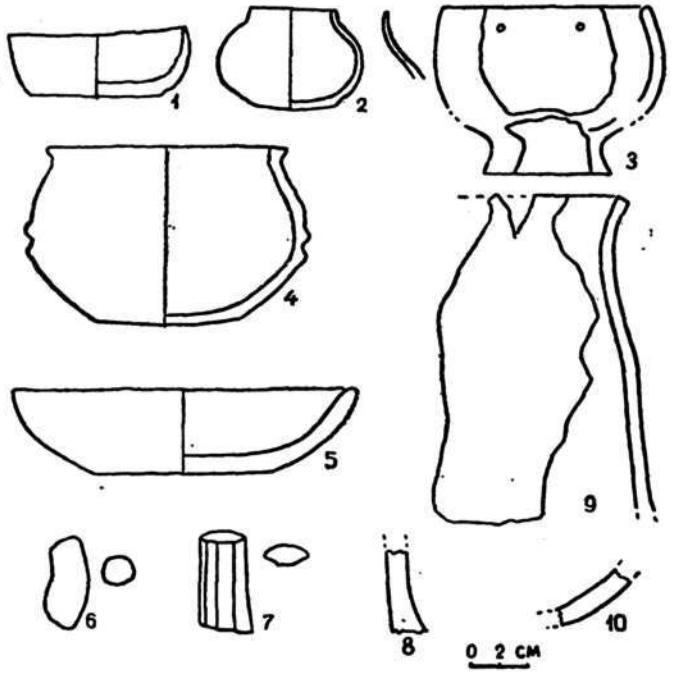

Рис. 6. Шошкала. Глиняные сосуды: *1* — курган 53; *2, 3* — курган 56; *4* — курган 18; *5, 9, 10* — выкладка 83; *6, 7, 8* — курган 59.

была выше левой), головой на ЗСЗ. Никаких вещей при погребенной не оказалось. По всей вероятности, это захоронение рабыни или служанки.

Выкладка 64 диаметром 5 *м*. По основанию обложена крупным камнем. На глубине 0,8 *м* от поверхности начался материковый слой. Никаких признаков захоронения не обнаружено.

Курган 80 диаметром 3,5 *м* высотой 0,05 *м*, на поверхности выложен камнем. При снятии насыпи найдена лопатка барана. Никаких признаков захоронения не отмечено.

Выкладка 83 диаметром 7 *м*. По основанию проходит каменное кольцо, которое четко прослеживалось после снятия дернового слоя (рис. 5, *4—6*). Вся поверхность выложена камнем (камень отсутствовал в центре). На глубине 0,3 *м* оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами З — В. Длина ямы 2,2 *м*, ширина 0,5 *м*. В заполнении ямы встречены разрозненные кости человека, зубы лошади, хвостовые позвонки барана и обломки глиняных сосудов с пло-

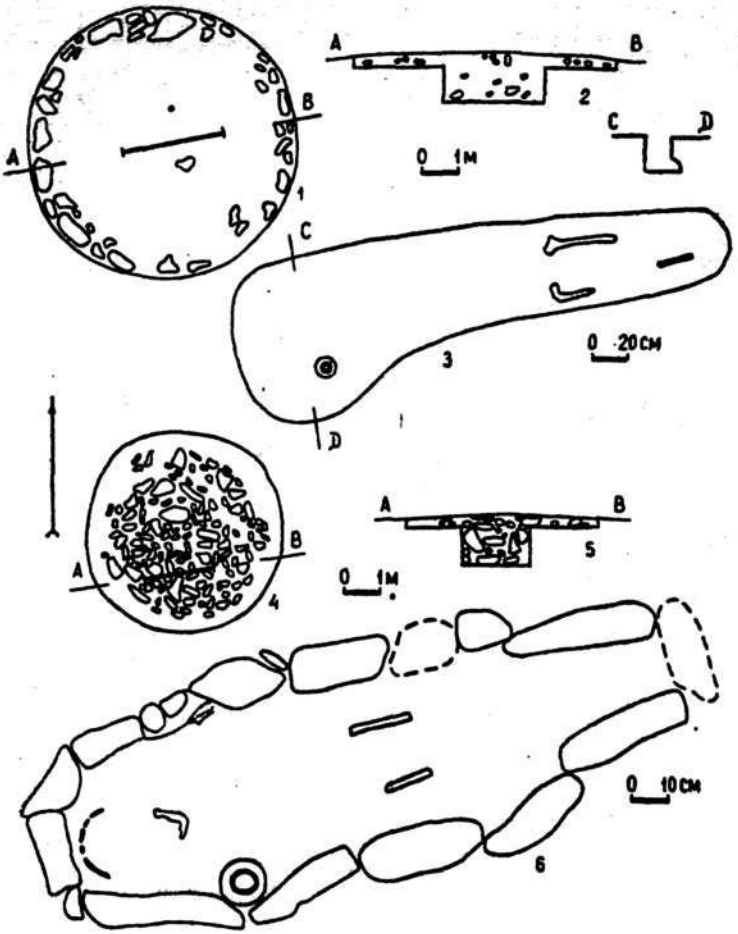

Рис. 7. Шошкала. Планы и разрезы: 1—3 — курган 56; 4—6 — курган 127.

ским или уплощенным дном, изготовленные ручной лепкой (рис. 6, *9*, *10*). На дне ямы (глубина 1 *м*) находился неполный скелет человека. Судя по нему, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на З. Руки вытянуты вдоль туловища. Выше черепа, с правой стороны лежали спинные и хвостовые позвонки барана (остатки погребальной пищи), а с левой — железная булавка длиной 0,22 *м* (рис. 3, *17*). Около лучевой кости левой руки оказались кусочки древесных угольков. При снятии насыпи найдены обломки глиняных сосудов, изготовленных ручной лепкой.

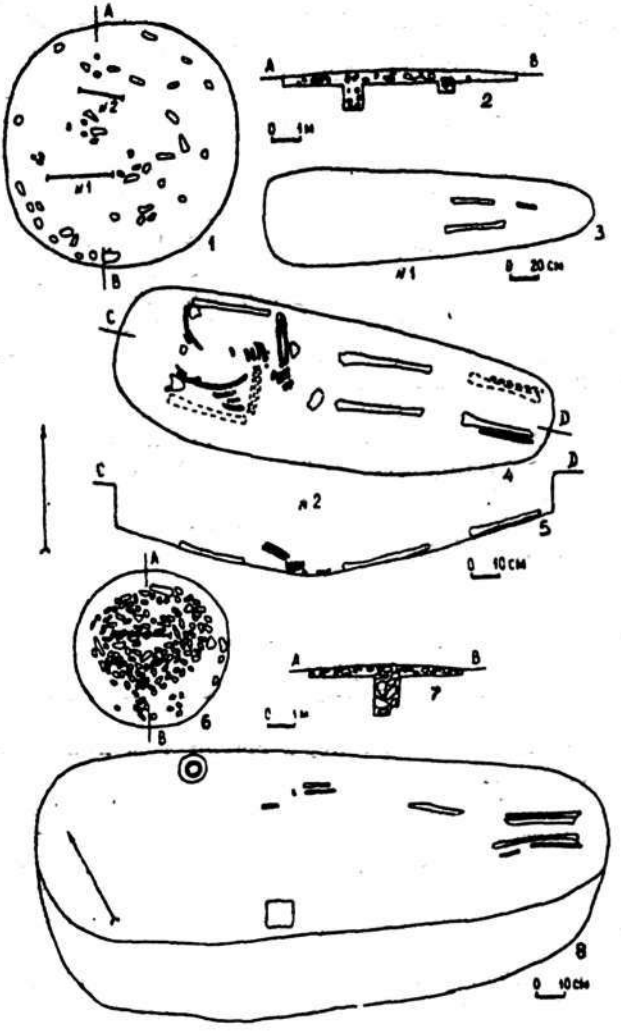

Рис. 8. Шошкала. Планы и разрезы: *1—5* — курган 59; *6—8* — курган 129.

Курган 87 диаметром 11,4—13,5 *м*, высотой 0,17 *м*. Поверхность выложена камнем, по основанию проходит кольцо. На глубине 0,4 *м* оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами ЗЮЗ — ВСВ. Яма перекрыта поперек каменными плитами. Длина ямы 2,2 *м*, ширина 0,55 *м*. На дне (глубина 1 *м*) находился неполный скелет человека. В анатомическом порядке сохранились кости ног.

Судя по ним, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на ЗЮЗ. При расчистке ямы обнаружены обломки глиняных сосудов, изготовленных ручной лепкой.

Выкладка 105 диаметром 8—8,5 *м*. По основанию выложено каменное кольцо. На глубине 0,2 *м* в западной части оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами З — В. Длина ямы 1,9 *м*, ширина 0,6 *м*. На дне (глубина 0,7 *м*) находился скелет человека, лежащий на спине, в вытянутом положении, головой на З. Руки вытянуты вдоль туловища. Вещи отсутствовали.

Курган 109 диаметром 7,6 *м*, высотой 0,18 *м*. По основанию проходит кольцо из камня, поверхность его выложена камнем. В центре кургана оконтурилась могильная яма, перекрытая поперек каменными плитами. Яма ориентирована по длинной оси ЗСЗ — ВЮВ (длина ямы 2,3 *м*, ширина 0,4 *м*). В юго-западной части оказалась ниша, в которой на небольшой подсыпке стоял глиняный кувшин с округлым дном и вертикальной петлеобразной ручкой в верхней части, с небольшим желобком на внешней стороне. Край венчика слегка отогнут наружу (рис. 9, *5*). В анатомическом порядке сохранился обломок бедренной кости. Судя по нему, погребенный лежал в вытянутом положении, на спине, головой на ЗСЗ.

Выкладка 113 диаметром 4,8 *м*. На поверхности кое-где имелись камни. На глубине 0,2 *м* в южной части отмечена кладка из камней, под которыми оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами СЗ — ЮВ. Длина ямы 2,1 *м*, ширина 0,8 *м*. Она заполнена крупным камнем. На дне (глубина 0,9 *м*) находились в анатомическом порядке большая и малая берцовые кости левой ноги. Судя по ним, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на СЗ. Вещей не было.

Курган 122 диаметром 10 *м*, высотой 0,1 *м*. На глубине 0,3 *м* в юго-западной части четко оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами СЗ — ЮВ. Длина ямы 2 *м*, ширина 0,6 *м*. В юго-западной части под южную стенку уходит ниша длиной 0,25 *м*, глубиной 0,3 *м*. В заполнении ямы встречены разрозненные кости человека. Из вещей ничего не выявлено.

Курган 127 диаметром 5,5 *м*, высотой 0,07 *м* (рис. 7, *4—6*). Его поверхность выложена камнем. Под насыпью, под завалом из камней оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами ЗЮЗ — ВСВ. Яма заполнена крупным камнем. На глубине 0,8 *м* от края ямы зафиксирован ящик из камней и плит, перекрытый каменными плитами. Длина ящика 1,75 *м*, ширина 0,45 *м*, высота стенок 0,3 *м*.

На дне ящика обнаружены в анатомическом порядке бедренные кости человека. Судя по ним, погребенный лежал в вытянутом положении, головой на ЗЮЗ. Ниже черепа, с правой стороны стоял глиняный кувшин с высокой горловиной. Край венчика слегка отогнут наружу. Дно округлое, но в центре имеется углубление диаметром 2 *см*.

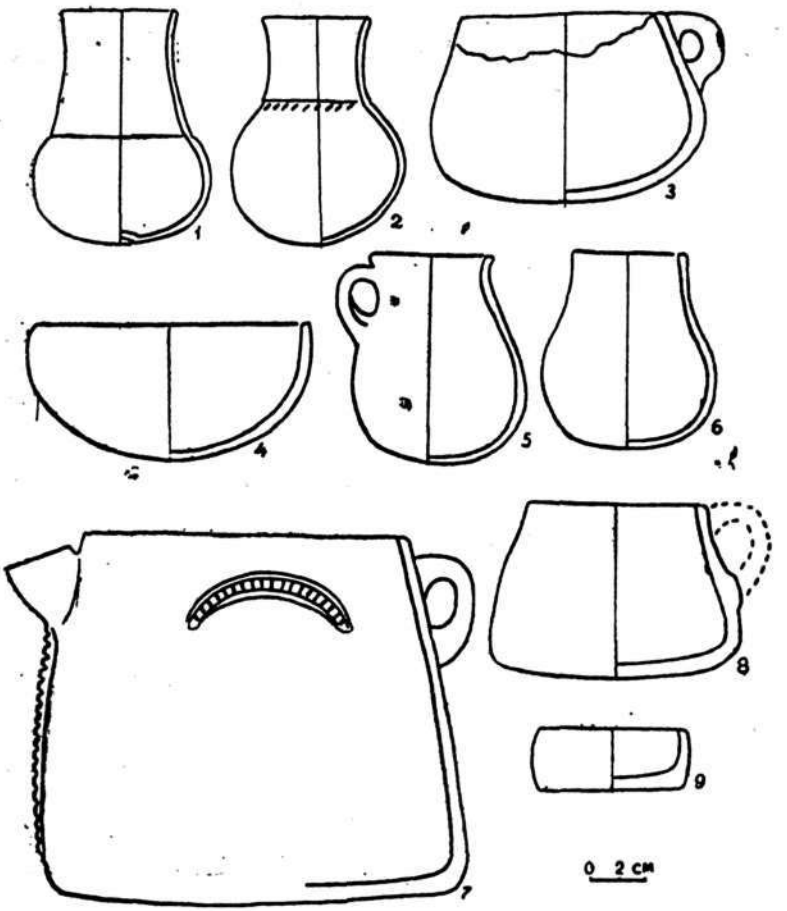

Рис. 9. Шошкала. Глиняные сосуды: *1* — курган 127; *2* — выкладка 140; *3, 7—9* выкладка 135; *4* — выкладка 132; *5* — курган 109; *6* — курган 129.

Изготовлен кувшин ручной лепкой (рис. 9, *1*). В нем оказались хвостовые позвонки барана (остатки погребальной пищи).

Курган 129 диаметром 5,6 *м*, высотой 0,15 *м*. Поверхность выложена камнем (рис. 8, *6—8*). На глубине 0,35 *м* был завал из камней, под которым оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами ЗСЗ — ВЮВ. Длина ямы 2 *м*, ширина 0,9 *м*. На глубине 1,15 *м* от края ямы, с южной стороны находилась ступенька шириной 0,27 *м*, высотой 0,25 *м* (вдоль стенки). На дне ямы (глубина

1,4 *м*) сохранились в анатомическом порядке берцовые кости ног и лучевые кости правой руки человека. Судя по ним, погребенный лежал в вытянутом положении, на спине, головой на ЗСЗ. Около северной стенки стоял глиняный кувшин с округлым дном и прямым венчиком. Он изготовлен ручной лепкой (рис. 9, *6*). Около локтевого сустава правой руки лежала небольшая каменная терочка (рис. 3, *19*).

Выкладка 132 диаметром 5,5—6,9 *м*. По основанию и поверхности она обложена камнем. На глубине 0,2 *м* оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами СЗ — ЮВ. Длина ямы 1,9 *м*, ширина 0,6 *м*. В заполнении ямы найдены разрозненные кости человека и половина глиняной миски с округлым дном, у которой стенки слегка закруглены. Она изготовлена ручной лепкой (рис.9, *4*). На дне ямы (глубина 0,8 *м*) сохранились в анатомическом порядке кости ног человека. Судя по ним, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на СЗ. Под южную стенку в юго-западной части ямы уходила ниша.

Выкладка 135 диаметром 6,5 *м*. На поверхности она обозначена кольцом из камня в три ряда (в центре камень отсутствовал). На глубине 0,2 *м* обнаружен завал из камней, под которым оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами почти точно З — В с небольшим отклонением западной стенки к северу. Точные контуры выяснить не удалось. На дне ямы (глубина 1,3 *м*) сохранились кости ног человека. Судя по ним, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой почти точно на З. С левой стороны погребенного, вдоль ног располагались три глиняных сосуда. Они с округлым дном, изготовлены ручной лепкой. Один из них большой, чайникообразной формы с петлеобразной вертикальной ручкой (рис. 9, 7). Под носиком (по вертикали) у него имелся орнаментальный налеп с насечками. Высота сосуда 0,28 *м*, диаметр венчика 0,24 *м*, дна 0,3 *м*. Два других — кубки со скошенными внутрь стенками, один из них с одной вертикальной ручкой (рис. 9, *8*), другой — с двумя вертикальными ручками в верхней части (рис. 9, *3*). В западной части ямы стояла половина глиняной плоскодонной плошки, изготовленной ручной лепкой (рис. 9, *9*).

Курган 138 диаметром 5,5—6 *м*, высотой 0,08 *м*. По основанию кургана выложено кольцо из камня, на поверхности также имелся камень. При снятии насыпи найден обломок глиняного пряслица (рис. 3, *9*). На глубине 0,3 *м* оконтурилась могильная яма, ориентированная по длинной оси З — В. Длина ямы 1,6 *м*, ширина 0,55 *м*, глубина 0, 6 *м*. При расчистке ямы встречены разрозненные кости человека.

Выкладка 140 диаметром 4,5—5 *м*. Поверхность выложена камнем, по основанию проходит кольцо из камня. На глубине 0,35 *м* обнаружен завал из камней, под которым оконтурилась могильная яма, ориентированная по длинной оси ЗСЗ — ВЮВ. Длина ямы 1,7 *м*, ширина 0,4 *м*, глубина 0,8 *м*. На дне сохранились кости человека (облом-

ки черепа, бедренные) в анатомическом порядке. Судя по ним, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на ЗСЗ. В юго-западном углу, в 0,15 *м* от дна стоял глиняный сосуд с высокой шейкой и округлым дном, изготовленный ручной лепкой. При переходе от горловины к тулову имелся орнамент в виде косых насечек (рис. 9, *2*).

Курган 146 диаметром 5 *м*, высотой 0,05 *м*. На поверхности выложен камнем, по основанию проходит каменное кольцо. На глубине 0,25 *м* обнаружен завал из камня, под которым оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами ЗСЗ—ВЮВ. Длина ямы 2,1 *м*, ширина 0,6 *м*, глубина 0,4 *м*. При расчистке встречены кости человека и десять астрагалов барана.

Рис. 10. Шошкала. Глиняный сосуд из выкладки 135.

Курган 147 диаметром 6,5 *м*, высотой 0,2 *м*. По насыпи кольцами уложены камни, а в центре находится две плиты. На глубине 0,3 *м* оконтурилась могильная яма, в заполнении ямы были камни. Длина ямы 1,7 *м*, ширина 0,75 *м*, она ориентирована СЗ—ЮВ. На глубине ямы 0,9 *м* обнаружены кости лошади (кости ног, зубы, хвостовые позвонки, ребра). Под костями оказалась ступенька высотой 0,2 *м*, шириной 0,4 *м*, расположенная у южной стенки. Вдоль северной стенки, на полу лежала локтевая и обломок лучевой кости, а у восточной—пяточная кость человека. Судя по ним, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на СЗ. При расчистке найдены обломки железной пряжки (?).

Выкладка 152 диаметром 6,5 *м*. По основанию имеется кольцо из камня, в центре — камни. На глубине 0,2 *м* оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами СЗ — ЮВ. Длина ямы 1,75 *м*, ширина 0,65 *м*, глубина 0,3 *м*. При расчистке ямы встречены разрозненные кости человека. Из вещей ничего не выявлено.

Несмотря на различия в наземных сооружениях рассмотренных нами могильников (курганы, выкладки), у них прослеживается много общего в сооружении погребальных камер (грунтовая могильная яма, иногда с перекрытием из каменных плит или дерева, ориентировка З — В с отклонением к С или Ю), а также в погребальном инвентаре. Это позволяет отнести все курганы и выкладки к одному времени.

Исследованные курганы и выкладки, за некоторым исключением, имеют следы ограбления, а сохранившийся инвентарь очень беден. Восстановить картину погребального обряда трудно. Инвентарь представлен глиняными сосудами, в основном изготовленными от руки. Некоторые из них с округлым дном, вылепленным отдельно, на матерчатом шаблоне. Посуда, сделанная на гончарном круге, имеет более плотный черепок, более тонкие стенки и лучший обжиг.

Сравнительный анализ керамического материала рассмотренных могильников позволяет говорить о его большом тождестве с керамикой усуньских памятников Семиречья I—III вв. н. э. Это сходство наблюдается на полусферических чашах, мисках, кубках с прямыми стенками[1], со стенками, скошенными внутрь[2], на небольших кувшинчиках-кубках с петлеобразной ручкой в верхней части тулова[3], в манере украшать посуду подковообразными налепами[4], получившими широкое распространение в тюркское время [5].

Наличие каменного кольца под и вокруг насыпи прослеживается довольно четко на сакских памятниках[6]. Такое тождество свидетельствует о преемственности усуньской и сакской культур.

---

[1] *А. Н. Бернштам.* Историко-археологичесие очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 53, рис. 23.

[2] *К. А. Акишев, Г. А. Кушаев.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963. (Сводная таблица ко второму разделу); *А. Г. Максимова.* Усуньские курганы левобережья реки Или. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1959, вып. 2, стр. 82, табл. 1, 10.

[3] *Е. И. Агеева.* К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 12. Алма-Ата, 1961, стр. 35.

[4] *А. К. Абетеков, Ю. Д. Баруздин.* Сако-усуньские памятники Таласской долины. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 22, табл. II, 3; *А. Г. Максимова.* Погребальные сооружения скотоводческих племен. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 14. Алма-Ата, 1962, стр. 112, рис. 13.

[5] *Е. И. Агеева.* Указ. работа, стр. 35.

[6] *К. А. Акишев, Г. А. Кушаев.* Указ. работа, стр. 98; *Э. В. Яковенко.* Рядовые скифские погребения в курганах восточного Крыма. Сб. «Древности восточного Крыма (предскифский период и скифы)». М., 1970, стр. 115, 116.

КОСТИ ЖИВОТНЫХ ИЗ КУРГАНОВ ЗЕВАКИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Л. А. МАКАРОВА

Зевакинский могильник находится близ с. Зевакино Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области и насчитывает, по данным Ф. Х. Арслановой[1], свыше 500 разновременных погребальных сооружений. Во многих исследованных захоронениях этого могильника обнаружены костные остатки животных — скелеты или отдельные кости.

В отдел археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР на определение видовой принадлежности поступили 1073 кости из 44 курганов Зевакинского могильника и несколько костей из его оград, которые в данном сообщении не описываются. Этот материал собран Восточно-Казахстанской археологической экспедицией в 1966 г. и археологической экспедицией Усть-Каменогорского педагогического института в 1968—1972 гг. Он представлен костями посткраниального скелета, в основном лошади, и меньшим количеством остатков крупного и мелкого рогатого скота (табл. 1). В нашей коллекции пригодные для краниологического исследования черепа отсутствуют, а имеющиеся фрагменты мозговой части черепа и отдельные нецелые нижние челюсти не позволяют сделать необходимые для этого измерения. Кроме того, значительная часть материала представлена частями скелета от разных особей или же единичными костями из разновременных курганов, что затрудняет сравнение костей по остеометрическим данным. Несколько облегчает данную задачу довольно точная датировка курганов.

Дадим краткую характеристику костным остаткам, найденным в курганах.

[1] *Ф. Х. Арсланова.* Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области. СА, 1973, 4, стр. 160.

Таблица 1

Видовой состав животных из курганов Зевакинского могильника

№ кургана	Крупный рогатый скот		Мелкий рогатый скот		Лошади	
	кол-во костей	кол-во особей	кол-во костей	кол-во особей	кол-во костей	кол-во особей
1	—	—	6	1	—	—
4	—	—	—	—	1	1
7	—	—	5	1	—	—
9	—	—	3	1	—	—
13	—	—	—	—	2	1
33	23	1	—	—	—	—
34	—	—	—	—	26	1
35	38	2	2	1	—	—
37	—	—	19	2	—	—
37А	—	—	—	—	57	6
37Б	—	—	—	—	32	2
37В	—	—	—	—	2	1
43	—	—	2	1	—	—
45	9	1	—	—	—	—
92	—	—	2	1	—	—
94А	—	—	3	1	—	—
98В	—	—	2	2	—	—
99В	—	—	—	—	34	1
99Г	2	1	—	—	65	1
100	38	2	—	—	—	—
103А	—	—	—	—	60	3
103В	—	—	1	1	—	—
103Г	—	—	11	3	—	—
104	—	—	—	—	2	1
114	—	—	—	—	1	1
121	13	1	—	—	—	—
125	—	—	—	—	2	1
126	—	—	—	—	2	1
130	19	2	22	5	18	1
135	—	—	—	—	1	1
141	—	—	—	—	1	1
144	—	—	—	—	6	1
145	—	—	—	—	85	5
146	—	—	—	—	1	1
146А	—	—	—	—	150	3
156	—	—	—	—	2	1
229	—	—	11	1	—	—
254	—	—	—	—	91	2
265	—	—	85	1	44	1
355	1	1	—	—	36	1
Большой курган	—	—	—	—	3?	1?
Курган «с усами»	—	—	—	—	16	3
Раннекочевническая группа, курган?	—	—	16	1	—	—
Итого	143	11	190	24	740	43

КРУПНЫЙ РОГАТЫЙ СКОТ

В нашем распоряжении имелось небольшое число костных остатков крупного рогатого скота из курганов 33, 35, 45, 100, 121 и 130. В основном это трубчатые кости конечностей: плечевые, лучевые-локтевые, бедренные и берцовые. Пяточных и таранных костей два экземпляра, одна копытная кость. Мало и фаланг пальцев. Из краниальной части скелета есть пять фрагментов верхних челюстей, две целые нижние челюсти взрослого животного и несколько отдельных зубов. Значительная часть костных остатков принадлежит молодым особям, поскольку многие трубчатые кости лишены эпифизов, а нижние челюсти (в большинстве обломки) с молочными зубами.

Наибольшее количество костей крупного рогатого скота найдено в курганах 100 и 130, относящихся к захоронениям кимаков X — XI вв. В кургане 130 наряду с костями крупного рогатого скота обнаружены кости лошади и несколько позвонков мелкого рогатого скота.

В своей работе Ф. Х. Арсланова сообщает о нахождении в кургане 100 костных остатков лошади (от двух особей)[2]. Однако в нашем материале из этого кургана имеются лишь костные остатки двух особей крупного рогатого скота, причем черепа или их фрагменты отсутствуют.

Приведем примеры некоторых костей этих особей. Длина альвеолярного ряда коренных зубов двух нижних челюстей 117,5 и 127,5 *мм*, соответственно длина M_3 31 и 33 *мм* и ширина 11,5 и 13,5 *мм*. Размер пясти: длина 178 *мм*, ширина верхнего конца 48 *мм*, ширина нижнего конца 52 *мм*, ширина диафиза 25 *мм*. Размер плюсны (2 одинаковых экз.): длина 200 *мм*, ширина верхнего конца 42 *мм*, ширина нижнего конца 47 *мм*, ширина диафиза 29 *мм*.

МЕЛКИЙ РОГАТЫЙ СКОТ

Мелкий рогатый скот представлен также незначительным числом остатков. В большинстве курганов их не было совсем. Из имеющихся в нашем распоряжении костей максимальное количество составляют позвонки, в основном крестцовые и хвостовые.

Больше всего костных остатков мелкого скота найдено в курганах 229 (III—I вв. до н. э.), 130 и 265 (IX—XI вв.). В последнем обнаружены все кости скелета, исключая череп, от одной особи овцы. Дадим измерения метаподий. Размер пясти: длина 145 *мм*, ширина верхнего конца 26 *мм*, ширина нижнего конца 29,5 *мм*, ширина диафиза

---

[2] *Ф. Х. Арсланова.* Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье. В кн.: «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 60.

17 *мм*. Размер плюсневой кости: длина 155 *мм*, ширина верхнего конца 23,5 *мм*, ширина нижнего конца 29 *мм*, ширина диафиза 14,7 *мм*.

ЛОШАДЬ

Кости лошади происходят из 28 курганов и, как уже отмечалось, по количеству их больше всех. Судя по литературным данным, костные остатки, с которыми мы ознакомились, это лишь одна часть костей лошади, обнаруженных в захоронениях Зевакинского могильника, другую же часть, как следует из работ Ф. Х. Арслановой, составляют находки в виде полных скелетов или отдельных черепов. К сожалению, изучить этот интересный материал нам не представилось возможным.

Целые черепа в нашем материале из курганов Зевакинского могильника отсутствуют. Имеются лишь несколько крупных фрагментов мозговой части черепа, отдельные зубы и в небольшом количестве разрушенные челюсти. Кости посткраниального скелета все, причем среди них преобладают плечевые, лучевые-локтевые, бедренные, берцовые, метаподии, первые и вторые фаланги. Пяточных и таранных костей немного. Целых копытных костей четыре экземпляра от одной особи. Общее количество костей лошади 740 и соответствует 42 особям. Кости лошади лучшей сохранности, чем кости крупного и мелкого рогатого скота, и принадлежат взрослым особям, за исключением костных остатков молодого животного из кургана 144.

Состав костных остатков лошади из курганов Зевакинского могильника дан в таблице 2. В нее не включены единичные находки.

К курганам раннекочевнического времени (III—I вв. до н. э.) относятся курганы 99 Е, 99 Г, 103 А (в них найдены почти все кости скелета, исключая череп) и курган 104. При раскопках в 1966 г. в кургане 104 был обнаружен скелет лошади [3], однако мы располагаем лишь двумя пястными костями. Размер костей из перечисленных курганов, а также из курганов кимаков IX—XI вв. (37 А, 37 Б, 114, 130, 145, 146 А, 254, 265, 355) показан в таблице 3. В кургане 114 собраны отдельные кости лошади, три черепа и почти два полных скелета [4]. К сожалению, мы располагаем лишь одной пястной костью лошади (длина 210 *мм*, ширина верхнего конца 45 *мм*, ширина нижнего конца 42 *мм*, ширина диафиза 31 *мм*). Курган «с усами», в котором выявлено небольшое количество костей лошади, датируется III—V вв. н. э. Из кургана 126 (VII—IX вв. н. э.) мы имеем две плюсневые и одну пястную кости, тогда как и в нем был найден скелет лошади [5].

---

[3] *Ф. К. Арсланова.* Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 43—68.

[4] Там же, стр. 43.

[5] Там же.

Таблица 2

Состав костных остатков лошади из курганов Зевакинского могильника

Наименование костей	Курган												
	84	87А	87Б	99Г	99Е	103 А	130	145	146 А	254	265	355	«с усами»
Лицевая часть черепа	—	—	—	10*	1	—	—	—	1	5	—	4	1
Нижняя челюсть	—	1	—	1	2	—	—	—	1	—	2	3	1
Отдельные зубы	—	44	2	8	—	28	—	24	12	—	8	—	—
Позвонки	4	9	5	16	2	—	12	3	18	12	14	8	—
Ребра	—	2	3	8	15	—	—	3	50*	—	16	7	—
Лопатка	—	2	2	1	2	—	—	—	3	2	1	2	3
Тазовые	—	5*	2*	2*	2*	—	1*	4	5	2	—	—	2
Плечевая	—	1	4	1	1	2	2	3	—	4	—	2	3
Лучевая-локтевая	1	4	3	2	1	2	1	3	3	2	—	2	4
Бедренная	1	1	1	2	—	1	1	5	3	4	—	2	—
Берцовая	1	2	1	1	2	2	—	4	6	4	1	2	—
Пяточная	—	2	—	2	—	2	—	—	5	2	—	—	—
Таранная	—	3	—	2	2	2	1	4	5	2	—	—	—
Мелкие кости запястья и предплюсны	6	6	—	4	—	12	—	7	18	26	—	—	—
1-фаланга	1	12	2	—	—	3	—	10	6	4	1	—	—
2-фаланга	2	1	—	1	—	2	—	7	4	4	—	—	—
3-фаланга	—	2	2	1	—	—	—	—	—	4	—	—	—
Пясть	—	1	3	2	2	2	—	—	5	1	—	2	1
Плюсна	—	3	2	1	2	2	—	5	8	2	1	2	1

Примечание: Звездочкой отмечены обломки костей.

Пользуясь методикой В. О. Витта [6], можно оценить высоту в холке лошадей из курганов IX—XI вв.

Высота в холке, *см*	Число костей	%
120—128 (мелкие)	1	4
128—136 (малорослые)	8	32
136—144 (средние)	16	64

Так как в некоторых случаях мы не можем установить принадлежность различных типов костей из одного кургана к одной и той же особи, то процентное соотношение в приведенных выводах не отражает действительного соотношения особей из этих курганов. Однако видно, что лошади из курганов IX—XI вв. Зевакинского могильника в основном малорослые и средние по росту. То же самое, насколько можно судить по измерениям небольшого числа особей, можно сказать и о лошадях из курганов III—I вв. до н. э.

[6] *В. О. Витт.* Лошади Пазырыкских курганов. СА, 1952, XVI, стр. 172.

Таблица 3

Размер и пропорции костей лошади

Признаки	Измерения костей из курганов					
	IX—XI вв.			III—I вв. до н. э.		
	n	Lim	M	n	Lim	M
Ширина нижнего суставного блока плечевой кости, *мм*	5	68—75,5	72,90	—	—	—
Длина лучевой кости, *мм*	5	320—335	323,4	—	—	—
Индекс ширины верхнего конца лучевой кости, %	5	24,7—26,3	25,30	—	—	—
Индекс ширины нижнего конца лучевой кости, %	5	22,1—23,6	22,70	—	—	—
Индекс ширины диафиза лучевой кости, %	5	11,9—12,9	12,28	—	—	—
Ширина нижнего суставного блока берцовой кости, *мм*	4	72—77	75,13	—	—	—
Длина пясти, *мм*	8	220—235	225,5	7	218—240	230,14
Индекс ширины верхнего конца пясти, %	6	21,8—23,4	22,37	7	21,4—23,1	22,46
Индекс ширины нижнего конца пясти, %	8	19,6—21,8	21,38	6	20,8—22,1	21,6
Индекс ширины диафиза пясти, %	8	13,8—15,7	15,05	7	13,9—14,9	14,56
Длина плюсны, *мм*	12	250—270	264,75	4	260—275	26,88
Индекс ширины верхнего конца плюсны, %	11	16,6—20,0	17,95	4	18,5—18,9	18,6
Индекс ширины нижнего конца плюсны, %	11	16,6—18,7	18,11	3	17,9—18,5	18,17
Индекс ширины диафиза плюсны, %	12	11,0—12,4	11,80	3	11,3—11,7	11,43

Если придерживаться деления А. А. Браунера[7] домашних лошадей по величине индекса ширины диафиза пясти, то получим следующие данные:

Категория	Индекс	IX—XI вв.		III—I вв. до н. э.	
		Число особей	% особей	Число особей	% особей
Тонконогость	13,5—14,5	1	16,7	1	25
Полутонконогость	14,5—15,5	4	66,7	3	75
Средненогость	15,5—16,5	1	16,7	—	—

[7] *А. А. Браунер.* Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губернии. «Записки Об-ва сельского хозяйства Южной России», т. 86, кн. I. Херсон, 1916.

Таким образом, среди лошадей из курганов Зевакинского могильника более всего полутонконогих особей. Этот вывод вследствие недостаточности костного материала предположителен. Однако следует упомянуть, что В. И. Цалкин[8] также отмечает большее количество полутонконогих особей среди лошадей курганов Алтая, расположенных не так далеко от курганов Зевакинского могильника.

Длительный исторический период, которому соответствуют находки костных остатков лошади, а также наличие в коллекции единичных экземпляров костей из определенных курганов и их фрагментарность, не позволили установить характер породы лошадей из курганов Зевакинского могильника. Поэтому нами сделаны только некоторые ориентировочные выводы.

---

[8] *В. И. Цалкин.* К изучению лошадей из курганов Алтая. МИА, № 24, 1952, стр. 147—156.

СОДЕРЖАНИЕ

К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Отрар XVI—XVIII веков по итогам раскопок 1971—1973 годов 8
С. М. Ахинжанов. К вопросу о знаках на керамике позднесредневекового Отрара 49
Р. З. Бурнашева. Монеты раннего средневековья с городища Отрар-тобе и Отрарского оазиса (1969—1972 гг.) 60
В. Л. Воронина. Колонны из Отрара 70
В. А. Грошев. К вопросу о средневековых оросительных системах Отрарского оазиса 75
С. Жолдасбаев. Поселение Актас-мечеть (XVII—XIX вв.) 86
Т. И. Кулик. Два хума с городища Шаушукумтобе 94
В. Н. Настич. Поясная накладка из Отрара 97
Б. Н. Нурмуханбетов. Катакомбы Борижарского могильника 106
Ф. Х. Арсланова. Курганы «с усами» Восточного Казахстана 116
М. К. Кадырбаев. Зооморфные костяные пластины из Северного Казахстана. 130
А. Г. Максимова. Узун-Булак и Шошкала — могильники усуньского времени. 141
Л. А. Макарова. Кости животных из курганов Зевакинского могильника. . 161

ДРЕВНОСТИ КАЗАХСТАНА

Утверждено к печати Ученым советом Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР

Редактор *Н. Н. Королева*
Худож. редактор *И. Д. Сущих*
Художник *Э. Николаев*
Техн. редактор *В. К. Горячкина*
Корректор *Л. И. Пушкина*

* * *

Сдано в набор 7/VII 1975 г. Подписано к печати 18/XI 1975 г.
Формат 70×90$^{1}/_{16}$. Бумага № 1. Усл. печ. л. 12,3. Уч.-изд. л. 13,5.
Тираж 2900. УГ05179. Зак. 112. Цена 1 р. 37 к.

* * *

Издательство «Наука» Казахской ССР.
Типография издательства «Наука» Казахской ССР.
Адрес издательства и типографии: 480021, г. Алма-Ата, ул. Шевченко, 28.

Цена 1 р. 37 к.